

Александра Лосева

Две недели и дальше. Плохая вода. [Книга вторая]

Аннотация

Идти в обход – понятно, Не очень-то легко, Не очень-то приятно, И очень далеко. Поисковая партия из четырех человек... эээ, человек ли? Впрочем, к этому мы вернемся позднее. Итак, поисковая партия из четырех... поисковиков отправляется на поиски, соответственно, похищенного магического артефакта. Долженствующего толи спасти мир, толи уничтожить. Иными словами его необходимо найти и вернуть на место.

Глава 1

Ночью темень, ночью тишь, ведьма, ведьма, где ты спишь? Лисий след ведет к норе... Где же твоя нора, ведьма? Оооо, твоя нора мне известна. В твоей норе – бархат и парча, в твоей норе – ковры из Султаната, хрусталь и золото на столе, шелковые скатерти, кружевные салфетки, батистовые платочки, серебряные канделябры, фарфоровые супницы, жемчуга россыпями, услужливые горничные, пуховые перины, стены, уставленные книжными шкапами – армии пыльных фолиантов в твоей библиотеке... В твоей спальне – огромное зеркало, а в зеркале отражаешься ты, во всей красоте и бесстыдстве... Смоляные волосы, синие глаза, алые губы... Только у ведьмы бывает такая красота. Жемчужная сетка на змеиных косах, золотые перстни на тоненьких пальчиках, бриллиант в форме капли на серебряной цепочке и маленькая родинка между правой и левой грудью – я знаю тебя всю, каждое пятнышко, каждый волосок на твоём совершенном и наглом теле! Такая юная, такая прекрасная, такая ненавистная тварь...

Я уничтожу это наваждение вместе с тобой. Когда твои вишневые губы лопнут под ударом тяжелого кулака; когда твои точеные ножки раздробят в Башимаках Правды; когда твою белую кожу иссекут железными прутьями; когда тебя, покалеченную, растоптанную, скулящую от страха и боли, воняющую мочой и сыростью, закованную в ржавые кандалы, от которых сходит кожа с запястий, повезут по главной улице на площадь; когда чернь будет улюлюкать и швырять в тебя тухлыми яйцами, дерьмом и камнями; когда тебя привяжут к столбу, обложат хворостом и сожгут под приветственные крики толпы – вот тогда я буду свободен. Я, Этьен Монблан, чувствую в себе Силу, которая сродни твоей, но эта Сила от Единого, а ты продала себя Тьме. И как Единый не позволил мне осквернить себя близостью с тобой, так я не оскверню себя твоей кровью. Я просто отдам тебя церкви, любовь моя, чтобы никогда больше не чувствовать на себе твою волибу. Еще совсем немного времени... Еще совсем чуть-чуть... Ты крепко приворожила меня, но я смогу. Я взгляну на тебя еще раз, дам тебе последний шанс, а потом...

– Иефа, Иефа, слышишь? Эй, проснись! Иефа!
– Ночью темень, ночью тишь...
– Да ты бредишь, что ли? Ну, приди в себя! Это был сон, слышишь? Ты здесь?
– Да, Стив, спасибо. Это был сон. Просто сон.
– Что-то слишком уж часто тебе снятся "просто сны".
– Не бери в голову, Стив. Я посплю еще, ладно?
– Спи. Я разбужу, если что.
– Да, пожалуйста. Знаешь, Стив, эти сны не из приятных.
– Ясен пень. Спи, сил набирайся. Нам еще топать и топать.
– Я знаю, Стив. А все-таки не надо туда ходить. Вы мне не верите, а я чувствую...
Нутром чую... Как зверь... Нельзя туда... Нельзя...

– Эх ты, пигалица...

Стив заботливо укрыл полуэльфку плащом. Иефа вздохнула во сне, страдальчески нахмурила брови. Даже при свете костра было видно, какое бледное у нее лицо и какие глубокие синие тени залегли под глазами. Стив покачал головой. Иногда ему казалось, что нужно было все-таки послушать барда и плюнуть на странную вырубку, на мертвых лесорубов и северное направление, но все как-то сложилось... Одно к одному. Зулин был очень убедителен, но пока не напали гибберлинги, оставалось еще маленькое, просто-таки малюсенькое зернышко сомнения. А Стив терпеть не мог незавершенности. И кто знает, может, если бы не этот чертов медальон с литерой V, снятый с мохнатой крепкой шеи мертвого гибберлинга, может, Стив бы и прислушался к тоненькому протестующему голосу. Но находка решила все. Зулин с торжествующим видом потрясал медальоном, аккуратно держа его за шнурок, и восклицал: "Я же говорил! Я же говорил! С севера!" С окровавленным ножом в одной руке и медальоном в другой, планар производил тягостное впечатление. Стив все время вспоминал, как легко и равнодушно Зулин перерезал горло беспомощному гибберлингу, и не мог понять. Нет, все ясно, враг – он и есть враг, в бою врага надо уничтожать, но беспомощного... В ответ на тихое ворчание дварфа Зулин беспечно махнул рукой и заявил, что зло подлежит ликвидации, что гибберлинг был явным злом, а следовательно... Иефа сидела на земле и смотрела на мага несчастными глазами, а Ааронн крутился вокруг нее, промывая и перевязывая раны от укусов и многочисленные царапины. При мысли о том, что полуэльфка, хоть и пряталась за его спиной, пострадала больше всех, Стиву становилось так стыдно, что хоть плачь. Вдобавок, собирая свои пожитки по всему лагерю, Стив наткнулся на безнадежно разбитую лютню и окончательно расстроился. "Нет, ну почему именно я?" – думал он, вручая исковерканный инструмент барду. Иефа только судорожно вздохнула и ничего не сказала.

Потихоньку темнело, Зулин скомандовал перенести лагерь на пару полян севернее и лихо распределил дежурства. Ему даже не возражали. Иефа баюкала изорванную руку, Ааронн хмуро сортировал перемешанные и растоптанные травы. Стив тогда еще поинтересовался, не заметил ли господин начальник, что Иефу здорово потрепали и что дежурить она вряд ли сможет? Пусть вылечится – удивился Зулин – она же умеет, как выяснилось. Иефа покосилась на убитую лютню и закусил губу, и тогда обычно невозмутимый Ааронн взорвался. Он подлетел к магу вплотную и заговорил ровным, звенящим от ярости голосом, и взглядом буравил, и наступал, глядя сверху вниз, и грудью ошалевшего мага подталкивал. Стив услышал много нового о методах магического врачевания, о стихийной и выработанной магии, о магии небоевой, но в бою применимой, о расходе энергии и бережном отношении к носителям оной, и понял так, что Иефа как раз таковой и является – стихийной, необученной, не боевой, но в бою применимой. А главное – сказал Ааронн, уже почти перейдя на шипение – главное, что он, Зулин, маг средненький, раз не попытался разобраться в способностях барда, а руководитель и вовсе никудышный, дальше своего носа не видит и в проблемы подчиненных не вникает, и что Иефа ближайшие пару часов даже синяк простенький залечить не сможет, а благодаря ей, между прочим, трое из двадцати на тот свет отправились, и в бою она, вопреки ожиданиям, не мешала, не отвлекала, а помогала только, и он, Зулин, должен ценить, что помимо барда в партии появился еще один целитель и еще один почти боец. И вообще Иефу беречь, как зеницу ока надо, а он вместо этого...

Зулин отступал мелкими шажками, растерянно глядя на эльфа, и неизвестно, чем бы все это закончилось, но Иефа с трудом поднялась на ноги и зашвырнула лютню далеко в кусты, да еще и выругалась – грязно и громко, и все замолчали. "Идемте уже отсюда – сказала полуэльфка и ухватила за лямки свой рюкзак. – Очень уж здесь противно".

И они пошли. Отыскивали поляну поменьше и поуютней, костер развели, похлебку какую-то сварганили... Первым дежурил Ааронн, потом Зулин, потом Стив, потом... Потом дварф решил про себя, что пусть уж она поспит, а вот теперь и не знал уже, стоило ли... Иефа ворочалась и металась, говорила странным голосом непонятные фразы, вскрикивала...

Стив будил, она смотрела сонными непонимающими глазами, вздыхала, благодарила, засыпала и все повторялось снова. От этой неизбежной последовательности становилось сильно не по себе. Дело ведь даже не в снах – можно подумать, Стиву никогда не снились кошмары! Снились, и еще как! – да, дело даже не в снах. А дело в том, что эти сны – почти явь. Вопреки своей прагматичности Стив понимал, что сейчас, вот прямо в эту секунду, нет для полуэльфки ничего более реального, чем эти видения. Они могут не только напугать. Они могут убить. И Стив ежился, всматриваясь в тоскливую морщинку между светлых бардовских бровей, и гадал, с кем же она воюет сейчас где-то там, где он вряд ли когда-нибудь окажется...

Какие холодные стены, братик, какие здесь холодные стены... Соберись, Элена, не раскисай, нельзя. Этого не может быть. Не со мной. С кем угодно, но только не со мной. Это сон. Я сплю сама или снюсь кому-то, но это сон. Так не бывает. Дочь герцога не могут бросить в яму. Просто не могут – и все. Я, Элена де Виль, дочь герцога, а значит это сон. Просто кошмарный сон, я скоро проснусь, Лиза принесет горячий шоколад и воду в серебряном кувшине, я этот кувшин обязательно запущу ей в голову, потому что вода будет недостаточно горячей... Или недостаточно холодной, это не важно, но наглая деваха будет ползать по полу, раскорячив зад, и собирать воду тряпкой, а я буду сидеть на кровати, пить шоколад и пинать ее носком туфли в мягкое место, и еще расскажу ей, что так теперь будет всегда, каждое утро, если, конечно, она не перестанет бросать пыльные взгляды в сторону моего брата. Тупая корова! Не ее крестьянским телесам греть Себу постель! Я ей устрою... Я ее... Боже, но как же здесь холодно! Дайте хоть что-нибудь, хоть какое-то одеяло, я не выношу эту сырость, она вгрызается в мои кости, гложет суставы, я мерзну! Я, Элена де Виль, мерзну на дне вонючего, сырого и темного каменного мешка! Бред! Это какая-то ошибка, какая-то чудовищная ошибка... Меня перепутали с кем-то. Хотя, нет, это тоже абсурд. Как можно меня – Меня! – с кем-то перепутать. И все-таки... Нет, вы еще попляшите, недоумки! Мой отец покажет вам, что значит немилость первого вельможи Железной империи! Мой брат по камешку разнесет эту башню, а вас... Вас... Я точно знаю, что вот сейчас, конечно, вот уже сейчас меня хватились дома и рыщут по всей округе, расспрашивают каждого встречного, вот, я просто вижу, как они врываются в ваши жалкие канцелярии, крушат двери и переворачивая столы, а вы, мерзкие крысы в коричневых камзолах, дрожите и кланяетесь, потому что к вам пришли Власть и Деньги! Я знаю, еще несколько мгновений – и загремят засовы, распахнется дверь, Себ бурей ворвется в эту гнусную дыру, подхватит меня на руки, укутает в свой бархатный плащ и вынесет на свет божий, под яркое солнце, братик, братик любимый... А потом вы до конца жизни своей будете жалеть, что прикоснулись ко мне. Я... Только бы согреться немного.

Время тянется так долго.

Так долго.

Так бесконечно долго.

Так...

– Элена Патриция Виолетта де Виль! Встаньте перед лицом служителей Единого!

– Дочь герцога не будет стоять перед простолюдинами. Я требую, чтобы известили моего отца. Посмотрим, как вы тогда запоете.

– Элена де Виль, перед лицом Единого вы обвиняетесь в колдовстве, богохульстве, наведении порчи, ворожбе, некромантии, разврате, наведении чар на собственного брата и кровосмесительной связи с оным, совершении обрядов, направленных на уничтожение церкви Единого, ереси и подстрекательстве. Признаете ли вы себя виновной в перечисленных деяниях?

– Вы сошли с ума. Вы отдаете себе отчет, с кем вы говорите?

– Покайся, ведьма, облегчи душу, быть может, Единый простит тебя. Признаешь ли ты...

– Эй вы, сборище глухих болванов! Позовите моего отца, моего брата! Не то будет хуже!

– И в третий раз суд спрашивает тебя, признаешь ли ты...

– Подите к дьяволу, тупицы! Нет! Не признаю! Жизнью своей клянусь, если вы сейчас же...

– Святой отец, она ворожит, ворожит! Она одержима Тьмой, она собой не владеет! Это не она говорит, бедное, невинное дитя, это Тьма во чреве ребенка! Святой отец, не допустите гибели этого юного создания, изгоните из нее Тьму, умоляю! Спасите ее! Изгоните Тьму священной болью!

– Сын мой, она не стоит такого великодушия, но ты прав. Ее душа вопиет о спасении. На дыбу ее.

– Безумцы... Вы что, не слышите меня?! Позовите моего отца!

– У тебя больше нет отца, ведьма. Человек, вырастивший тебя, оказался истинным чадом Единого и не стал упорствовать. Он отрекся от тебя и твоей волибы, и теперь молится о спасении твоей души. Ты крепко околдовала своего брата, но мы спасем и его. Как только священный огонь Единого очистит тебя от скверны, он вернется в лоно церкви. Порадуйся за своего брата, ведьма, если в тебе осталось хоть что-то человеческое.

– Я не ведьма, я... Я требую справедливого суда! Я требую защиты! Я...

– О, разумеется. Тебя допросят по всем правилам и дадут право высказаться. А чтобы Тьма не связала твой язык тенетами лжи, рядом с тобой будет добрый брат палач. Как видишь, мы заботимся исключительно о твоём благе. Суд Единого справедлив и милосерден. На дыбу ее.

– Сеееееееееееееб!!!!!!...

– А, задница Мораддинова, опять! Иефа! Иефа!

– Нет, не надо, не смейте, не трогайте меня, я...

– Иефа!...

– Стив... Боги, боги, больно-то как...

– Послушай, может, попробуешь чуть-чуть подлечиться, а? Время-то прошло уже, а? Ну сил же ж нет никаких смотреть, как ты мечешься.

– Я не из-за этого, не из-за руки...

– Да знаю, знаю. Тебе просто приснился сон. Но ты послушай меня, я в этих делах разбираюсь. Когда мякиш кровоточит, еще и не такая пакость в голову ползет.

– Что кровоточит? Мякиш?

– Ой, начинается. Ну куда там тебя укусили-цапнули? Не цепляйся к словам!

– Ладно, не буду. Ого, луна куда забралась! Стив, ложись-ка ты спать, мое дежурство часа полтора назад началось.

– Вы посмотрите на нее – вояка выискалась! Сама на бледную поганку похожа, а туда же – дежурство у нее. Ложись давай, пока по шее не получила.

– Стив, а ты, часом, не много ли себе позволяешь?

– Сколько надо, столько и позволяю. Кто здесь воин, в конце концов, я или поваренная книга?

– Ты, Стив. Поваренную книгу эти твари в клочья разнесли.

– Ну вот и спи.

– Спи... Легко сказать.

... Луна летела вслед за Иефой и никак не могла догнать, и от этой бесконечной, ненасытной погони становилось очень жутко. Иефа крикнула тихо и тоскливо, сложила крылья и камнем ринулась вниз, навстречу серым каменным башням, широко раскрыв глаза и мечтая только об одном – больше не быть. Башни стремительно неслись навстречу, и сердце отчаянно трепыхалось в горле, и было трудно дышать. Иефа собрала волю в кулак и широко открыла глаза, чтобы видеть, до самого конца видеть истертый временем камень,

голодную луну и синеватый ночной воздух. Смотровая площадка встретила ее и пропустила сквозь себя. Иефа дернулась, расправила крылья и попыталась взлететь, но только поранилась об острые каменные углы. Она продолжала падать, теряя перья и остатки воли, падать сквозь вековые булыжники куда-то совсем вниз, в чужую жизнь, ненависть и боль. Боли было много, очень много, постепенно она переполнила Иефу и начала выплескиваться крупными солеными каплями из воспаленных глаз, Иефа посмотрела на свои руки и увидела кровавое месиво, заключенное в ржавые кандалы, от которых сходит кожа с запястий. Очень хотелось умереть.

– Вызывается свидетель со стороны обвинения – его сиятельство герцог Тереций де Виль. Перед лицом Единого клянётесь ли вы говорить правду, только правду и ничего кроме правды?

– Клянусь. – Иефа подняла голову и посмотрела на человека в дорогом камзоле. Человек был бледен и трясся. Кажется, от ярости.

– Подсудимая – ваша дочь?

– Была ею. Я отрекся от нее, когда узнал, что она ведьма. Сердце мое обливается кровью, но Единый даст мне сил пережить позор.

– Была ли подсудимая послушным и ласковым ребенком?

– Она была дерзкой и ветреной, часто огорчала меня и мою несчастную супругу, издевалась над слугами.

– В пору девичества отличалась ли подсудимая скромностью и благонравием?

– Она была ветрена и кокетлива, обожала дорогие наряды и украшения, любила красоваться перед юношами, позволяла себе сумасбродные, непозволительные для незамужней девицы выходки, часто совершала конные прогулки в одиночестве, отослав под каким-нибудь предлогом компаньонов.

– Много ли времени проводила подсудимая со своим братом, вашим сыном?

– Много. Они вместе читали книги. Я поощрял эту близость, надеялся, что мой сын, как старший, благотворно повлияет на нее. Я ошибся.

– Связывали ли их только родственные чувства?

– Не знаю. Я...

– Вопросов больше нет. Ваша честь, вина подсудимой очевидна, на лицо все признаки ведьмы: страсть к нарядам, блудливость, неестественная тяга к чтению, стремление остаться в одиночестве для совершения богомерзких обрядов, дерзость и жестокость. Но суд Единого справедлив и милосерден, мы не будем делать поспешных выводов. Обвинение просит разрешить вызвать следующего свидетеля.

– Вызывайте.

"Господи, как долго, – подумала Иефа и покачнулась. – Как бесконечно долго, Господи мой милый... Скорей бы уже".

– Элизабет Пин, перед лицом Единого клянётесь ли вы говорить правду, только правду и ничего кроме правды?

– Своей душой клянусь.

– Вы прислуживали обвиняемой?

– Да, высочайший, я была ее горничной. Единый свидетель – это была настоящая пытка, иначе и не скажешь.

– Доводилось ли вам увидеть, услышать или каким-то иным способом убедиться, что подсудимая продала себя Тьме?

– О да, ваша честь! Множество раз! Едва продрал глаза, она начинала бранить Единого и нашу святую церковь, а, произнося имя нашего Бога, она плевалась и клялась в своей ненависти к нему. Она заставляла меня ловить мышей и сворачивать им головы у нее на глазах, а если я отказывалась, била меня и наводила на меня чары, да так, что я не могла пошевелиться, все нутро у меня горело, на лице вздувались волдыри и волосы на голове становились дыбом. Она грозилась превратить меня в жабу, если еще раз увидит рядом с молодым герцогом, она плясала голышом при полной луне и пела непонятные песни,

заставляла летать предметы и привораживала мужчин, да так, что они потом только о ней говорили и думали, она...

– Достаточно. Что вы можете сказать об отношениях подсудимой с молодым герцогом?

– О, ваша честь, она долго к нему домогалась и все зазря! Сколько раз я видела, случайно проходя мимо, как она вешалась ему на шею, а он ее отталкивал, потому что молодой хозяин настоящий дворянин и такой красавец, и видел ее насквозь, как она напропалую со всеми, а зачем ему такая шлю...

– Ближе к делу.

– Так я о чем и толкую! Она никак не могла добиться своего, и тогда она вызвала страшного демона, вырвала у него волосок из... ну... срамного места – я это видела собственными глазами! – волосок переплела со своим, сожгла, а пепел добавила в вино молодому хозяину, а тот...

– Довольно. Можете занять свое место, Элизабет, вы честная и храбрая девушка – Единый наградит вас за это. Обвинение вызывает...

Перед глазами Иефы все поплыло, закружилось, она стала медленно заваливаться на бок, но чья-то рука крепко и больно ухватила ее за волосы на затылке и заставила сидеть ровно, и эта боль добавилась к большой боли, маленькая капелька в огромном океане. Растаяли в мутном мареве серые каменные стены, и сквозь душный ватный шум в ушах звучали глухие и отдаленные голоса, какие-то обрывки фраз, имена и названия, треснувшим колоколом дребезжал судья, надрывной дудкой вскрикивал обвинитель, и еще какие-то ноты вплетались в какофонию, знакомые и не очень, но Иефе было уже все равно, все равно... Лишь бы скорей.

– Свидетель... обвинение... пред лицом...да... жертва... обряды... соблазнила... порча... каким образом... ересь... доказательства... развратная... на брата... в полночь... свидетеля... клянетесь ли... Этьен Монблан... ведьма... ведьма...ведьма!... Суд призывает... обвинение... свидетель... жертва... доказательство... невменяем... колдовство...Себастиан де Виль...

– Елена! Елена! Не молчи! Скажи им, что это неправда! Скажи им! Это неправда, слышите?! Неправда! Это говорю я – я, Себастиан де Виль! Это все ложь, гнусная, отвратительная ложь, рожденная завистью, жадностью и злобой! Она никогда не наводила на меня порчу! Она никогда не совершала обрядов! Она никогда не богохульствовала! Это чистый, невинный ребенок, милый и сумасбродный, немного дерзкий и шаловливый, красивая, умная и уверенная в себе девушка, гордая и независимая! Она имеет на это право! Но она не ведьма! Кого вы слушаете?! Слуг? Жалких неудачников? Деревенских дур? Елена, подними голову и скажи им, что это неправда! Елена!

Иефа попыталась отмахнуться от настойчивого, переполненного отчаянием голоса, но руки не слушались. Затылок пульсировал болью, и в голове били медные молоточки. Иефа подняла голову, медленно, чудовищно медленно, открыла глаза и посмотрела сквозь грязные свалявшиеся черные пряди, упавшие на лицо. Перед ней волновалось марево, и в этом мареве Иефа вдруг четко и ясно различила синий пронзительный взгляд, искавший ее упрямо и долго. Она встретила этот взгляд, удивилась его силе и пошевелила губами, пытаясь произнести имя. Рука на затылке сжалась сильнее и дернула, боль полыхнула и забилась, и тогда Иефа сдалась. Больше не было сил. Голова упала на грудь, а фальшивый оркестр в ушах грянул издевательскую бравурную мелодию. Голоса заволновались, зашепили, кто-то кричал, кого-то волокли из зала, надрывно вскрикивал обвинитель, и вдруг наступила тишина. Рука на затылке разжалась, Иефе отерли лицо влажной тряпичей и заставили подняться на ноги. "Вот оно, – подумала Иефа. – Спасибо, Господи. Наконец-то".

– Елена Патриция Виолетта де Виль! Суд дает вам последнюю возможность спасти свою несчастную душу. Согласны ли вы правдиво отвечать на вопросы суда?

В спину толкнули, Иефа послушно открыла рот и сипло сказала:

– Да.

– Признаете ли вы, что продали Тьме свою душу в обмен на красоту, вечную молодость и здоровье?

– Да.

– Признаете ли вы, что совершали богопротивные обряды, вызывали демонов и прочих Темных тварей ради собственной прихоти?

– Да.

– Признаете ли вы, что околдовали собственного брата, дабы вступить с ним в кровосмесительную связь?

– Да.

– Признаете ли вы...

– Да... да... да... да... да... да... да... да...

– Елена Патриция Виолетта де Виль, суд признает вас виновной во всех вышеперечисленных злодеяниях и приговаривает к смерти. Но Единый милосерден, и церковь не позволит Тьме заполучить вашу душу, поэтому, дабы очистить вас от колдовской скверны, суд приговаривает вас к сожжению на священном костре, и да исполнится воля Единого! Уведите преступницу.

– Да.

Иефа превратилась в камень, ее поволокли прочь, вон из душных подземелий, куда-то вверх, вверх и вверх, где были липы и деревянные качели в тенистом парке, а еще сердитая нянька и золотые кудряшки одуванчиков, и белая пена таволги – целые водопады – а еще пони, смешной рыжий пони по имени Мартин, который так любил яблоки. Все это было когда-то давным-давно, но так хорошо... В левую щеку Иефы впечатался комок грязи, и тенистый парк, качели и пони рассыпались серой пылью, словно их и не было никогда. Старуха, до боли похожая на вредную няньку, грозила кулаком из толпы. Иефа подняла голову и увидела в небе голодную злую луну, поняла, что нужно лететь, рванулась вверх и со стоном выдралась из липкой паутины чужой беды, закружила над скрипучей грязной повозкой, не в силах оставить часть себя там, в дрожащем избитом теле. Но луна подгоняла, жадная и нетерпеливая, как всегда, и Иефа полетела прочь от башен, прочь от площади, дымных факелов и нетерпеливой толпы. Она не видела, как втащили на помост и привязали к столбу черноволосую семнадцатилетнюю ведьму, не видела равнодушного синего взгляда, упорно следящего за одинокой птицей, спасающейся от луны. Иефа летела над лесом, задевая крыльями верхушки сонных деревьев, забыв о городе и его людях, но когда на площади вспыхнул костер, перья облетели с нее, как пух с одуванчика, Иефа заколотила руками в воздухе и стала падать, падать, падать...

– Стив, я посижу рядом с тобой, ладно? Все равно уже не засну.

– Опять гадости снились? Ничего, пройдет. Когда первый десяток гадов положишь, будет уже до одного места, убила ты там кого-то или не убила. Поверь мне на слово.

– Ты знаешь, мне снится какая-то странная история, очень похожая на правду. Я так ярко помню эти сны... Все это было когда-то, я просто уверена, что было...

– А ты на небо посмотри и скажи: куда ночь, туда и сон. И все забудется. Охота тебе верить во всякую ерунду. Сны – штука зыбкая, ненадежная. Никогда не полагайся на сны. Если тебе снятся сны, значит, ты недостаточно устал, а если ты недостаточно устал, значит, ты плохо работал – вот как я считаю. Было, не было – все равно ты этого никогда не узнаешь.

– А вдруг... – Иефа поворошила палкой угли и решила сменить тему. – Я тебя хотела спросить: эти твари, которые напали на нас – как ты их назвал? – они кто такие?

– Гибберлинги! – Стив досадливо поморщился. – Мы их называем шерстяными сороками, потому что они мохнатые и тырят все, что блестит. Сволочные существа, очень злобные. А я дурак, потому что сразу не сообразил. Помнишь те ямы, в которых мы копались? Так вот, это действительно были не могилы, гибберлинги в таких ямах живут и добро свое прячут. Тащат к себе всякие побрякушки и наслаждаются, а если эти побрякушки у них отобрать, они становятся бешеные, что твой тролль. Так что мы еще легко отделались.

– Шерстяные сороки, надо же...

– Вообще странно, что мы напоролись на них в лесу. Они водятся там, где можно чего-нибудь спереть, – возле городов, торжищ, больших торговых трактов... Да где угодно – только не в чащобе, куда ни один нормальный караван не забредет. Да и кочевать они не привыкли, так что...

– Ты хочешь сказать, что их кто-то спугнул? Согнал с насиженных мест?

– Похоже на то.

– Весело... – протянула Иефа, и по голосу было ясно, что ей-то уж вовсе не весело. – Стив, а в какой стороне горы?

– Горы? – дварф задумчиво погладил бороду. – Горы... – повторил он, словно пробуя слово на вкус. – Горы повсюду. Любая дорога, даже самая длинная и запутанная, если, конечно, ты настоящий дварф, наверняка приведет тебя в горы.

– Стив, это не "горы", – Иефа криво усмехнулась. – Это называется "дом". Я спрашиваю в буквальном смысле. Куда нужно идти? На запад? На восток? На...

– Север. Можно идти на север, можно идти на северо-восток, а можно просто на восток, – Стив сердито мотнул головой. – Даже на юго-восток немножко можно. Я тут не сопли развел, как ты, наверное, подумала. Горы – это не кучка жалких холмиков, которую можно обойти за час. Да, и горы – это не скопление домишек, к которому ведет одна раздолбанная дорога и которое вы гордо называете городом. Горы – это *горы*, у них нет адреса!

Иефа недоуменно глянула на разбушевавшегося дварфа и попыталась что-то сказать, но Стив в запале этого даже не заметил.

– Горы – это целый мир, в горах живут *народы*, и даже мы, дварфы, до конца не знаем, чего там есть, а чего нет! "Стив, а в какой стороне горы?" – писклявым голосом передразнил он полуэльфку. – Сначала думай, а потом говори! И не надо делать вид, что ты про меня все знаешь и понимаешь лучше, чем я сам! И про дом мне – мне, дварфу! – рассказывать тоже не надо! Можно подумать, ты в этом что-то смыслишь!

– Стив, хладнокровней, пожалуйста! – Иефа недобро блеснула глазами. – А то наговоришь сейчас всякого и до конца жизни будешь жалеть.

– Это почему же, хотел бы я знать?!

– Потому же! Я в твое прошлое не лезу, носом тебя в твою богатую биографию не тыкаю!

– Много ты обо мне знаешь!

– Вот именно! Поэтому заткнись и попытайся вспомнить, кто и когда дал тебе право судить обо мне! А когда вспомнишь, познакомь меня с этим типом – я с удовольствием начищу ему рыло!

– Тогда начинай прямо сейчас, потому что я сам решаю, что мне делать, и ни у кого не спрашиваю разрешения!

– Демон Баатора! Что опять происходит?! – Зулин приподнялся на локте и заспанными злыми глазами посмотрел на сопартийцев. Зверь недовольно завозился у него под боком.

– Внедряем в жизнь идею командной работы, господин начальник! – рявкнула Иефа и снова повернулась к Стиву. – Подкрепление подоспело! Доволен? Погоди, сейчас еще выскажется Ааронн, который уже минут десять притворяется, что спит, а на самом деле внимательно слушает, и все будет отлично. Нуте-с? – Иефа сделала приглашающий жест рукой в сторону мирно спящего эльфа.

– По-моему, ты излишне горячишься, – отозвался мирно спящий эльф. – Ваша беседа была бы весьма плодотворной, если бы вы не перешли на личности. В частности, стоило бы подробней обсудить твои сны.

– Что и требовалось доказать, – удовлетворенно кивнула Иефа.

– Сны! – недовольно фыркнул Зулин. – Ааронн, у нас нет времени на всякие глупости! Еще не хватало сделать из Иефы оракула и каждое утро выслушивать пересказ бредовых видений. Не слишком ли, друг мой? Она у тебя и маг, и целитель, и боец, и шпион, а теперь

вот еще и провидицей оказалась! По-моему, многовато для одной маленькой, нервной, покусанной гибберлингами полу... барышни!

– Зулин!

– Иефа!

– Хорошее начало хорошего дня, – философски пожал плечами эльф и с хрустом потянулся. – Разводи костер, Стив, будем завтракать.

* * *

Вырубка выглядела более чем прозаично, и, разумеется, Зулин не преминул это отметить. "Ночные страхи – назидательно сказал он – свидетельствуют о неустойчивой психике". "Иефа, милая, ты уверена, – спросил он – что тебе стоило идти в этот поход? Знаешь ли, дальше будет еще страшнее..." Иефа затравленно посмотрела на спутников, но поддерживать ее никто не собирался. Разобиженный Стив лелеял свое дварфское самолюбие, Ааронн сохранял неизменно бесстрастное выражение лица. Иефа открыла рот, чтобы съязвить, но вид свежесрубленных пней вызывал слишком яркие воспоминания, да и плечо болело. После завтрака полуэльфка попыталась залечить укусы, но получалось как-то не очень, а просить помощи у Ааронна не позволила гордость. "Да, – подумала она уныло, – это вам не султанатская плетть..." Теперь уродливые багровые рубцы под грубой тканью рубахи противно ныли при каждом движении, и от этого хотелось лечь на охапку сухих листьев и как следует прореветься в чей-нибудь плащ. Еще хотелось вжать голову в плечи, и дело было даже не в ночных воспоминаниях. Иефа чувствовала, как с каждым шагом внутри все сильнее ворочается непобедимая звериная паника, не имеющая никакого отношения к мертвым лесорубам. На севере плохо. На севере страшно. На севере -необъяснимая "плохая вода", не живая, но и не мертвая, высасывающая душу. На север нельзя. Ни в коем случае.

Но как объяснишь?

Можно было, конечно, пересказать сон, но Иефа уже и сама толком не помнила, что и когда ей снилось. Видения переплетались и путались, то полуэльфке казалось, что было озеро, возле которого ее сожгли на костре, то лес гнался за ней, а она пряталась от него в пыльной библиотеке, то волчья стая тонула в сером болоте и была от страха тоскливо и протяжно... Нет. Конечно, нет. Не перескажешь всего этого так, чтобы почувствовали и поверили, чтобы свернули с опасного следа и ушли дальше, как можно дальше от проклятого места... Конечно, нет. И полуэльфка уныло плелась в хвосте партии, изо всех сил заставляя себя переставлять ноги, и безнадежно мечтая о том, что след затеряется... Ну да. Как бы не так.

Глубокие борозды, пропаханные срубленными стволами, тянулись и тянулись на север, ни от кого не скрываясь. Разорванные пласты прошлогодних прелых листьев пахли сыростью и корицей, по влажным комьям земли ползали потревоженные жуки. Ааронн вел партию по следу, перешагивая через пни и разорванные муравейники, вел через вырубку, через густой березовый подлесок, через молчаливые, будто умершие поляны, дальше и дальше, и солнце поднималось все выше, а потом в воздухе что-то неуловимо изменилось, деревья расступились и...

...с диким криком свалилась в воду, и вода поглотила ее. И уже опускаясь на дно, чувствуя на горле стальные жадные пальцы, Иефа отчаянно дернулась, оскалила волчью пасть, забила слабеющими крыльями и тогда увидела перед собой...

– Ну вот, до хрена чистой питьевой воды, – сказал Зулин. – А мы мучились с этим дурацким ручьем. Смотрите, какое славное озеро.

– Угу, – согласился Стив, – вон спуск к воде. Пойду, что ли, башку остужу – совсем жара треклятая замучила...

– Стив, не ходи, – тихо сказала Иефа, с тревогой глядя на безмятежную водную гладь. – Слышишь? Я тебя очень прошу, не ходи.

– Это еще почему? – дварф недовольно дернул плечом.
– Потому что... – Иефа усилием воли подавила желание развернуться и удрать обратно в лес. – Потому что... нельзя. Просто нельзя.

– А если я взопрею? – Стив воинственно встопорщил бороду. – Может благородный дварф взопреет?

– Ну хочешь, я тебе из фляги полью? – жалобно предложила полуэльфка и даже руку дварфу на плечо положила для пущей убедительности. – Ну зачем тебе это озеро?

– Затем, что я купаться хочу! – вышел из себя Стив. – Зулину можно, а мне нельзя, что ли?!

– Зу... – Иефа искала взглядом планара и похолодела.

Пока Стив с Иефой препирались, маг спустился к воде и теперь не спеша подкатывал длинные рукава балахона, мурлыча себе под нос что-то благостное. Полуэльфка отпустила дварфское плечо и опрометью бросилась к планару.

– Зулин, не смей! Зулин!

– Что такое? – маг, собравшийся было зачерпнуть воды, распрямился и с удивлением посмотрел на бегущую к нему полуэльфку.

– Зулин, погоди! – Иефа затормозила у самой кромки, взметнув тучу песка, и ухватила планара за рукав. – Отойди от воды! Отойди, я тебя очень прошу!

– С какой стати?

– Я знаю, ты мне не веришь, – полуэльфка умоляюще посмотрела на Зулина. – Но все равно, я тебя очень прошу: отойди от воды! Ее нельзя пить, до нее даже дотрагиваться нельзя! Это смертельно опасно! Я прошу тебя, пожалуйста! Это плохая вода, это...

– Иефа, не начинай! В конце концов, это просто смешно! – маг сердито отпихнул от себя барда и снова наклонился к воде, но умыться так и не смог.

Иефа обхватила его поперек туловища и потащила прочь от берега, чуть не сбив с ног. Зулин мгновенно взъярился и рванулся прочь из цепких объятий барда, но Иефа держала на удивление крепко, и после непродолжительной борьбы оба повалились на землю и покатались. Полуэльфка мертвой хваткой вцепилась в мага, и даже в горизонтальном положении не оставляла настойчивых попыток оттащить его подальше от берега. Зулин пытался и отбивался, сквозь шум потасовки слышал подбадривающее гиканье Стива и чувствовал непреодолимое желание удавить Иефу голыми руками. Удавить и бросить на дно озера, в мягкий ил.

Подумав об этом, Зулин вдруг перестал воспринимать окружающий мир и услышал зов, прекраснее и могущественнее которого ничего не было на свете. *"Отдай ее мне, – требовало озеро, – она моя. Один раз ей удалось избежать своей судьбы, но теперь ты восстановишь справедливость. Отдай ее мне, верни то, что принадлежит мне по праву, и ты будешь вознагражден. Убей ее, ты же хотел это сделать раньше. Убей..."* Зулин потянул пальцы к незащищенному горлу Иефы, но тут в его голове раздался еще один голос, удивительно похожий на голос девушки. *"Застынь... Застынь... Мороз сковал реки... Ты – лед... Ты неподвижен... Застынь..."* **"УБЕЙ ЕЕ!!"** – загредел голос озера. Зулин стряхнул подступившее было оцепенение и вцепился полуэльфке в горло.

– Не получается! – услышал он где-то вдалеке отчаянный тонкий крик Иефы, получил чем-то тяжелым по голове и потерял сознание.

* * *

– Вот, уже приходит в себя, – Ааронн убрал из-под носа планара пузырек с каким-то чрезвычайно вонючим зельем и заткнул его пробкой.

Зулин чихнул, сел и, морщась, потрогал затылок. На затылке росла внушительных размеров шишка. Рядом сидел Стив и с таким гордым видом поглаживал топорщицу, что можно было не сомневаться: шишка размером с куриное яйцо на затылке случайного

планара – его личное творческое изобретение. Зулин поискал глазами Иефу, но наткнулся на своего фамильяра и даже удивился – таким презрительным было выражение кошачьей морды. Зверь смотрел куда-то мимо хозяина и сердито подергивал усами, и шерсть у него на загривке слегка топорщилась. Зулин смутился и отвел глаза. Перед фамильяром ему было стыдно.

– Я надеюсь, ты больше не собираешься ни на кого из нас кидаться? – язвительно спросил эльф. – Может, теперь нам удастся поговорить? Ну, знаешь, как это обычно делается: собеседники не кричат и не бросаются друг на друга с кулаками, не применяют друг к другу магию, и все такое...

– Я на нее не кидался! – мгновенно раздражаясь, вскинулся Зулин. – Это она на меня накинулась – можно подумать, вы сами не видели!

– Помнится, сначала я тебя вежливо кое о чем попросила, – раздался за спиной у мага тихий голос. Зулин вздрогнул и обернулся. В трех шагах сзади сидела на траве Иефа, направив на него взведенный арбалет.

– А это еще зачем? – севшим голосом спросил маг.

– На тот случай, если ты вдруг опять захочешь искупаться, – ответил за Иефу Ааронн.

– Послушай, друг мой, ну ладно они – но ты же разумный, здравомыслящий эльф...

– Именно потому, что я, как ты выразился, разумный, здравомыслящий эльф, я предпочитаю лишний раз перестраховаться. К тому же, арбалет – все-таки гарантия того, что ты меня слушаешь.

– Валяй, – Зулин горестно вздохнул и изобразил покорность судьбе, но вид у него был обиженный. – Расскажи мне, как здравомыслящие эльфы превращаются в нервных поклонников ночных видений перепуганных бардов.

– Расскажу, – согласился эльф. – Здравомыслящие эльфы анализируют некоторые фразы перепуганных бардов и сопоставляют результаты анализа с тем, что им подсказывает опыт следопыта. А опыт следопыта подсказывает, что это озеро не просто мертвое. Оно убивает все, что к нему прикасается. Если бы ты был повнимательнее, ты бы заметил, что оно совершенно неподвижно: ни рыба хвостом не плеснет, ни камышинка не пошевелится. Осока по берегам жухлая и поникшая, над водой мошкара не вьется. Здесь очень удобный спуск, а ни одной звериной тропы нет, на водопой сюда никто не ходит. У берега водомерки не носятся, мальки в водорослях не толкуются... К тому же, когда ты начал выяснять с Иефой отношения, твой фамильяр очень забеспокоился и тоже полез в драку.

– Каждый фамильяр должен защищать своего хозяина, – с достоинством заметил Зулин.

– Прости, друг мой, но он тебя не защищал. Он помогал Иефе. А с фамильярами это происходит только тогда, когда их хозяева не владеют своим разумом. Ты ведь не владел?

– Ничего подобного!

– Не ври, Зулин, – все так же тихо сказала Иефа. – Я пыталась тебя заморозить. Я слышала этот голос. Ты ведь меня убить собирался, разве нет? Слегка придушить – и на дно. Ты себя не контролировал, Зулин.

– Вот и пришлось тебе по башке дать! – радостно встрял Стив.

– Я не собирался никого убивать, я просто разозлился! – планар набычился и угрюмо глянул на спутников. – Кто угодно на моем месте разозлился бы, если бы его несколько ночей подряд будили невнятными воплями, а потом, после двух часов ходьбы по пересеченной местности, не дали бы умыться и попить воды! За такие вещи и схлопотать недолго!

– Я, может быть, повторяюсь, – не повышая голоса, проговорила Иефа – но за такие вещи не душат.

– Демон Баатора! – Зулин нервно оглянулся на полуэльфку и снова повернулся к проводнику. – Ну, так судите меня, черти бы вас всех взяли! Раздули из мухи...

– Зулин, посмотри внимательно воон туда, – перебил его Ааронн и показал рукой на север. – Я думаю, ты сразу все поймешь.

Зулин поднялся на ноги, приложил ладонь козырьком ко лбу, пригляделся и шумно втянул воздух. Озеро имело форму неправильного овала и тянулось к северу на два полета стрелы. Одинокие черные вербы купали в неподвижной воде мертвые ветви, а на дальнем северном берегу высились три круглые башни. Маг выдохнул, потер глаза, но башни никуда не исчезли. "Странно, как это я их раньше не заметил", – растерянно подумал Зулин, и тут его внимание привлекло какое-то движение. У основания крайней правой башни двигались человеческие фигурки, казавшиеся совсем крошечными. И хотя на таком расстоянии разобрать что-то было трудно, маг изо всех сил вглядывался в противоположный берег, пытаясь понять, что с этими фигурками не так. Потому что двигались они как-то странно, очень медленно и неуклюже, почти как... Зулин вздрогнул, опустил руку и ошеломленно посмотрел на сопатийцев.

– Этого не может быть. Вы хотите сказать, что...

– Теперь ты понял? – Иефа опустила арбалет и устало потерла лоб. – Ааронн проверил: следы от вырубки огибают озеро справа. Вот тебе твои любезные сердцу мертвецы. Уж не знаю, что они там делают: строят или раскапывают, но их там больше сотни, и все они заняты этой треклятой башней.

– Бред какой-то... – Зулин помотал головой и сел на траву. – Пускать зомби на строительные работы? Такой расход силы... Но ведь живые люди справились бы с этим в три раза быстрее!

– А тебе не приходит в голову причина, почему к этому озеру не привели живых?

Зулин посмотрел на берега, покрытые жухлой травой, и недоверчиво нахмурил брови. Причина, которая все-таки пришла в голову, ему не понравилась, и озвучивать ее не хотелось. Ааронн понимающе глянул на мага и невесело усмехнулся.

– Да, Зулин, говорить об этом неприятно. Иефа была права: только мертвым на этом озере безопасно. Мертвые его не интересуют.

– Мне... Я... Надо же выяснить, что там? – Зулин заморожено смотрел на свои подкатанные рукава. – Я, наверное... То есть... Мне нужно помедитировать.

– Хватит уже, намедитировался! – подскочила Иефа. – Неужели ты еще не понял, что тебе нельзя туда соваться? Если оно с такой легкостью проникает в твоё сознание, даже когда ты просто подходишь к воде...

– Никто не проникал в мое сознание! – упрямо возразил Зулин. – Просто... Просто я...

– Просто ты – что?

– Ну хорошо, я себя не контролировал, – сдался маг. – Ты довольна, Иефа? Ты это хотела услышать?

– Кстати, она тебе жизнь спасла, а ты даже спасибо не сказал! – проворчал Стив.

– Кстати, тебе я тоже жизнь спасла, и ты тоже ничего не сказал, – вяло отреагировала Иефа.

– Спасибо тебе, Иефочка! – Стив прочувствованно шмыгнул носом и отвесил полуулыбке земной поклон.

– Пожалуйста, Стивочка! – тем же тоном ответила Иефа.

– Ничего не меняется... – безнадежно пробормотал Ааронн.

* * *

"Наверное, когда-нибудь, когда мне будет ужасно много лет – сорок, или даже сорок пять, – думал Иефа, ожесточенно продираясь через заросли ежевики, – я обязательно посмеюсь над этой историей. Если доживу, конечно. Что за идиотизм..."

После инцидента на берегу озера Зулин довольно быстро опомнился и призвал партию к активным действиям, из-за чего едва не был бит бардом. Иефа моментально вышла из себя и заявила, что только безнадежные кретины могут лезть в башню, вокруг которой орудует больше сотни оживших трупов, управляемых неизвестным, но, безусловно, очень сильным

некромантом. Да, только полные идиоты могут оставаться возле озера, которое предназначено исключительно для убийства! Которое, между прочим, тоже смахивает на ожившего мертвеца, только на разумного – а это еще хуже! Да, да, да!

Но ее никто не поддержал. Ааронн невозмутимо сказал, что подбираться к башням лучше по левому берегу – меньше шансов напороться на очередных лесорубов. Стив сочувственно похлопал полуэльфку по больному плечу и пообещал, что если она не перестанет скандалить, то дальше будет путешествовать в его рюкзаке, вместе с котелком и поварешкой.

– Я вам это припомню, – мрачно сказала Иефа, выпутывая растрепавшуюся косу из колючих веток. – Я вам всем это припомню.

– А ты мстительная, как я погляжу, – пропыхтел Стив, сражаясь с ежевикой. – Если в этом озере кто-то из твоих недругов тонуть будет, небось, еще и подтолкнешь, чтобы не задерживался.

– Нет, конечно! – оскорбилась полуэльфка, а потом, подумав, честно добавила: – Но руки не подам.

– Очень надеюсь, что мы еще не перешли в разряд твоих недругов, – мирно заметил Зулин. Иефа метнула в него гневный взгляд, но промолчала.

Ааронн вел партию по левому берегу озера. Единственное, чего добились Иефа от своих спутников – отойти подальше от воды, и не успокоилось, пока озеро не скрылось за деревьями, а лес не принял свой нормальный вид. И хоть Стив ворчал и жаловался, что борода в кустах путается, по правде сказать, даже он почувствовал себя лучше. Зулин же совсем расслабился и повеселел. Голос озера, потеря контроля над собой, попытки убить барда – все это казалось ему теперь сущей безделицей по сравнению с грядущим приключением.

– Тихо, – сказал Ааронн и остановился. Иефа застыла на месте и завертела головой, высматривая толпу зомби. Стив ухватился за топор.

Ааронн напряженно прислушивался, чуть склонив голову на бок. Зулин открыл было рот, чтобы предложить услуги фамильяра, но эльф нетерпеливо махнул в его сторону рукой, и маг промолчал. Прошло несколько минут. Вдруг Ааронн ожил – скинул с плеча лук, наладил стрелу и повернулся к партии.

– Что? – прошептала Иефа.

– Бестия, – озабоченно нахмурился эльф. – Кажется, совомедведь.

– Кто?! – одновременно воскликнули полуэльфка и дварф, но Ааронн ответить не успел. Шагах в пятидесяти от партии затрещал подлесок, и раздался ни на что не похожий то ли рев, то ли клекот, низкий и угрожающий.

– Стив, отойди назад! – крикнул эльф. – Только стрелять! Мечами не возьмем! Арбалеты приготовьте! Иефа... – его голос потонул в реве и треске ломаемых веток.

Молодые деревца на краю поляны закачались, в путанице зеленых листьев мелькнула коричнево-желтая шкура. Иефа попятилась, страстно мечтая снова очутиться в зарослях ежевики, и наступила Стиву на ногу. На поляну вышел, грузно переваливаясь, громадный зверь и застыл, недобро глядя на партию.

– Яйца Мораддиновы! – потрясенно охнул дварф.

– Мамочки... – тихо сказала полуэльфка.

Ничего подобного она не видела раньше ни в жизни, ни на картинках. Животное, грозно переступавшее с лапы на лапу в десяти шагах от нее, ростом было минимум четыре локтя в холке, то есть примерно Иефе по шею. Полуэльфка нервно глянула на свой арбалет и снова уставилась на зверя. Конечно, промахнуться по такой махине практически невозможно, но вот... Животное проследило за взглядом барда и щелкнуло громадным клювом, словно сообразив, о чем думает девушка. Круглые совиные глаза не мигая смотрели на полуэльфку. От глаз коричнево-желтым узором разбегалось блестящее оперение, покрывая совомедведя почти до половины, и где-то у поясницы переходило в густую бурую шерсть. Передние лапы венчались загнутыми птичьими когтями и больше напоминали

крылья, хотя летать совомедведь вряд ли мог. Перья на загривке сердито топорщились.

– Подвинься, – одними губами сказал Стив, пытаясь оттеснить Иефу назад, но та словно выросла в землю. – Да подвинься же!

– Не двигайтесь и молчите, – процедил Ааронн. – Может, разойдемся так...

Совомедведь взрыкнул и царапнул землю лапой, оставив четыре глубоких борозды.

– Разойдемся, как же, – проворчал еле слышно Стив. – Хрена лысого с горбиком!

– Развелось мутантов – не пройти, не проехать, – буркнул Зулин и зашевелил пальцами. Совомедведь настороженно посмотрел на мага.

– Зулин, что ты делаешь! – отчаянно зашептал эльф, но планар сделал вид, что не слышит. – Прекрати, не надо! Его нельзя магией – он...

Из рук Зулина вырвался сгусток молний величиной с головку сыра и врезался в плечо совомедведя, рассыпая голубые искры. Бестия взревела, встала на дыбы и ринулась на партию.

– Врассыпную! – закричал Ааронн, срываясь с места. – Дистанцию держите! Дистанцию!

Стив сгреб Иефу в охапку и сломя голову побежал прочь от массивных когтистых лап. Зулин, не в силах понять, почему не подействовала магия, растерянно пятился, формируя огневик. Совомедведь полоснул лапой воздух в том месте, где только что был Ааронн и завертелся на месте, отыскивая врага. Тренькнула тетива, стрела скользнула по гладким перьям, беспомощно упала на землю и с хрустом сломалась. Совомедведь крутанулся, обнаружил эльфа и кинулся к нему, рыча и мотая головой.

– Ааронн, за деревья прячься! Сейчас он у меня попляшет! – Зулин размахнулся и швырнул в бестию огневик. Запахло палеными перьями, совомедведь заревел еще громче и повернулся к магу. Зулин снова забормотал заклинания.

– Прекрати, болван! – не своим голосом закричал эльф, посылая в бестию еще одну стрелу. – Его нельзя магией! Зулин! Не смей, Зулин! Плюнь на магию! Двигайся, не стой на месте! Иефа! Иефа, стреляй! Да где ты там?!

Два арбалетных болта один за другим вылетели из кустов и воткнулись в совомедведю в загривок, убедительно доказывая: да, промахнуться по такой махине сложно – да толку... Зверь отвлекся от Зулина, встряхнулся, и болты, упав на землю, жалобно захрустели под его лапами. Совомедведь щелкнул клювом и бросился к кустам черемухи. Иефа с диким визгом выскочила из своего укрытия и понеслась по краю поляны, лавируя между деревьями. Совомедведь погнался за ней, рыча и взбрыкивая задними лапами.

– Зулин! Зулин, двигайся! – надрывался Ааронн, посылая в бестию новые и новые стрелы. – Она так долго не продержится!

– Не понимаю... – бормотал маг, переливая из ладони в ладонь сгустки огня. – Всегда действовало... Может, размеры...

– Зулин!

Планар вздохнул, поднатужился и направил вслед бестии самый большой огневик, на какой только был способен. Огненный шар угодил прямехонько в медвежий зад с куцым хвостиком. Совомедведь издал такой яростный рев, что полуэльфка обернулась, споткнулась о выступающий из земли корень и со всего размаху упала, еще шага два проехавшись на животе. Оглушенная падением, Иефа ошалело мотала головой, пытаясь прийти в себя. Окончательно разъярившееся животное остановилось, но после недолгих колебаний снова бросилось к барду. Иефа сфокусировала наконец взгляд и с ужасом уставилась на надвигающуюся на нее тушу, не в силах пошевелиться. Слева от бестии из кустов выломился Стив и, взревев почище любого совомедведя, ринулся в бой.

– Идиот, кретин, болван! – Ааронн бурей налетел на мага и за шиворот потащил к месту сражения. – Глухая тетеря! На него не действует магия! От твоих огневигов он становится только сильнее и злее! А мы сейчас останемся без бойца!

Стива поглотили безразмерные объятия бестии. Иногда между лапокрьльев мелькал топор, и только безостановочный отборнейший дварфский мат говорил о том, что Стиван

Утгарт еще жив. Иефа кузнечиком прыгала вокруг совомедведя и с оглушительным визгом тыкала его своим мечиком в подпаленный зад, как следует зажимуриваясь перед каждым выпадом. Совомедведь ревел и вслепую отмахивался, и, пожалуй, только это давало Стиву хоть какую-то возможность активных действий. Ааронн дотащил упирающегося Зулина до побоища и сунул ему в руки оброненный Иефой арбалет. Маг пожал плечами, прицелился и выстрелил. Арбалетный болт причесал совомедведю перья на загривке и пропал в ветвях деревьев.

– И дальше что? – спросил Зулин, пытаясь перекрыть Стива и совомедведя.

– Не стой столбом, стреляй! – крикнул в ответ Ааронн, тщетно пытаясь прицелиться. – По глазам стреляй! Не попадешь, так отвлечешь хотя бы!

Совомедведь под ударами полуэльфки вертелся, как громадная ревущая юла. Иефа вихрем носилась вокруг дерущихся, шалея от собственной отваги. Стив ругался все тише, и полуэльфка с ужасом понимала, что пора переходить к более активным действиям. Какими они должны быть, эти действия, страшно было даже представить. Ааронн, натянув тетиву, ждал удобного момента.

Иефа совсем уж было собралась с силами, когда в переплетении рук и лапок крыльев наметился некий перелом. Совомедведь дернулся влево, болезненно ухнул, запрокинул голову и разжал объятия. Стив мешком свалился на траву и застыл, так и не выпустив из рук топор. Бестия, покачиваясь, горой возвышалась над бездыханным дварфом и с ненавистью переводила взгляд желтых совиных глаз с полуэльфки на следопыта и обратно.

– Давай, – шепнул Ааронн.

И еще прежде, чем поинтересоваться у эльфа, что конкретно он имел в виду, Иефа с пронзительным, душувыворачивающим визгом бросилась в атаку. Совомедведь вздрогнул и изумленно уставился на оглушительную малявку; тренькнула тетива, стрела с полосатым оперением на две трети вошла в правый глаз бестии. Совомедведь рыкнул, со стоном заскреб морду лапок крыльями и зашатался. Иефа схватила под мышки неподвижного Стива и, крикнув с натуги, потащила прочь. Совомедведь дернулся, мотнул последний раз головой и всем своим весом рухнул туда, где только что лежал дварф. Земля задрожала.

Глава 2.

На дварфа было жалко и страшно смотреть. Волосы в запекшейся крови торчали во все стороны дубовыми косицами, на теле живого места не найти – сплошная ссадина. Изодранная в клочья одежда липла к рваным ранам, оставленным когтями бестии. Иефа хлопотала вокруг дварфа и безостановочно костерила Зулина, возле нее росла горка драных окровавленных тряпок. Планар вяло огрызался на ругань барда и одновременно пытался снять с раскидистого ясеня своего фамильяра, просидевшего там все сражение и теперь не знавшего, как слезть. Ааронн возился с травами, хмуро поглядывая на массивную тушу совомедведя.

– О, демон Баатора! Зверь, ну ты же взрослый разумный фамильяр, а не какая-нибудь кошка на городской помойке! – Зулин пнул ствол ясеня и сплюнул. – Я не полезу за тобой на дерево! Спускайся сам!

– Оставь Зверя в покое, разведи лучше костер – мне нужно траву запарить, – эльф повел руками, и в котелке заплескалась вода.

– Ааронн, у тебя полотна чистого нет – бинтов нарезать? – Иефа отерла пот тыльной стороной руки. На лбу осталась красная полоса. – Мою сумку гибберлинги разодрали – от аптечки ничего не осталось.

– К сожалению, нет. Гибберлинги, знаешь ли, не только на твою сумку наткнулись. Придумай что-нибудь.

– Понятно... – Иефа тяжело вздохнула, вытерла руки о штаны и выудила из рюкзака запасную рубашу. – Хорошо, что у меня не хватило денег на шелковую.

– А что, – заинтересовался маг, – шелковую пожалела бы?

– Дурак, – равнодушно заметила полуэльфка. – Из шелка плохие бинты получаются – скользят, перевязывать неудобно.

– Боюсь, что Стив твоей жертвы не оценит, – Зулин подбросил в огонь веточек и оглянулся в поисках более солидного топлива.

– А мы не в ломбарде, – ледяным тоном ответила Иефа.

– Зулин, я не знаю, что на тебя нашло, – проговорил Ааронн, – но думаю, тебе лучше помолчать. А еще лучше – заняться полезной деятельностью.

– Я уже развел костер, если ты заметил.

– Замечательно. Горжусь тобой. А теперь возьми что-нибудь острое и вырежи кусок медвежьего сала. Нет ничего лучше для пострадавших от общения с совомедведями.

– Ты шутишь? – с надеждой спросил планар.

– Серьезен, как никогда.

Зулин растерянно поглядел на эльфа, на совомедвежью тушу и почесал в затылке.

– А может, его Иефа подлечит? – неуверенно спросил он.

– Нет! – отрезал эльф. – Объясняю последний раз. Во-первых, Иефа может справиться только с неглубокими ранами. Поэтому сейчас она впустую потратит силы, а в результате у нас на руках окажется два тела вместо одного. Во-вторых, я целитель, друид и знаю, что делаю. В-третьих, неизвестно, что еще ждет нас впереди. Меня могут ранить, убить, в конце концов. Может случиться так, что Иефа вообще останется единственным целителем в партии. Что тогда вы будете делать, если она сейчас израсходует все силы?

– Мне не нравится твое настроение, друг мой.

– Неужели? Завидую. Восхищаюсь твоей неприхотливостью. Мне в этом походе вообще ничего не нравится.

– Пожалуй, я не буду на это смотреть, – пробормотала полуэльфка, когда Зулин с ножом в руке направился к туше совомедведя.

* * *

Стиву давно не было так хорошо. Подстилка из листьев и веток, накрытых плащом, была хоть и тонкой, но мягкой, костер уютным теплом обволакивал правый бок, из намученного тела уходило настырное нытье. Стив не знал, что за мазь Ааронн приложил к его ранам, но действовала она безотказно. Повязки приятно согревали и успокаивали, и вообще, жить было здорово. По-хорошему, давным-давно нужно было открыть глаза и успокоить спутников, но Стиву приходиться в себя не хотелось. Очень уж сладко было чувствовать на лбу прохладную ладонь полуэльфки и слушать, какую великолепную выволочку она устраивает Зулину. Еще свалившись мешком к ногам совомедведя, почувствовав, как чьи-то руки подхватывают его под мышки и тащат по земле, еще тогда Стив удивленно отметил сквозь боль и мутную дурноту, что вот, как здорово его тащат, как-то... нежно, что ли. А потом в его затуманенное сознание прорвался жалобный голос Иефы, и дварфу стало совсем хорошо. "Стивочка, миленький, держись... Пожалуйста, держись, сейчас мы все сделаем, сейчас все перевяжем, все будет хорошо, слышишь? Ты только не умирай, я тебя очень прошу, ты продержишься только немножко, а там уж мы вместе... Ты дыши, просто дыши, все будет в порядке, слышишь? Потерпи немножко, ну хороший, ну миленький, ну пожалуйста..."

Миленький, надо же. И Стив терпел, молчал и терпел, хотя было больно, так больно, что хоть криком кричи, но Стив терпел, потому что разве это имеет значение, если она просит, и чуть не плачет, и возится с ним, и рубашку вон последнюю на бинты искромсала, что бы там Зулин ни говорил! А потом стало совсем легко, и тепло, и хорошо, и мягко, и ладонь прохладная на лбу, и Зулина Иефа чихвостит так, что любо-дорого... Волнуется. И надо бы, надо открыть глаза, вот только интуиция, которая просыпалась редко, но по делу, подсказывала, что не стоит... Потому что сразу все закончится: и ладонь прохладная на лбу,

и забота, и "миленький". Так что Стив лежал молча, изображая глубокий обморок и изо всех сил стараясь не расплыться в довольной улыбке.

– ...и вообще, я не понимаю, как тебе только в голову взбрело такое! – в который раз возмущенно воскликнула полуэльфка. – Ты так много и так убежденно кричишь о командной работе, а сам никого не слышишь и не слушаешь!

– Иефа, я тебе в сотый раз объясняю – создалась нестандартная ситуация, я практически ничего не знаю о бестиях...

– А не знаешь – так слушай, что тебе говорят, убоище!

– Что я мог услышать, когда это чудовище орало, как бешеное!

– Захотел бы – услышал бы! Ты можешь сейчас говорить все, что угодно, но никакие твои аргументы не переубедят меня в том, что ты просто проигнорировал указания Ааронна!

– Да почему вообще Ааронн должен давать мне какие-то указания!

– Вот! В этом весь ты! Не важно, что твои спутники практически мертвы, главное, что ты ведешь себя соответственно занимаемой должности! Большой начальник, тоже мне! Тьфу! – Иефа яростно плюнула, а Стив даже поежился незаметно – да, несладко придется Зулину, если в ближайшие две минуты кто-то не отвлечет ее внимание. – Если так дальше пойдет, некому будет возвращаться в Бристоль! Я жива и невредима только благодаря Стиву, а когда он, бедолага, оклемается, одному богу известно!

– Ну, я не стал бы утверждать столь категорично, – лениво заметил Ааронн, и Стив похолодел от дурного предчувствия.

– В каком смысле? – Иефа заботливо поправила плащ, на котором лежал дварф, и вопросительно посмотрела на эльфа.

– Если бы ты спросила, например, меня, когда оклемается бедолага Стив, я бы с удовольствием тебе ответил.

– И что? – угрожающим тоном спросила полуэльфка и медленно убрала руку с дварфского лба. Стив застыл и мысленно послал Ааронна туда, где тот вряд ли когда-нибудь бывал. – И когда?

– Видишь ли, Иефа... – Ааронн повозился, улегся поудобнее и подпер голову ладонью. – Стив у нас юноша крепкий, поэтому, честно говоря, он и сознание-то, в общем, толком не терял. По крайней мере, последние несколько часов он активно наслаждается твоей заботой и лаской, хоть и притворяется бездыханным трупом. Кстати, Стив, очень зря: ты плохой актер, целителя тебе не обмануть.

– Что? – хриплым голосом спросила полуэльфка, прокашлялась и снова повторила: – Что?

Стиву давно не было так плохо. Через плащ в спину кололи сухие веточки, от костра одному боку было жарко, другому же, наоборот, холодно. Стив не знал, что за мазь Ааронн приложил к его ранам, но только повязки противно и душно липли к телу, раздражали и заставляли потеть. К тому же, невыносимо чесалась переносица, и дварф догадывался, что чешется она не сама по себе, а под тяжелым взглядом разгневанного барда.

– Открой глаза, скотина, – тихо сказала Иефа.

Вот тебе и "миленький"... Стив послушно открыл глаза и от всей души мысленно пожелал Ааронну долгой и счастливой жизни.

– Мой тебе совет: быстренько придумай что-нибудь в свое оправдание, иначе я тебе яйца на уши намотаю, – ласково сказала Иефа на дварфском и улыбнулась людоедской улыбкой.

– Я не того... Не этого... – потерянно пробормотал Стив и накрылся плащом с головой.

– Неубедительно, – еще ласковей произнесла полуэльфка.

– Я не понимаю, почему ты так нервничаешь, Иефочка, – радостно встрял Зулин, довольный тем, что нашелся другой объект для бардовского гнева. – Можно подумать, если бы он был в сознании, ты бы с ним не возилась.

– Возилась бы! – оглушительно рявкнула Иефа, и Стив тихонько выдохнул. – Возилась бы, вот только...

– Вот только пинала бы изредка, а за каждую рану подзатыльник выписывала бы... – проворчал из-под плаща дварф и зажмурился, ожидая вышеуказанного подзатыльника, но ничего не произошло. В лагере воцарилась мертвая тишина, прерываемая изредка придушенным то ли хрюканьем, то ли всхлипыванием. Стив в панике заворочался, пытаясь сообразить, чего ждать от этой зловещей тишины, досчитал до десяти и осторожно выглянул из-под плаща. Ааронн сидел, уткнувшись лбом в колени и обхватив ладонями затылок; зарывшись лицом в плащ, мелко вздрагивал плечами Зулин; странно сжав губы, смотрела на Стива совершенно пунцовая Иефа. Дварфу стало не по себе.

– Может не надо... на уши? – растерянно пробормотал он. Трясущийся планар всхрюкнул как-то особенно громко и выразительно, и лагерь взорвался хохотом.

– Да ну вас к монахам, – вытирая слезы, обессилено проговорила Иефа. – Паразиты. Казнь отменяется, – повернулась она к обалдевшему Стиву. – Живи, пока я добрая.

– Кстати, смех – замечательное лекарство, – наставительным тоном произнес Зулин.

– Так-то оно так, – полуэльфка устроилась поудобнее на своем плаще, распустила косу и достала гребень. – А все-таки нам стоит веселиться потише. Не знаю, как вы, а я все время думаю об этих башнях. Очень плохо, что нам придется здесь заночевать.

– Да уж, хорошего мало... – посерьезнел маг. – Но, боюсь, у нас просто нет другого выхода. Ааронн, когда наш обморочный друг встанет на ноги?

– Не раньше утра, – ответил эльф. – И то, при условии, что Иефа как следует выспится, а сам он не будет скакать горным козлом по лагерю. Так что дежурить, Зулин, нам придется вдвоем.

– С чего это вдруг такая забота о моем сне? – удивилась полуэльфка. – Раньше я за тобой такого что-то не замечала.

– Объясняю, – терпеливо ответил эльф. – Совомедвежье сало, топленое на травах, отлично заживляет, но для окончательного выздоровления его, конечно, не хватит, поэтому без магии не обойтись. Следовательно, утром, сняв повязки, за Стива примемся мы с тобой. Тяжелыми ранами займусь я, а зажившие раны ты возмешь на себя. Тебе нужны силы, а значит, здоровый крепкий сон.

– Еще чего, – сердито буркнула Иефа. – Не буду я лечить этого... обманщика.

– Придется. Завтра у нас тяжелый день, и Стив нам нужен целый и невредимый, готовый к ратным подвигам. К тому же, твоя угроза, думаю, произвела впечатление, и Стив больше не будет придушиваться. Правда, Стив?

– А? Что? – дварф оторвал замороженный взгляд от волос Иефы и непонимающе уставился на Ааронна. – Прости, я задумался.

– Я говорю, что Иефа готова сменить гнев на милость, если ты больше не будешь придушиваться.

– Я даже готов вместо нее завтрак приготовить! – патетически воскликнул Стив.

– Вот болваны... – проворчала полуэльфка, заплетая волосы в косу. – Как будто я хоть раз за весь поход готовила завтрак.

– В общем, советую всем лечь спать, – подытожил Ааронн. – Зулин, командуй отбой.

– Вот без тебя не догадался бы! – огрызнулся планар. – Всем спать. Я буду дежурить первым.

– Как скажешь... командир, – усмехнулся эльф, укладываясь.

Минут пятнадцать в лагере было тихо. Недовольный Зулин подбрасывал хворост в костер и мысленно пытался отправить Зверя в дозор, но фамильяр категорически не отправлялся. Ааронн тихо посапывал, накрывшись плащом; вздыхала и ворочалась во сне Иефа. Стив не мог уснуть. Его переполняли мысли и чувства, которых ни понять, ни тем более объяснить он не мог. Странно и тревожно было перво-наперво оттого, что стало почему-то очень важно, сердится пигалица или нет. И откуда выползло это дурацкое мальчишеское беспокойство: видела она, как лихо был повержен совомедведь, или не видела, а если видела, то оценила ли? "Она же меня раздражает, – растерянно думал Стив. – Да какое мне дело до того, что эта гримза обо мне думает?! Ну, подумаешь, ладошка у нее

прохладная, приятно, да..." Тут мысли Стива приняли иное, благостное направление, и привели его напрямик к берегу ручья и мокрым обнаженным прелестям полуэльфки. Дварф залился краской – благо, в наступившей темноте этого никто не заметил, – вспотел и разозлился. Еще не хватало! Пыхтеть и париться из-за наглого, спесивого, полукровного заморыша с отвратным характером! Из-за пигалицы какой-то! Дожили! Стив попытался взять себя в руки и взглянуть на ситуацию хладнокровно, со стороны, как Ааронн. По всем статьям выходило, что Иефа – не что иное, как сборище недостатков, во главе которых стояло пренебрежительное отношение к дварфам вообще и к нему, Стиву, в частности. Так отчего сыр-бор?

"Это все от неожиданности, – решил Стив. – Я просто не ожидал, что она поведет себя так достойно, вот и маюсь теперь. А у нее просто страх еще не прошел, это она после драки была пришибленная, вот и не показала себя во всей красе. Ничего, вот сейчас я ей скажу что-нибудь, она мне ответит, гадостей наговорит, и все встанет на свои места. А то слюни тут развесил – смотреть противно, будто и не дварф вовсе". Обругав себя таким образом, Стив успокоился, повеселел и приступил к операции по выведению барда на чистую воду.

– Иефа... – позвал он обеспокоенным тоном. – Иефа, ты не спишь еще?

– Твоими стараниями! – отозвалась недовольно полуэльфка. – Чего надо?

– Иефа, а у тебя есть еще рубаха?

В лагере все затихло: перестал сопеть Ааронн, застыл неподвижно Зулин, даже Зверь прервал свой неизменный вечерний туалет и уставился горящими глазами на полуэльфку, так и не опустив задранную в балетном па заднюю лапу.

– Только та, что на мне, – осторожно ответила Иефа, явно чуя подвох. – А что?

– Видишь ли, – Стив подбавил скорби в голосе и даже носом шмыгнул, – у меня повязки все посползали и размотались, нужны новые, а то до утра, боюсь, не дотяну...

– И что ты предлагаешь? – нарочито спокойно поинтересовалась полуэльфка.

– Я ничего не предлагаю, просто нужно меня перевязать, бинтов у нас нет, зато у тебя есть рубаха. Даже не знаю, что делать... – Стив печально вздохнул и мысленно поздравил себя с победой. Предсказать, какой будет реакция барда, труда не составляло.

– Видишь ли, драгоценный мой Стив... – лениво начала полуэльфка. Зулин громко и фальшиво закашлялся, Ааронн приподнялся на локте. – Мне кажется, ты решил, что после того, как ты подглядывал за мной у ручья, мне ничего больше не остается, как раздеваться по первому твоему требованию. Я, как видишь, не против, и даже готова являться тебе каждую ночь в эротических видениях, но есть одно маленькое "но". У нас, у речных нимф, есть своеобразный свод правил поведения в обществе наглых похотливых дварфов. И правила эти гласят, что за каждый взгляд, брошенный на обнаженную нимфу, дварф обязан получить по башке каким-нибудь тяжелым тупым предметом. Например, сковородкой. Если ты согласен с такими условиями, то я могу предложить тебе что-нибудь еще в качестве поощрения: например, эротические танцы у костра в голом виде три раза в день. Очень стимулирует боевую активность. Главное, не принимай поспешных решений. Подумай, поразмысли, ночи, я полагаю, тебе вполне хватит. И если надумаешь, сообрази сразу, где взять сковородку поприличнее, – ты мне еще за ручей немало задолжал.

– Во дура!... – выдохнул Стив под сдавленный смех сопатийцев.

– Спокойной ночи, милый, – Иефа была сама любезность. – Приятных снов.

* * *

С утра Стив стоически вытерпел насмешливые замечания Зулина, гордо пережил магическое врачевание Ааронна, чуть не упал в обморок, когда Иефа сделала вид, что раздевается, и изжевал себе всю бороду, пока она, уже настроившись на серьезный лад, заканчивала лечение, начатое эльфом. Мда. С утра Стив вел себя просто геройски. Даже чересчур.

Наскоро позавтракав и напорекавшись вдоволь, в боевом порядке партия направилась к башням. Стараясь пыхтеть потише, Стив шел за эльфом след в след и пытался понять, за каким лешим они вообще идут к этим треклятым башням, а главное, на кой ляд он, Стиван Утгарт, четверть часа назад с пеной у рта доказывал, что исследовать башни просто необходимо. Ладно Зулин – его, как выяснилось, вечно несет не в ту штольню. Но где были его, Стива, мозги? Ну, вот что там, в этих башнях? Трупы ходячие и больше ничего. И права была Иефа, когда поинтересовалась язвительно: уж не думают ли они, что найдут в развалинах гоблинов, расположившихся на пикник? Стив горестно вздохнул, вспоминая, как взвился на эти слова. И вот теперь они прутся, не знамо, куда, не знамо, зачем... Да, конечно, север, медальон и все такое... Но права, права Иефа!

Ааронн вел партию через густой валежник, изредка останавливаясь и к чему-то прислушиваясь. Иефа старательно напрягала слух, но никаких посторонних звуков уловить не могла, и от этого становилось очень не по себе. С одной стороны, за каждым кустом ей мерещился совомедведь, с другой – не отпускало стойкое ощущение, что кто-то смотрит в спину, кто-то совсем рядом, то сбоку, то сзади, нужно только поймать момент и обернуться – быстро-быстро – и тогда увидишь, кто это. "У меня паранойя, – мрачно думала полуэльфка, перебираясь вслед за Стивом через поваленные стволы. – Мания преследования у меня, это точно. Мне нельзя было идти в этот поход – он явно сводит меня с ума. Сны какие-то, предчувствия, видения, черт бы их побрал! Да что ж это такое!" Она вертела головой, но ни сбоку, ни сзади никого не было, один только раз Иефе удалось заметить, как качается ветка, которая по всем законам природы качаться не должна. И только. Но этого хватило, чтобы между лопаток с новой силой засвербело ощущение взгляда. "Ладно, – убеждала себя полуэльфка, – пусть подумают, что я сумасшедшая трусиха, плевать мне на них. Но неужели никто больше не замечает? Допустим, Стив способен кого-то обнаружить только при условии, что этот кто-то на него наступит. Хорошо, положим, Зулин настолько уверен в своей непогрешимости, что не видит ничего вокруг, а фамильяр у него еще молодой и необученный. Но Ааронн!"

– Ааронн, подожди! – Иефа обогнала Стива и пошла рядом с проводником, принаравливаясь к его шагам. – Может, я сумасшедшая, если что, ты так и скажи, я не обижусь...

– Иефа, знаешь, в чем главная беда персонажей абсолютно всех героических саг?

– В чем?

– Вместо того чтобы, не откладывая, сообщить спутнику что-то очень важное, они пускаются в пространные рассуждения о долге, чести, любви или собственной неадекватности. И пока они разглагольствуют, их убивает коварный враг. А их спутникам приходится совершать множество подвигов, чтобы узнать, что же им, в конце концов, хотели сообщить. Поняла?

– Поняла. Мне кажется, за нами кто-то идет.

– А, ты тоже заметила? Умница. Да, за нами кто-то идет, и что?

– Как что?! Нужно же что-то делать! – Иефа понизила голос до еле слышного шепота.

– Например? – Ааронн искоса глянул на полуэльфку и усмехнулся краешком губ.

– Ну, я не знаю... Поймать его, выяснить, кто он такой... Почему нас преследует... А вдруг он хозяин... этих? И потом, мне слабо верится, что кто-то стал бы следить за нами в этих зарослях с добрыми намерениями.

– С этим трудно поспорить, но есть одно "но". Вернее даже два. Во-первых, мне ни разу не удалось его увидеть, а это показатель. Во-вторых, как только мы о нем заговорили, он ушел.

– Ушел?

– Ну да. Прислушайся к себе: ты еще чувствуешь взгляд?

– Нет, не чувствую, – Иефа зябко поежилась. – Даже не знаю, что хуже: чувствовать, что за тобой кто-то идет, и не видеть его, или знать, что за тобой кто-то шел, а теперь этот кто-то бродит по округе и готовит какую-нибудь пакость.

– Почему сразу пакость?
– Не знаю... – полуэльфка растерянно посмотрела на проводника. – Я запуталась...
– Боюсь, на распутывание у тебя времени уже не будет, – посерьезнев, сказал эльф. – Мы пришли.

Иефа вздрогнула, подняла глаза и сквозь переплетение веток и листьев увидела башню. Совсем близко, всего-то шагах в двадцати. Подошли Зулин и Стив. Зверь, выскочивший было вперед, на опушку, юркнул обратно в кусты и поджал хвост.

– Ничего себе башенка! – радостно сказал планар.
– Ничего хорошего, ты хочешь сказать, – поправила его полуэльфка. – Ну вот, мы на нее посмотрели. Может, теперь уйдем отсюда, пока есть возможность?
– В тебе начисто отсутствует дух авантюризма! – возмутился Зулин.
– Да-да, я не лазаю в окна к любимым женщинам, и терпеть не могу сюрпризы в виде таких вот башенок, – поморщилась Иефа. – Просто скажите мне, что мы будем делать дальше, конечно, если вы уже насладились пейзажем.

– Язва, – буркнул Стив.
– Извращенец, – ответила Иефа.
– Как это, что делать? – удивился маг. – Исследовать ее, разумеется. Попытаемся выяснить, кто ее построил, когда и для чего, и вообще, попробуем понять, что здесь происходит.

– Я отвечу на все твои вопросы, не сходя с этого места! – фыркнула Иефа. – Построили ее эльфы, причем сотни лет назад, причем для того, чтобы скрыть какую-то гадость, а сейчас здесь происходят раскопки этой самой гадости, в которых участвуют твои любимые зомби. Я даже могу сказать, с какой целью. Для того чтобы какой-то гад получил гадость, спрятанную сотни лет назад эльфами, и стал еще более гадючим гадом, чем есть сейчас!

– И снова умница, – тихо сказал Ааронн.
– Иефа, ты кого угодно выведешь из себя! – Зулин нетерпеливо притопнул ногой. – Хочу тебе напомнить, что следопыт у нас – Ааронн, а знаток горного дела и всяческих построек – Стив. А твоим мнением я и вовсе не интересовался.

– Командная работа, как же!... – яростно прошипела полуэльфка. – Нет у нас никакой команды!

– погоди, не кипятись, – Ааронн мягко взял Иефу за руку, и полуэльфка ошалело замолкла на полуслове. – Зря ты так, Зулин. Иефа развивает в себе очень полезные способности, на твоём месте я бы ее всячески поощрял. И потом, она права почти во всем. Эту башню действительно построили очень давно. Лет триста назад, а, Стив?

– Четыреста, – буркнул дварф.
– Четыреста, – легко согласился Ааронн. – Я не специалист, но мне кажется, что строили все-таки не эльфы, хотя эльфские руны, на которые обратила внимание Иефа, действительно указывают на активное участие в постройке лесного народа.

– Дварфы строили, – неохотно вмешался Стив. – Четыреста десять или четыреста пятнадцать лет назад. Это сторожевая башня, там внутри, головой ручаюсь, нет ничего, кроме входа в подземелье и двух десятков ловушек, охраняющих этот вход. И вот еще: сдается мне, что подземным ходом можно попасть в другие башни. Если выживешь, конечно.

– Да ладно, откуда там ловушки! – беспечно махнул рукой Зулин. – Она наполовину развалилась – вон в стене проломы какие! Если да же там и были какие-то ловушки, они давным-давно не работают.

– А вот за это я не стал бы ручаться.
– Ну а теперь, когда мы все уже выяснили и обсудили, может, пойдем отсюда? – неуверенно поинтересовалась Иефа и осторожно высвободила ладонь из эльфской руки.

– Пойдем, – согласился Зулин. – Прямо в башню мы отсюда и пойдем. Кто-нибудь против?
– Я! – сказала Иефа.

– Вот и замечательно! – просиял планар. – Давай, Ааронн, веди. Хватит уже по кустам рассиживаться.

Полуразвалившаяся и заброшенная, башня, тем не менее, казалась совершенно живой. Недовольно хмурились серовато-бурые, оплетенные плющом стены, от которых на высокую траву ложилась холодная, густая и как будто тяжелая тень. Солнце не касалось столетних камней, избегало бойниц, стороной обходило выемки и трещины. Возвышаясь черным островом в море зелени и света, башня была похожа на древнего великана, застывшего в отчаянной попытке вырваться из цепких рук растений. Ее величественное недовольство сказалось даже на беспечной веселости мага: он замолчал, посерьезнел и пропустил вперед эльфа, явно признав за ним право распоряжаться. По крайней мере, пока.

Осторожно обходя башню по кругу в поисках входа, партия несколько раз натыкалась на широкие проломы в стене, но немедленно лезть внутрь никому не хотелось. Южной стороной башня выходила на озеро, к которому вел длинный пологий спуск, сплошь заросший крапивой и чертополохом: здесь, как и на противоположном берегу, не было ни одной звериной тропы. С востока за деревьями угадывались очертания второй башни, с севера и с запада неуверенно наступал лес.

– Какая она... надменная, – тихо сказала Иефа, тронув поросшие мхом камни. – Надменная, как... как... – полуэльфка досадливо пощелкала пальцами, подбирая слово. – Не знаю. Ааронн, что значат эти руны?

– К сожалению, я не могу их прочесть – это какая-то нетипичная вязь, то ли хитрый шифр, то ли анаграмма... – проводник прищурился, разглядывая затейливо изогнутые буквы. Одна и та же фраза, выбитая на камне, многократно повторяясь, опоясывала башню, прерываясь только там, где из кладки выпали булыжники. Иефа до рези в глазах вглядывалась в хитросплетение рун, пытаясь вспомнить, где она видела такие, ведь не так давно...

– Но это эльфские руны, правда? Это древний эльфский, поэтому ничего не понятно? Вы будете смеяться, но я совсем недавно видела что-то подобное, а где, когда, вспомнить не могу.

– А толку вспоминать-то, – проворчал Стив. – Все равно прочесть не можем.

– Вот этот элемент мне знаком, это охранный руна, – задумчиво проговорил Ааронн и потер лоб. – Но у нее слишком много значений, все зависит от контекста, а вот он как раз неясен. Вот здесь руна, обозначающая единство, а дальше опять непонятно...

– Да что гадать – надо пробраться внутрь и все выяснить! – немного раздраженно воскликнул Зулин.

– Не спеши, командир, – остановил его эльф. – Еще никто и никогда не выбивал на камне надпись только для того, чтобы немного поразвлечься. А уж на таких башнях – тем более. Я готов поклясться чем угодно, что эти руны содержат важную информацию, и было бы совсем не дурно их расшифровать, прежде чем соваться внутрь. Стив, может, ты тоже посмотришь?

– Да чего смотреть-то? Я в эльфячем наречии ничегошеньки не понимаю.

– И все-таки.

– Но ведь я видела похожую надпись совсем недавно! – Иефа сердито стукнула себя по коленке и схватилась за голову. – Точно видела!

– Погоди-ка, а с чего ты взял, что это эльфский? – удивленно спросил Стив, рассматривая надпись. – Это дварфский, как пить дать! Да и верно – если дварфы строили, так дварфы и писали... Зашифрованный, ясный пень, но это точно дварфский! Вот эту руну я знаю...

– Не хочешь ли ты сказать, друг мой, что Ааронн мог перепутать дварфские руны с эльфскими? – Зулин нетерпеливо заглянул в пролом и хмыкнул. – Кстати, на первый взгляд, внутри нет ничего опасного.

– Я хочу сказать, – рассердился Стив, – что уж верно отличу свой собственный язык от какого другого! Эльфского я не знаю, и уж если руны мне знакомы, значит, это дварфский!

– Погоди, Стив, не кипятись, – остановил его Ааронн. – Я же не просто так попросил тебя взглянуть. Попробуй прочитать, что тут написано.

– Пусть он не умничает! – Стив воинственно встопорщил бороду и занялся надписью. – Таааак... Это, значит, dwarфская руна, она означает, означает... Яйца Мораддиновы, да что ж она означает?... А, вспомнил! Она означает воду... А вот эта переводится... Еханий карась!

– Какая интересная руна! – прыснула Иефа, на минуту отвлекшись от мучительных попыток вспомнить.

– Дура, – насупился Стив. – Она обозначает "лесной народ", то есть вас, эльфов.

– Да это вообще эльфская башня! – заявила Иефа. – Не знаю, может, строили ее dwarфы, тебе виднее, но принадлежала она точно эльфам.

– Откуда такие выводы? – ехидно поинтересовался Зулин и снова заглянул в пролом.

– Оттуда, – полуэльфка махнула рукой в сторону озера. – На южной стороне, у самых зубцов, белым камнем выложен знак лесного народа. Его снизу плохо видно, но издали он сразу бросается в глаза. Так что в этой башне вне всяких сомнений жили эльфы.

– Я думаю, – тихо сказал Ааронн, – в этой башне никто не жил. Но по поводу эльфской доминанты стоит задуматься.

– Я таких умных слов не знаю, – Стив растерянно почесал в затылке и вздохнул. – Кажись, по поводу dwarфского я слегка погорячился. Вот "вода", "лесной народ", вот еще "угроза", а больше я ничего не могу разобрать.

– Единство, охрана, вода, лесной народ, угроза... Ребус какой-то? Может, здесь специально так написано, на разных языках: часть на dwarфском, часть на эльфском...

– Часть на человеческом... Иефа, думай, что говоришь!

– Погоди, Зулин, погоди, помолчи немножко... – Ааронн потер лоб рукой и забормотал: – Эльфский, dwarфский, человеческий... Имперский, скорее всего... Но древний... до сожжений... единение... три культуры... единение... Зулин!

– А? – вздрогнул маг.

– Достань-ка, пожалуйста, эту странную штуку, которую нашла Иефа.

– Какую штуку? – хором спросили полуэльфка и планар.

– Серебряную, с листьями, из ямы.

– Ты хочешь сказать, что... – у Зулина загорелись глаза, и он принялся лихорадочно копаться в своей сумке.

– Вот тебе и "думай, что говоришь"! – гордо заявила Иефа. – Можешь не торопиться, господин начальник, я теперь вспомнила – там точно такая же надпись, как и здесь, только сильно затертая! Знать бы еще, что это за штукавина... Может, это какой-то магический жезл?

– Угу, – влез dwarф, – волшебная палочка.

– Очень остроумно.

– Вот! – Зулин перестал копаться и торжественно выудил из сумки "волшебную палочку". Вся партия сгрудилась вокруг планара и принялась ее рассматривать.

– Нет, все-таки она немножко другая, – огорчилась Иефа после пристального четвертьчасового осмотра штукавины. – Но очень похожа. Вот эти руны, и вот эти тоже... – полуэльфка отобрала штукавину у Зулина и поднесла к надписи. – А вот этих рун на стене нет. На штукавине надпись длиннее.

– И что нам это дает? – разочарованно спросил маг. – Все равно прочесть не можем. А время идет. Я считаю, хватит уже топтаться. Приходим в боевую готовность – и внутрь!

– Успеем... – Иефа нахмурилась, сосредоточилась и принялась сравнивать две надписи. – В Бристоль мы все равно уже опоздали.

– Могла бы и не напоминать! – вышел из себя Зулин. – Если бы наша партия была хоть чуточку дружнее...

– Помолчи, – полуэльфка досадливо махнула рукой, не отрываясь от своего занятия. – Я с самого начала была против северного направления. Раз уж ты меня сюда притащил, так

не мешай, по крайней мере, работать.

– И чем ты так занята, позволь узнать?

– Пытаюсь сделать выводы! – рявкнула Иефа и смерила Зулина таким гневным взглядом, что даже Стиву стало не по себе. – Во-первых, – сказала она чуть позже, заметно успокоившись, – как личность, немного понимающая в поэзии, могу вам сказать, что обе надписи – рифмованные. Надпись на штуковине в два раза длиннее, но первая ее часть полностью совпадает с надписью на башне, кроме той dwarфской руны, которая обозначает "лесной народ". Я не изучала стародварфский, но мне кажется, что на штуковине вместо "дети леса" выбито что-то вроде "внук полей". Стив, посмотри, пожалуйста. Я понятия не имею, что это значит.

– Ну-ка, дай сюда, – заинтересовался dwarф. – "Внук полей" – скажешь тоже! – расхохотался он, всмотревшись в полустертые руны. – В стародварфском эта руна обозначает людей, человека, землепашца – в общем, родичей твоих.

– Тогда совсем интересно получается... – пробормотала Иефа. – Ничего себе...

– Да говори уже, не тяни! – взорвался Зулин. – Что за балаган, в конце концов! Забудь уже про эффекты всякие, ты не на сцене, хватит паузу держать!

– А я люблюсь, – усмехнулся Ааронн. – Перед вами яркий пример трансформации личности под влиянием экстремальной ситуации. Если бы еще вчера утром кто-нибудь сказал Иефе, что она будет, сидя на траве у подножия заброшенной сторожевой башни, совершать лингвистические изыскания, не взирая на то, что в сорока минутах ходьбы от нее находится около сотни оживших мертвецов... Короче, она бы не поверила.

– Ме... Мамочки! – опомнилась полуэльфка. – Я постараюсь покороче, – испуганно сказала она и затараторила: – Получается, что четверостишие на стене и восьмистишие на штуковине действительно написаны на трех языках: старозэльфском, стародварфском и старом имперском. В первой строчке понятны только две последние руны – dwarфская руна угрозы и эльфская охранная руна. Вывод: либо эта башня охраняет мир от какой-то беды, либо что-то в этой башне охраняет мир от какой-то беды. На штуковине то же самое. Во второй строчке понятна только dwarфская руна, обозначающая эльфов. То, что это эльфская башня, было понятно с самого начала. Но важно не это, а то, что на штуковине вместо "лесного народа" выбит этот самый "внук полей", над которым так смеялся Стив. Значит, штукавина хоть и связана очень тесно с башней, но не принадлежит ей напрямую. Штуковина, я думаю, вообще шире по своему значению. Дальше... – Иефа остановилась, глотнула воздуха и затараторила еще быстрее. – Дальше третья строчка, в которой на старом имперском упоминаются "сын гор", то есть dwarф или гном, я не знаю точно, и собственно сам "человек", а на штуковине "сын гор" заменен на "дочь леса", то есть на эльфку. Постоянное повторение триединства, понимаете? Три башни, три культуры, три языка, dwarф, эльфка и человек, три составляющих элемента одного целого! А в четвертой строчке – сразу – эльфская руна единства, объединения, а в конце – имперское слово "сдержатъ", или "задержать", или "удержатъ", я не знаю точного значения, и сразу за ней – dwarфская руна воды! Вода – это озеро, оно мертвое, значит, угроза, о которой говорится вначале, находится или в нем, или под ним, и чтобы сдержать эту самую угрозу, должны объединиться три народа или представители трех народов: dwarфов, эльфов и людей. А поскольку у нас тут три башни, и поскольку эта башня – эльфская, то совершенно ясно, что две остальные – dwarфская и человеческая! Кажется, все. – Иефа обвела взглядом обалдевших спутников и слегка смутилась. – Чего вы на меня так смотрите? Я действительно старалась покороче...

– Как – все? – пришел в себя планар. – А как же сама штукавина? Для чего она? И что за угроза в этом озере? И на фиг тут эти башни – как они могут сдержать угрозу? И самое главное – где та самая ценная информация о ловушках, про которую говорил Ааронн?

– Отвечаю по порядку, – насупилась Иефа. – Во-первых, не знаю, во-вторых, не знаю, в-третьих, не знаю, в-четвертых, спроси у Ааронна!

– Послушай, дорогая, в таком случае, я не понимаю, к каким выводам ты пришла?

– Я пришла к одному единственно верному выводу: нужно линять отсюда как можно

скорее! – заорала полуэльфка, ойкнула и испуганно оглянулась. – Потому что ввязываться еще в одну темную историю – непозволительная роскошь! Мы и со старой еще не развязались! – гораздо тише, но не менее яростно выпалила она.

– Решать, куда нам ввязываться, а куда не ввязываться, буду я! – сверкая глазами, прошипел Зулин. – А ты меня уже достала своими истериками, страхами и капризами! Не забывай, пожалуйста, кто здесь начальник, а кто подчиненный! Мы заключили сделку, и будь добра молча отработать тот незаслуженно высокий гонорар, который ты из меня вытрясла! Я тебя нанял, а значит, я буду распоряжаться твоей жизнью, твоим временем и твоими силами!

– Оооо... – Иефа вдруг успокоилась, выпрямилась и заговорила светским голосом, не повышая и не понижая тона. – Вот как ты теперь запел. Значит, ты меня нанял и будешь распоряжаться... Да?

– Да!

– Значит, кто платит, тот и заказывает музыку, да?

– Именно!

– Ну что ж, – полуэльфка ослепительно улыбнулась и протянула магу раскрытую ладонь, – плати.

– Иефа, ты в своем уме? – опешил Зулин. – Ты соображаешь, что говоришь, а главное, где и когда говоришь?

– Отлично соображаю, а особенно хорошо я соображаю, кому я все это говорю! – полуэльфка оставила тон светской львицы, и в голосе ее зазвучал металл. – А вот у тебя, похоже, с соображением проблемы. погоди, я сейчас все тебе разложу по полочкам. Зулин, дорогуша, тебя никто не тянул за язык, но раз уж ты сам затронул эту тему, напомним: уважаемый господин и повелитель, ты нанимал меня на две недели. Срок истек три дня тому назад. Я абсолютно свободна. Поэтому не надо рассказывать мне про начальников и подчиненных. Запомни, последние несколько дней я участвую в этом походе исключительно ради хорошего отношения к тебе, и не в твоих интересах это отношение портить. Потому что я со спокойной душой развернусь задницей к этим башням, зомбухам и совомедведям и отправлюсь в Бристоль – небось, не пропаду по дороге. Конечно, в этом случае я рискую не получить второй половины гонорара, но ты не переживай: я компенсирую все до последней монетки, соорудив пару-тройку баллад о том, каких простофиль и недоумков отправила Магическая гильдия на поиски мирогляда. погоди, это еще не все. Заруби себе на носу: тот факт, что я еще нахожусь рядом с тобой, должен вызывать в тебе чувство огромной благодарности, и никак иначе. А пока, будь добр, выплати мне семьдесят золотых, и мы будем в расчете.

Зулин смотрел на полуэльфку, открыв рот, и бессмысленно моргал. Он и представить себе не мог, что на ситуацию можно посмотреть с *такой* точки зрения. Стив и Ааронн молчали, каждый по своим собственным причинам. Стив не хотел ввязываться, чтобы не попасть под горячую руку, да и в некоторой степени был согласен с доводами барда. Причины Ааронна были известны только ему самому.

– Ну? – Иефа нетерпеливо притопнула ногой. – У тебя есть вопросы?

– У меня... – маг растерянно посмотрел на спутников, но поддержки не нашел. – Почему семьдесят? И... и... это что – бунт?

– Семьдесят, потому что сорок три за вторую неделю похода, а остальное – за три дня, которые я шла с тобой после истечения срока выплаты. Да, это бунт, – скучным голосом ответила полуэльфка. – Или извинись. Тогда о расчете поговорим уже в Бристоле. Но не рассчитывай на скидку – я девушка одинокая, сама себе на хлеб зарабатываю. Гроша не уступлю.

– Это я уже понял, – Зулин поковырял носком землю, тоскливо посмотрел на небо, вздохнул. – Ладно, я не хотел тебя обидеть. И мне кажется, мы не в той ситуации, когда стоит подсчитывать, кто сколько должен. Так что не злись, и давай займемся делом.

– Хорошо, – кивнула Иефа. – Давай займемся. В связи с этим вопрос: так что мы делаем

– Мы идем внутрь, – хмуро сказал маг, – чтобы выяснить, в чем тут дело.

– Мы идем внутрь, – пробурчал Стив и сверкнул глазами, – потому что я хочу знать, как угораздило мой народ связаться с эльфами и людьми.

– Мы идем внутрь, – Ааронн усмехнулся, – потому что если мы не пойдем внутрь и все не выясним, ты первая умрешь от любопытства.

– Да уж, аргументация у вас... – Иефа не выдержала и захихикала. – Хрен с вами, кавалеры. Внутрь, так внутрь.

После минутной суеты партия выбрала наиболее симпатичный пролом в стене и приготовилась к проникновению внутрь. Зулин, проворчав, что уж тут, как ни крути, он пойдет первым, с трудом продрался сквозь густой плющ и просунул голову в пролом. Иефа зажмурилась и застыла, но вопреки ожиданиям, ничто внутри не обрушилось на белую шевелюру мага, не отрубило ему голову, не набросилось и не утащило во тьму. Зулин чихнул, подождал немного, пока глаза привыкнут к полумраку, и полез внутрь. За ним отправился дварф, потом Ааронн. Полуэльфка тяжело вздохнула и последовала за спутниками.

– Она же абсолютно пустая... – растерянно пробормотала полуэльфка. – И здесь сотни лет никого не было...

– Зачем? – удивился Зулин. – А-а-а, ты опять про свои мифические ловушки...

– Что, все так плохо? – Иефа нервно огляделась и поежилась. – Тогда я вообще с этого места не сойду. Вы себе ищите, а я здесь буду стоять. Вот дождусь, пока вы все в ловушки попадетесь, и отправлюсь себе тихонечко в Бристоль. Так что вы давайте, осматривайтесь, я вам мешать не... аааааааааааааааааа!

– Сто-я-а-а-ать! – не своим голосом взревел Стив, и Зулин с Ааронном, дернувшиеся было на выручку, каменными изваяниями застыли на своих местах, боясь пошевелиться.

– Стоять, я сказал! – рыкнул дварф. – Иефа, ты меня слышишь?

– Слышу, идиот! Помогите же мне вылезти, наконец!

– Ты в порядке? – спросил Стив и в ответ услышал такую великолепную матерную тираду на dwarфском, что моментально уверился в полном здравии полуэльфи. – Тогда

вылезай сама, мы до тебя не дотянемся.

– Ну, так подойди, дубина стоеросовая! – вне себя заорала из темноты Иефа.

– Действительно, что за глупости? – растерянно спросил Зулин. – Надо ее вытащить оттуда, пока она всех гоблинов в округе своими криками не привлекла.

– Стой, где стоишь, – тихо сказал Ааронн.

– Уроды, кретины, недоумки, жуки навозные, отбросы общества, собаки фальшивые, черепахи фригидные, отрывки пьяных верблюдов, клопы султанатские, сволочи, выхухоли недоделанные, молю трахнутые!... – несло из темноты. Плющ дрожал и терял листья. Стив кусал бороду, бледнел и краснел, когда в поток человеческой брани вплетались dwarfsкие ругательства, Ааронн саркастически поднимал брови, когда проскакивали словечки на эльфском. Зулин заворожено слушал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Однако, сильна пичужка, – процедил dwarf, когда из провала показались исцарапанные руки полуэльфы. – Смотри-ка, ни разу даже дыхание не перевела.

Над плитами возникла растрепанная макушка Иефы.

– Может, все-таки кто-нибудь так, на всякий случай, подойдет и руку подаст? – яростно пропыхтела полуэльфа, сдув с чумазого лба непослушные пряди. – Мужики вы или хрен собачий?

– Сейчас, Иефочка, погоди...

– Стоять! – отрезал Стив, и Зулин остался на месте.

– Ах, стоять, значит?! – задохнулась от возмущения Иефа, просверлила dwarf ненавидящим взглядом и полезла дальше. Через несколько минут она уже стояла у стены, отплевываясь и отряхиваясь. Вид у нее был далеко не дружелюбный.

– Стив, может ты объяснишь нам, в чем дело, и, наконец, позволишь сойти с этих дурацких плит? – осторожно поинтересовался маг, стараясь не смотреть лишний раз в сторону барда.

– По одному и очень осторожно, – хмуро ответил dwarf. – Начну я, потом следопыт, потом ты. Не хочу, чтобы кое-кто еще в какую-нибудь дыру провалился, – пояснил он в пространство и осторожно шагнул на соседнюю плиту. Иефа вздрогнула и судорожно вцепилась в измочаленный плющ, но ничего не произошло. Стив облегченно вздохнул и расправил плечи:

– Ага, значит, это не я набедокурил. Ааронн, твоя очередь.

Эльф сосредоточенно кивнул и легко шагнул вправо.

– Мне это уже начинает надоедать, – сварливо сказал маг, вновь не дождавшись видимых результатов.

– Можно, я уже отпущу растение? – жалобно спросила Иефа. – У меня и так ладони ободраны – болят...

– Погоди еще, – буркнул Стив и повернулся к магу. – Зулин, теперь ты.

– Наконец-то! – маг порывисто шагнул в сторону, и в ту же секунду провал, из которого выбралась Иефа, с лязгом захлопнулся, перерезав плющ и заставив полуэльфку взвизгнуть.

– Ма... ма... мамочки... – пробормотала Иефа, ошалело глядя на обрезанные ветки.

– Да, это могли быть твои руки, – удовлетворенно пробасил Стив. – Я надеюсь, всем все ясно?

Партия ответила гробовым молчанием. О чем думал каждый, догадаться было не трудно: все дружно пытались сообразить, как и куда дальше двигаться, чтобы никто больше не провалился.

– И много еще тут таких... сюрпризов? – поинтересовалась Иефа.

– Именно таких? – уточнил Стив.

– Именно таких.

– Именно таких – скорей всего, больше нет. Зато других должно быть еще штук двадцать.

– Какая нелепая архитектура, – пробормотал Зулин, с опаской пробуя на прочность

каменные плиты. – Послушай, друг мой, мне кажется, внутри башни тебе стоит взять командование на себя.

– Сейчас он скажет: "Ну, вот еще, я – что? Я – мясо, боец бессловесный..." – не выдержала Иефа.

– Сейчас я кому-то как дам по заднице! – рассвирепел Стив.

– Руки коротки.

– Иефа!!!! – в три голоса гаркнули Стив, Зулин и Ааронн, и полуэльфка скромно потупила глазки.

По башне двигались в напряженном молчании, по одному, готовые в любую минуту подпрыгнуть, метнуться в сторону, пригнуться, отклониться – в общем, любыми способами спасти свою жизнь. За полчаса обнаружили еще с десятков ловушек, а Иефа во всеуслышание поклялась, что если доживет лет до восьмидесяти, обязательно поселится в маленьком домике, вдоль стен которого непременно посадит плющ, а в огороде горох, виноград и вообще как можно больше всяких ползучих растений. Еще через пятнадцать минут полуэльфка печально отказалась от своей клятвы, объяснив, что такими темпами до восьмидесяти она точно не доживет. У Стива от напряжения болели глаза, Ааронн напоминал натянутую тетиву, а Зулин мысленно зачитывал Зверю, оставшемуся снаружи, свою последнюю волю.

Пол башни больше не наводил на мысли о покое и запустении. Прежде ровный ковер из листьев и веточек теперь там и сям был разорван черными пустотами провалов, кое-где топорщились железные пики, у южной стены, разметав листья, валялась изъеденная ржавчиной решетка, которая с лязгом и грохотом обрушилась вниз в ответ на робкий шаг полуэльфки.

– Боже мой, ну должны же они когда-нибудь кончиться, – тоскливо прошептала Иефа, едва увернувшись от здоровой шипастой булавы. – Это не дварфы, это параноики какие-то... Понастроили, еханий карась, ни пройти, ни проползти...

– Я нашел люк! – закричал Зулин и стал неистово разгребать листья в центре башни.

– Ты похож на енота-полоскуна, – невозмутимо заметил Ааронн. – будь осторожней, пожалуйста.

– Да иди ты! – пропыхтел планар и с натугой потянул за тяжелое железное кольцо, впаянное в квадратную каменную плиту. – Лучше бы спасибо сказал! Мы бы его так и не нашли, если бы я об это кольцо ногу не ушиб!

– Вернемся в Бристоль, получишь орден за производственную травму, – не удержалась Иефа. – Тебе, случайно, не тяжело?

– Случайно тяжело. А ты мне случайно не поможешь?

– Случайно не помогу. Откуда я знаю, какие возле этого люка случайно окажутся ловушки. А что, если, когда я буду тебе случайно помогать, случайно откроется какой-нибудь колодец, и я в него случайно провалюсь? А здесь, в середине, если ты вдруг случайно не заметил, плющ не растет.

– Не хочешь помогать, так хотя бы не мешай, – проворчал дварф и довольно бесцеремонно отодвинул полуэльфку в сторону. Иефа пошатнулась, наступила на еще не опробованную плиту, и вся партия дружно упала плашмя, спасаясь от толстого, утыканного железными штырями бревна, которое со свистом пролетело у них над головами, врезалось в западную стену и от старости осыпалось черной трухой, оставив болтаться и лязгать ржавые скобы на цепях.

– Двадцать четвертая, – констатировал эльф.

– Уже даже не страшно, – стуча зубами, проговорила Иефа.

– Думаю, это все, – пропыхтел Стив, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

– Да? – ехидным голосом спросила полуэльфка. – А что – у дварфов двадцать четыре – любимое число? Сакральное, так сказать?

– Иефочка, миленькая, – простонал планар. – Ты когда-нибудь будешь относиться к ситуации серьезно?

– Нет, Зулин, не буду, – очень серьезно ответила Иефа. – Потому что если я буду относиться к ситуации серьезно, я умру от страха. Ну, скажи на милость, к чему вам дохлый бард?

Зулин с безнадежным видом махнул рукой и снова взялся за кольцо. К нему присоединился Стив, и после десятиминутного пыхтения и переругивания, они приподняли и сдвинули в сторону каменную крышку люка толщиной с дварфскую ладонь.

Глава 3.

– Все-таки мы слегка идиоты, – задумчиво сказал Ааронн, созерцая то, что оказалось под крышкой люка.

– Слегка? – засомневалась Иефа.

Казалось, что открывшийся лаз не просто залит темнотой, а замазан, забит ею до верху, до самых-самых краешков. Ни Стив, ни Ааронн, ни Иефа – никто не смог бы различить в этом густом чернильном киселе даже собственных пальцев.

– Нужно спускаться, – зачем-то сказал Зулин. Партия дружно уставилась на мага. – Чего вы так на меня смотрите? Мы для чего люк искали – чтобы спуститься вниз и все выяснить.

– А никто не спорит, – ответила полуэльфка и посмотрела на спутников. Те согласно закивали: не спорим, мол. – Как только ты организуешь нам освещение в виде факелов, свечей, масляных ламп или чего-нибудь другого, мы дружными рядами двинемся в этот хренов подвал.

– Почему сразу я? – возмутился Зулин.

– Потому что ты – командир, с тебя и спрос. Стив магии не понимает, я кроме болотных огней ничего наколдовать не смогу, а от них – сам знаешь – толку никакого. Ааронн все больше по части природных явлений... Но ведь шаровая молния нам не подойдет, верно?

– Да, но от меня-то вы чего хотите?

– Не знаю... – Иефа пожала плечами. – Можешь огнявкой своей туда запулить.

– Огневиком! – сердито поправил Зулин.

– Огневиком, – согласилась полуэльфка.

– Короче! – не выдержал Стив. – Или колдуй нам какой-никакой свет, или топай строгать факелы! А мы тебя тут подождем.

Зулин оглянулся и нервно осмотрел пространство от люка до пролома в стене.

– Вы что думаете, что я не в состоянии свет наколдовать? Да я вам сейчас вечный факел изображу! Зря я, что ли, пять лет в башне у самого Баламута горбатился?! – маг сердито сплюнул, засучил рукава и зажмурился, с трудом припоминая подходящее заклинание. Слова разбегались, магические формулы путались, Зулин смутно припомнил, что когда-то сильно разругался из-за этого заклинания с Учителем. Старик Мо плевался и шипел, как кипящий чайник, и кричал, что если Зулин хочет стать безмозглым тараном, а не магом, то пусть отправляется в Большой Совет, там его научат разрушать стены и насиловать женщин. А Зулин отвечал, что это не он однобокий, а кое-кто другой, и вообще, почему Мо не учит его боевой магии, а забивает ему голову всякой бытовой туфтой, вроде магически вытканного полотна или создания неприродного освещения, и тогда Мо крикнул, что повторяет формулу последний раз, что Зулин идиот, впрочем, в этом никто и не сомневался, что...

– Зулин...

– А? Что? – планар вздрогнул и открыл глаза. Партия смотрела на него с явным сомнением.

– Ты, часом, не заснул? – хмуро поинтересовался Стив.

– Я вспоминаю! – рявкнул маг. – И убедительно прошу мне не мешать!

Наступила почтительная тишина. Зулин снова закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Так-так, хрен с ним, с заклинанием, вспомнится как-нибудь, но вот

формула, формула... Эх, демон Баатора...

Зулин вздохнул, повел руками и произнес заклинание, искренне надеясь, что оно правильное, и уже договаривая последнее слово, вспомнил, что формула направленная, и если не выбрать объект... Зулин в панике распахнул глаза и широким жестом направил заклинание на первое, что попало ему на глаза. Иефа ойкнула.

– Ну? – угрожающе спросил Стив, которому все это очень не понравилось. – И где факел?

– А я не говорил, что будет обязательно факел, – смутился маг и с надеждой посмотрел на полуэльфку. – Иефа, ты как себя чувствуешь? Нигде не жжет?

– Нет! – яростно прошипела полуэльфка под сдвоенное хихиканье дварфа. – Нигде не жжет! А вот руки – чешутся, причем очень сильно, причем чешутся исключительно от нестерпимого желания дать тебе по башке! Чего ты на меня уставился?!

– Видишь ли, Иефочка, – осторожно начал планар.

– Ну, ясный пень, напортачил!

– Да... То есть, нет... То есть... – Зулин поежился, пряча глаза: на Иефу было страшно смотреть, она то краснела, то бледнела и, кажется, была на грани припадка. – Видишь ли, Иефочка, ты только не волнуйся, я не сразу вспомнил, что формула направленная, а когда вспомнил, фокусировать было поздно, и я направил на тебя, и...

– И?... – выдавила полуэльфка, берясь за рукоять меча.

– И ты теперь должна в каком-то месте светиться, только я не знаю точно, в каком...

Стив, больше не в силах сдерживаться, согнулся пополам от хохота и повалился на плиты. Ааронн покраснел и отвернулся, кусая губу. Судя по всему, ему тоже было смешно.

– Я тебя сейчас убью, – спокойно сообщила Зулину полуэльфка и вытащила меч из ножен. Стив всхлипнул, замолчал, но через мгновение снова захохотал. Иефа тяжело вздохнула и страдальчески посмотрела на Зулина – меч светился.

* * *

Ступени были узкими и вероломно закручивались в тугую спираль. На четвертой минуте спуска Иефа окончательно перестала ориентироваться в пространстве и полностью положила на дварфский опыт, а заодно и на дварфское плечо, в которое вцепилась мертвой хваткой. Стив неодобрительно хмыкнул, но возражать не стал – сил у иефиного мечика хватало ровно настолько, чтобы осветить лица сопартийцев. Все остальное растворялось в непроглядной тьме. Стив напрягал зрение, пытаясь различить хоть что-нибудь, но даже его привычные к подземельям глаза не справлялись в этом душном колодце. Партия спускалась на ощупь, положив руки на плечи друг другу, и казалось, что лестнице не будет конца. Стив считал ступеньки и размышлял о том, что же они будут делать, когда лестница закончится. Учитывая собственный опыт, Стив даже и не надеялся, что с ловушками покончено. Внутренний голос упорно твердил, что ловушки еще будут, и не одна, вот только как их избежать, если не видишь дальше собственного носа, а лица твоих спутников похожи на лица привидений в неверном голубоватом свете бардовской штырчалки? Да уж, вечный факел, что и говорить...

На семьдесят пятой ступеньке Стив почувствовал, как липкая душная вонь забивается в ноздри. За его спиной надсадно закашлялась Иефа, сдвоенно задышал ртом Ааронн. "Начинается, – подумал Стив и осторожно пощупал пол впереди себя. – Так и есть, пришли. Ох, яйца Мораддина, это чего ж нам делать-то теперь?"

– Стойте.

– Что случилось? – шепотом спросила полуэльфка. Меч в ее руке задрожал. – Что это за запах?

– Ничего не случилось. Пока. Лестница закончилась.

– Так чего же мы стоим? – воскликнул Зулин, протискиваясь мимо барда. – Нужно идти

дальше!

– Пряткий какой, – проворчал Стив и ухватил устремившегося вперед планара за рукав. – Тебе, Зулин, жить надоело?

– Опять двадцать пять! Что на этот раз? Только не рассказывай мне снова про ловушки!

– Зулин, нам нужен нормальный свет, – сказал Ааронн. – В противном случае, мы отсюда живыми не выйдем.

– Спасибо, он уже пробовал! – Иефа сердито помахала перед лицом эльфа своим светящимся клинком. – Хвала богам, что он испохабил только мой меч...

– И правда, мог бы на самое святое посягнуть... – хихикнул Стив.

– Чрезвычайно остроумно, чрезвычайно!

– Ну хватит, в конце концов! – в голосе эльфа прозвучали сердитые нотки. – Или Зулин что-то решает со светом, или мы поворачиваем обратно, или до конца дней своих упражняемся в остроумии у подножия этой замечательной лестницы, пропитываясь трупной вонью. Лично меня больше устраивает первый вариант. Что скажете вы?

– Трупной? Мамочки мои, там что, трупы дальше? Да я с места не сдвинусь без нормального факела! Зулин, ты собираешься колдовать свет или нет?

– Терпеть не могу риторические вопросы, – буркнул маг. – Я попробую. Только не отвлекайте меня, пожалуйста.

– Ааронн, можно я за твою спину спрячусь? – прошептала Иефа.

– Можешь спрятаться за мою, она шире, – любезно предложил Стив и расправил плечи.

– Шире, но короче, я не помещусь, – сердитым голосом ответила полуэльфа.

Огрызнуться Стив не успел. Зулин пробормотал что-то неразборчивое, хлопнул в ладоши, и над его головой повисла яркая белая сфера, на добрых пять шагов залив светом пространство вокруг. Планар обернулся и окинул изумленных сопатийцев победоносным взглядом.

– Вот что бывает, когда никто не мешает мне сосредоточиться, – важно сказал он, снисходительно улынувшись. – Иефа, ты, кажется, хотела что-то сказать?

– Я... – выдохнула полуэльфа и указала рукой куда-то за спину мага. – А может, мы все-таки вернемся назад?

Зулин обернулся и с руганью шарахнулся от когда-то рыжей оскаленной морды, слепо глянувшей на него из темноты. Раздувшееся мохнатое тело, как на вертел, было нанизано на острые железные колья, торчащие из пола.

– Неделя или около того, – закрывшись рукавом, невнятно сказал Ааронн. – Надо сказать этому гибберлингу огромное спасибо – на его месте вполне мог оказаться кто-нибудь из нас. Зулин, ты еще сомневаешься на счет ловушек?

– Меня сейчас вырвет, – сообщила Иефа.

– На здоровье, – проворчал Стив. – Запахом больше, запахом меньше...

– Идиот! Выведи нас отсюда! Пожалуйста...

– Без истерик, Иефочка, без истерик, – Зулин уже пришел в себя и недовольно рассматривал труп. Пахло, конечно, неприятно...

– Пошли, – сказал Стив. – В прежнем порядке, шаг в шаг, и по сторонам смотрите. Зулин, ты не мог бы своего светляка чуток вперед передвинуть?

Маг щелкнул пальцем и сказал что-то невнятное, что напомнило Стиву одно очень неприличное дварфское выражение, но он решил не уточнять. Сфера качнулась и проплыла вперед ровно настолько, чтобы партия оказалась на границе света и темноты, и так застыла. Зулин вопросительно глянул на дварфа, получил в ответ мрачный кивок и еще раз щелкнул пальцем. Стив занял предводительское место, и партия медленно двинулась вперед.

От подножия лестницы в темноту уходил широкий каменный коридор. Магический светляк степенно плыл в воздухе, освещая покрытые полустертым орнаментом стены, на которых то и дело попадались держки для факелов. Пройдя шагов сорок, Стив наткнулся на еще одного гибберлинга, припиленного к стене ржавым трезубцем. На вид труп было не меньше года. Иефа ежилась и старалась дышать ртом, а дварф удивленно вопрошал самого

себя, какого ляда здесь вообще делали гибберлинги, и главное, как они сюда попали. Обнаружив через некоторое время третий труп, Стив остановился и грязно выругался. Создавалось дурацкое впечатление, что гибберлинги толпами ходили в башню на экскурсии, причем с интервалом примерно в месяцев десять.

– Я только хочу понять, что эти твари забыли в нашей dwarфской башне – это во-первых, а во-вторых, почему чем дальше, тем старше трупы? Должно же быть наоборот!

– Ну, во-первых, что могли забыть гибберлинги в dwarфской башне – это, как изящно выражается Иефа, коню понятно... – Ааронн, присев на корточки, с интересом рассматривал распластанное под тяжестью каменной плиты тело. – Я, конечно, очень сомневаюсь, что они нашли здесь что-то для себя интересное, зато весьма любезно расчистили нам путь. А во-вторых... Почему тебя так смущает возраст этих трупов?

– Потому что они должны быть чем дальше, тем свежее! – Стив упрямо дернул плечом. – Как я понимаю, спустился один – сработала ловушка, помер он... Проходит время, появляется второй, проходит дальше первого, потому что та ловушка уже не опасна, попадает во вторую ловушку, сдыхает... Первый к тому времени уже должен сгнить наполовину... Не кривись Иефа, ты когда помрешь, тоже будешь... Ай! Третий проходит мимо первого и второго, попадает под этот камушек... Он должен быть самым свежим!

– Тем не менее, друг мой, все обстоит иначе. А ты не думал, что всему этому есть вполне разумное объяснение?

– Я, может, не самый тут разумный, но никакого объяснения не вижу!

– Они просто пришли с другой стороны – вот и все.

– С какой такой "другой", если тут только один вход-выход!

– Значит, где-то есть второй.

– Даже если есть второй, – вмешался Зулин, которому все это порядком надоело, – я не понимаю, что им здесь, медом намазано?

– А может, это место притягивает к себе? Ну, как магнит, а? – Иефа смутилась под удивленными взглядами спутников. – Я только хочу сказать, что ведь наше присутствие здесь тоже совершенно нелогично. С таким же успехом можно спросить и про нас – что нам тут, медом намазано? погоди, Зулин, не начинай злиться, я понимаю, зомби, маги, тьма, озеро-убийца, наконец, простое любопытство – да, я все понимаю... Но ведь, сказать по чести, это же банальные отговорки. Мы не должны быть здесь. Просто не должны, и все. А мы есть. Более того, мы упрямо лезем через это маниакальное нагромождение ловушек, рассматриваем трупы различной степени свежести... Как будто нам больше нечем заняться в этой жизни!

– Иефочка, в последнее время ты слишком много паникуешь.

– Зулин, если ты заметил, я говорю совершенно спокойно, и я говорю, что мы тоже влезли сюда не совсем по своей воле.

– Мать вашу! – не выдержал Стив. – Может, обсудим это где-нибудь в другом месте?!

– Но...

– Действительно, Иефа, – поддержал dwarфа проводник, – ты выбрала неподходящий момент. Пошли, Стив, веди дальше.

– Маньяки какие-то... Вот выберемся отсюда, тогда и разговоры разговаривать будем, а то, блин, развели тут... Осторожно, еще один... Со стороны бы на себя посмотрели... Философская говорильня над несвежими трупаками... Эстеты, так вас растак... Пригнитесь, умники... Кого угодно до кондрашки доведете... Моя бы воля...

– Стив, помолчи.

Минуты через две после шестого по счету трупа коридор раздался вширь, и Стив вывел партию в небольшую круглую залу, абсолютно пустую на первый взгляд. Зулин пошептал, пощелкал пальцами и отправил своего светляка плавать вдоль стен. Кружа на высоте человеческого роста, сфера выхватывала из темноты серую грубую кладку, привычные уже держак для факелов, трещины и выбоины, и вдруг осветила огромные двустворчатые двери из кованого железа, закрытые на засов внушительных размеров. Зулин крикнул "стоп",

хлопнул в ладоши, и светляк застыл на месте, слегка покачиваясь.

– Ну вот, – прошептал Стив, – куда-то мы, в конце концов, пришли.

– Вот именно, что "куда-то", – так же шепотом ответила полуэльфка.

– Ничего себе дверки! – радостно заметил Зулин. – Их можно открыть, как думаешь, Стив?

– А их *нужно* открыть, как думаешь, Стив?

– Иефа!

– Тихо! – Ааронн жестом успокоил спутников и стал напряженно прислушиваться к чему-то. Несколько секунд стояла мертвая тишина, а потом до партии донесся еле слышный скрип откуда-то со стороны дверей. Иефа дернулась и вцепилась в свой меч, Стив схватился за топор. Ааронн толкнул планара в бок, указал на сферу, а потом сделал плавный жест рукой, как будто передвигал что-то. Зулин кивнул, пошевелил губами, неслышно произнося заклинания, и точь-в-точь повторил жест эльфа. Сфера качнулась и медленно поплыла вправо и вниз. Стив решительным жестом отодвинул партию на пару шагов назад и встал в боевую стойку. Сфера спустилась почти к самому полу, как вдруг из полумрака хищным броском метнулась закованная в латы рука и попыталась схватить светляка. Зулин вскрикнул, сфера лихорадочно дернулась в сторону и закачалась на одном месте. Скрип повторился уже гораздо громче, и в темноте почудилось неясное шевеление.

Стив выдохнул, приготовившись к атаке, но неизвестный затих, и в наступившей тишине дварф отчетливо услышал, как стучат зубы у барда.

– Зул, слышишь? – прошептал Стив. – Опустит-ка эту хрень пониже, только осторожно. Хочу посмотреть, кто там такой храбрый.

– Сейчас... – маг сдавленно запыхтел, забормотал, и минут через пять под потолком плавал еще один магический светляк, правда, слегка поменьше. – Это на всякий случай, если оно первого поймает... – пояснил Зулин, вытирая пот со лба.

– Стойте на месте, – процедил Стив и поудобнее перехватил топором. – Зулин, одного держи повыше, другого медленно опускай. И не делайте ничего, пока я не скажу, ясно?

Ааронн согласно хмыкнул, а Иефа перестала стучать зубами и промычала что-то невнятное. Стив покачал головой и двинулся вперед. Первый светляк медленно поплыл вниз.

Стив успел сделать два или три шага, когда справа у двери в свете сферы снова появилась рука, а слева раздался оглушительный скрежет, и что-то непонятное ринулось на дварфа из темноты, надсадно скрипя и громокая. Стив метнулся в сторону, краем глаза засек голубое свечение сзади, развернулся в прыжке, рассекая топором воздух, и увидел бледную, как смерть, полуэльфку с мечиком наголо, яростно выдирающуюся из цепких рук эльфа.

– Стоять, я сказал! – не своим голосом взревел Стив и приготовился дорого продать свою жизнь, но ничего не произошло. Грохочущее движение в темноте внезапно прекратилось, а рука, пытавшаяся ухватить сферу, застыла, слепо растопырившись в пустоту.

– Да отпустите же меня, наконец! – яростно прошипела полуэльфка и вырвалась из рук Ааронна.

– Ну?! – рявкнул Стив, поводя топором и пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. – Где вы там?! Зулин, свет!

Маг вздрогнул и направил второго светляка вниз и влево, и постепенно из темноты возник некто, с ног до головы закованный в доспехи. Он стоял не двигаясь, с поднятой правой ногой, словно окаменел в процессе ходьбы. Наглухо закрытое забрало тускло поблескивало в неярком свете сферы. Стив недоверчиво наблюдал за странной фигурой, ожидая какого-нибудь подвоха, но рыцарь не шевелился. Справа от дверей все так же бестолково торчала вытянутая в попытке поймать сферу рука. Партия затаила дыхание. Стив растерялся. Второй светляк медленно облетел застывшего в полушаге рыцаря и поднялся повыше. Тихо чертыхнулась полуэльфка; скромно кашлянул, напоминая о себе, Зулин. Пауза затягивалась.

– Эй, ты! – сказал Стив просто для того, чтобы что-то сказать. – Ты, справа! А ну

ручонку убери от нашего фонарика, пока тебе ее не оттапали!

Рука в латной перчатке с грохотом свалилась на каменные плиты, исчезнув из освещенного круга. Полуэльфка придушенно пискнула. Снова наступила тишина. Стив со стуком захлопнул открытый от изумления рот и почувствовал себя в некоторой степени идиотом.

– Интересно, кто это такие... – пробормотал Ааронн, впрочем, не очень настойчиво.

– Эй, ты, слева! – Стив сердито сдвинул брови. – Хорош полудурка строить! Ты кто такой?

Молчаливая фигура в латах осталась неподвижной, словно не слышала ни одного слова.

– Ногу хоть опусти! – заорал дварф, окончательно выйдя из себя. Фигура в латах послушно опустила правую ногу и снова застыла. Стив почувствовал, как брови уползают куда-то в район макушки.

– Ой, Стив, он тебя слушается... – благоговейным шепотом произнесла полуэльфка. – Честное слово, слушается... Скажи ему еще что-нибудь.

– Забрало подыми! – буркнул Стив.

Рыцарь встал по стойке "смирно" и четким движением поднял забрало шлема. Иефа ойкнула и спряталась за эльфом. Насколько позволял тусклый свет сферы, внутри шлем был абсолютно пустой. Партия дружно вытаращилась на странного рыцаря.

– Демон Баатора... – выдохнул Зулин. – Это призрак, что ли? Я не понимаю...

– Ааааа, яйца Мораддина! – взревел Стив и сплюнул с досады. – Кретин, болван, дубина стоеросовая! Шлак склерозный! Дурак я, болван! Это конструктор!

– Кто? – Иефа сообразила, что ничего страшного не происходит, и выбралась из-за надежной эльфской спины. – Как ты его назвал?

– Конструктор, – дварф почесал затылок и еще раз сплюнул. – Мне дед рассказывал, а я забыл.

– То есть, – осторожно поинтересовался Зулин, – то есть, он неживой?

– Ясен пень, неживой! Сказано тебе – конструктор. Механизм – слово такое знаешь? Ну вот. Не без магии, конечно...

– А почему он тебя слушается? – с опаской поглядывая на "механизм", спросила полуэльфка.

– Потому что Стив – дварф, – подал голос Ааронн. – Строили дварфы, ловушки устанавливали дварфы, а, следовательно, охранную систему создавали и отлаживали тоже дварфы. Не думаю, что организация этого конструктора настолько сложна, что он способен отличить каждого конкретного дварфа, но вот идентифицировать представителя дварфского народа вообще...

– Ааронн, прекрати! – замахала на проводника руками полуэльфка и смело подошла к конструктору. – Иногда ты говоришь так много умных слов, что даже меня приводишь в состояние... – железный рыцарь, не меняя позы, поднял руку и ухватил полуэльфку за горло, так и не дав закончить фразы. Иефа захрипела, пытаясь вырваться.

– Эй, ты, не трожь! – заорал Стив, бросившись к конструктору, но тот среагировал мгновенно и разжал пальцы. Иефа рухнула на плиты, тяжело дыша и всхлипывая. На шее у нее наливались краской багровые следы железных пальцев.

– Именно поэтому, прежде чем продолжить наше путешествие, Стив должен дать конструктору указания относительно каждого из нас, иначе все это может закончиться очень плачевно... – невозмутимо закончил свой монолог Ааронн. – Умение слушать – одно из самых полезных достоинств, – обратился он к обалдевшей полуэльфке. – Дай я посмотрю твою шею.

– Свою посмотри, умник! – огрызнулась Иефа. – Почему все шишки в этой башне сыплются на меня? Я первая попадаю в ловушку, я первая нахожу дохлого гибберлинга, меня первую душит сумасшедшая консервная банка...

– Это конструктор! – возмутился Стив.

– Ну, так успокой его, черт бы вас всех побрал! А еще меня интересует, кто размахивал руками там, справа. Если там прячется еще один железный псих, я уйду, а вы тут все хоть головой об стену бейтесь вместе со своими "механизмами"!

– Судя по всему, там справа действительно есть еще один, как ты выразилась, железный псих. Только мне кажется, что он неисправен, в противном случае они двигались бы синхронно.

Стив недовольно посмотрел на проводника и фыркнул. По его глубокому убеждению, ни один чертов эльф не имел права так спокойно разглагольствовать о конструктах, но возразить было нечего. Направив светляка к правому нижнему углу дверей, партия действительно обнаружила там невразумительную грудку заржавелых доспехов, из которой в печальном приветствии вытянулась рука в латной перчатке. Стив обошел три раза вокруг, задумчиво попинал доспехи носком ботинка и строго наказал руке "не баловать", чем вызвал приступ нервного смеха у полуэльфки. Действующий конструкт, получив примерно такое же наставление, громыхая, послушно бродил за дварфом, чем немало раздражал всех остальных.

Беглый осмотр зала и дверей не дал никаких результатов. На кованых створках, вопреки жгучему желанию Зулина, не обнаружилось никаких знаков, рисунков и стихотворных загадок, которые могли бы пролить свет на то, что скрывается за ними. Ааронн небрежно заметил, что если партия куда-то шла, то теперь уж наверняка достигла своей цели, что до заветной тайны рукой подать и что вряд ли строители стали бы так тщательно прятать что-нибудь приятное и безопасное. Иефа уныло бродила по залу, стараясь держаться подальше от конструкта, и прилагала массу усилий, чтобы держать свое мнение при себе. Зулин молчал и думал, что в конечном итоге партии не хватает лидера, и искренне удивлялся сам себе, потому что впервые за весь поход у него возникла мысль о том, что неплохо было бы это лидерство спихнуть на кого-нибудь другого. Стив учил конструкта отдавать честь. Иефа не выдержала первая.

– Должна заметить, – мрачно проговорила она, – что наша компания весьма многолика, если вы понимаете, о чем я.

– Где уж нам, – буркнул Стив.

– Действительно, – Иефа уперла руки в боки и воинственно уставилась на дварфа. – Я говорю о том, что мы, как выяснилось, способны быть кем угодно: детьми, клоунами, сумасшедшими, археологами, лингвистами и философами... А теперь вот превратились в баранов и битый час тупо топчемся перед этой дверью. Может, хватит? Меня тут активно обвиняли в трусости и нытье – не спорю, вам со стороны виднее – так вот, я, Иефа, истеричка, трусиха и нытик, настойчиво интересуюсь: когда мы, наконец, откроем эту треклятую дверь?

– Вот прямо сейчас и откроем, – Зулин с неприязнью посмотрел на полуэльфку и вздохнул. – Тебя, Иефочка, действительно трудно понять. Ну что, други мои, в каком порядке действуем? – планар бодро хлопнул в ладоши, нечаянно потушил одного из светляков и расстроился. – По-моему, все просто: поднимаем засов, открываем двери, заходим, выясняем, что там внутри, выходим, закрываем двери, кладем засов на место и возвращаемся.

– Гениальный план! – патетически воскликнула полуэльфка.

– Если у тебя есть в запасе другой, получше, предлагай! – мгновенно разозлился Зулин.

– Ты же у нас такая изобретательная...

– Проблема в том, друг мой Зулин, – задумчиво проговорил Ааронн, – проблема в том, что если бы туда кого-то не хотели *впустить*, засов был бы с *той* стороны. А поскольку он с *этой* стороны дверей, значит, оттуда кого-то не хотели *выпустить*. И этот кто-то *не обязательно* спит мертвым сном и, *скорее всего*, не прикован стене цепями, так что вряд ли у нас получится *просто войти*.

– Ну и не надо! – радостно воскликнул дварф, поразив планара до глубины души. – Чего самим-то ходить – мы конструкта запустим. Ежели там никого нет, так и ладно, ежели ловушки, так они сработают, а ежели там кто кусачий, так ему будет на что отвлекаться.

Полезная штукавина – конструктор! Жаль, второй не работает...

– А вот это действительно похоже на гениальный план, – с уважением произнесла полуэльфка. Стив обомлел и чуть не свалился в обморок.

Конструктора использовали на всю катушку. Развеселившийся дварф размахивал руками и громовым голосом выкрикивал команды, молодежато поглядывая на барда. Иефа зажимала уши руками и морщилась. Зулин, разобидевшись на весь мир, пытался создать еще парочку светляков, но то ли силы его иссякли, то ли мешал сосредоточиться орущий дварф, – словом, светляки получались чахлые и неумолимо гасли максимум секунд через пять. Ааронн с непроницаемым выражением лица перебирал стрелы в колчане.

Наконец, засов был поднят, и Стив, краснея от натуги, открыл одну створку ровно настолько, чтобы пропустить конструктора внутрь. Скрипя и лязгая, "механизм" протиснулся в образовавшуюся щель и исчез в темноте. Партия сгрудилась у дверей и затаила дыхание. Металлические шаги конструктора гулко доносились из-за створок, и, судя по тому, как гуляло и перекатывалось эхо, за дверью прятался совсем не маленький зал.

– И долго мы так будем стоять? – шепотом спросила Иефа, устав прислушиваться к марширующему в темноте "механизму".

– Пока его там кто-нибудь не сожрет, – предположил Зулин.

– Его нельзя сожрать, он железный, – возразила Иефа.

– Ну, значит, пока кто-нибудь не *попытается* его сожрать, – не растерялся планар.

– Я думаю, там никого нет, – заметил эльф. – Если бы там был кто-то настолько глупый, чтобы пытаться сожрать конструктора, мы бы об этом уже знали.

– И чего? – насупился Стив. – Ты предлагаешь войти?

– Конечно. Ты ведь не указал конструктору, *как долго* он должен там ходить. Мы не можем стоять здесь до конца времен, боюсь, это несколько не входит в планы нашего дорогого командира. Правда, Зулин?

– Совершенно не входит, – неуверенно согласился планар и задумчиво почесал затылок. – Значит, внутрь? Вы как, други мои?

– Внутрь.

Зулин вздохнул и расправил плечи. Идея забраться в башню вдруг показалась ему ужасно глупой, и он с искренним недоумением посмотрел на Иефу, которая совсем недавно ныла и просилась наружу, а теперь с мрачной решимостью обнажила свой дурацкий мечик и приготовилась лезть в темноту и неизвестность. Зулин покачал головой и в который раз пообещал себе никогда больше не пытаться понять женщин.

* * *

За створками были темнота и эхо. Только пробравшись внутрь, маг сообразил, что не захватил с собой сферу, и теперь лица сопатийцев освещались только голубоватым светом, исходящим от меча полуэльфки. Стив шепотом приказал двигаться вдоль стены, считать шаги и не шуметь, и его голос летучей мышью прошелестел и пропал в пространстве. Где-то в глубине скрипел конструктор, но далеко или близко, трудно было понять. Иефа держала меч над головой, пытаясь хоть немного осветить дорогу, но толку от него было мало. Впрочем, на стене не было ничего примечательного, кроме, пожалуй...

– Стоп, – сказал Стив, и партия послушно остановилась.

– В чем дело? – нервно спросила полуэльфка.

– Ничего не замечаете? Я имею в виду, ничего такого, чего не было раньше?

– Хватит таинственности, дорогой мой, – раздраженно буркнул Зулин, которому совершенно не хотелось замечать ничего такого, чего не было раньше. – Говори толком.

– Здесь держак для факела, – сообщил дварф.

– Здесь везде держак для факелов, – еще больше разозлился маг.

– Да, но все остальные держак были пустые, а в этом есть факел, – пояснил Стив.

– Ну и хорошо, – искренне обрадовалась Иефа и с облегчением опустила меч. – Нам же нужен свет, правильно?

– Да, нам нужен свет, – согласился Стив, и факел вспыхнул. Иефа взвизгнула и хорошо отработанным прыжком метнулась в сторону, и тогда огненная змея пробежала вдоль стен, зажигая все новые и новые факелы, один за другим. Это было так, словно кто-то огромный и невидимый в развороте провел мечом по камню, разбрасывая желтые пучки искр, вот только искры не гасли, а оставались на стенах, и пламя плясало беззвучно и отрешенно. Через несколько секунд в зале не осталось ни одного темного уголка. Партия ошалело осматривалась, пытаясь сообразить, откуда ждать нападения. У дальней стены невозмутимо маршировал равнодушный к вопросам света и тьмы конструктор.

– Гребаный эквивалент... – потрясенно выдохнул Зулин и вытаращился на дварфа. – Как ты это сделал?

– Это не я! – помотал головой Стив.

– А еще голову мне морочил – факелы ему сделай, свечи ему наколдуй...

– Говорю же – это не я!

– Как вы думаете, нас сейчас будут убивать? – спросила Иефа.

– Вряд ли, – ответил Ааронн. – Мне кажется, в этом зале задействована та же магия, которая управляет конструктором. Любой дварф здесь – хозяин.

– Понятно, – кивнула полуэльфка и расправила плечи. – Тогда давайте быстренько здесь все осмотрим и наконец-то вернемся на поверхность. Зулин, ты меня слышишь? Ты ведь сюда стремился попасть?

– Да, но...

– Никаких "но"! – мысль о том, что никто пока не собирается их убивать, настроила полуэльфку на деятельный лад. – Неужели мы лезли сюда только для того, чтобы полюбоваться, как Стив зажигает факелы?

– Это не я! – взревел Стив.

– Не важно. Вон там фигня какая-то в центре – иди, посмотри, что это такое. Вон в том конце зала, где конструктор ходит, что-то темное, типа пролома в стене, видите? Зулин, сходи, проверь. А мы с Ааронном осмотрим стены на предмет надписей и прочей магической ерунды. Пять минут на все про все и – на свежий воздух!

– Иефа! – Зулин почувствовал непреодолимое желание стукнуть полуэльфку чем-нибудь тяжелым, но сдержался. – Иефа, ты, кажется, забыла, кто здесь командир.

– Ну, так командуй уже, черт тебя дери! – полуэльфка сложила руки на груди и надулась.

– Значит так! – грозно начал планар. – Стив, ты в постройках лучше всех разбираешься, посмотри, что это за штуковина в центре зала. Мало ли, может, памятник какой или саркофаг... Я проверю дальнюю стену на предмет запасного выхода, а ты, Ааронн, бери эту склочную девчонку и поищи какие-нибудь надписи, знаки и прочую магическую...

– Кто бы мог подумать! – патетически воскликнула полуэльфка и всплеснула руками. – Мне бы такой гениальный план никогда в голову не пришел!

– Неисправима! – Зулин сплюнул в сердцах и, бурча, направился в дальний конец зала, где у темного пятна, похожего на пролом в стене, одиноко бродил конструктор.

Нет, женщина в команде – больше никогда, ни под каким видом! Сколько бы ни кричал старикашка Мо о тонкостях женской натуры, о великих возможностях и горизонтах, открывающихся перед теми, кто умеет эти тонкости распознавать и использовать... Больше никогда, ни за что! Пролом в стене – вы только послушайте! Умная какая – фу ты, ну ты! Да какой, демон Баатора, пролом, когда все это безобразие находится глубоко под землей! Для того чтобы получился пролом, нужно поднажать, как следует. Кто, скажите на милость, может поднажать на стену прямо из толщи земли, а? Гибберлинги, может быть? Смешно!

– Да отстань ты, наконец! – Зулин досадливо отмахнулся от вытянувшегося по стойке смирно конструктора. – И без тебя тошно. Железяка безмозглая. Мне, видишь ли, наша принцесса повелела пролом в стене искать. Тоже мне... Демон Баатора!... Ты это видел? Иди

сюда!

Конструкт послушно подошел к планару и застыл. Зулин изумленно и недоверчиво рассматривал осколки каменной кладки и высохшие комья земли у себя под ногами, стараясь не глядеть на стену, в которой нагло и вопреки всем рассуждениям мага зиял внушительных размеров пролом. Зулин подошел к стене, вытащил факел из ближайшего держака и заглянул в отверстие. От стены сквозь землю по диагонали вверх шел круглый неровный лаз, похожий на лисью нору, конечно, если на свете существуют лисы размером с винную бочку. Зулин перегнулся через битый камень и нырнул в земляной ход по поясу, пытаясь выяснить, где он заканчивается, но света от факела явно не хватало. "Час от часу не легче", – подумал маг и с тяжелым вздохом полез в нору, искренне надеясь, что не наткнется в темноте на ее хозяина. Он прополз уже добрых пару метров, когда кто-то крепко ухватил его за лодыжку и потащил обратно. Зулин задергался и забился, пытаясь вырваться, выронил факел, обжегся, весь обсыпался землей и почти ослеп, но освободиться так и не смог. Невнятно бранящегося и отплевывающегося мага извлекли из норы и бережно уложили на каменные плиты. Зулин протер глаза. Перед ним стоял всклокоченный и перепачканный в земле Стив, а за его спиной маячили Ааронн с Иефой, причем настроены они были явно недружелюбно.

– Что за... – начал планар, но Стив не дал ему договорить.

– Совсем рехнулся, да?! – рявкнул он, и эхо в панике заметалось по залу. – Ты головой вообще думаешь иногда?! Какого тролля ты полез туда *один*?! Ты *меня* позвать не мог?! Ты хоть знаешь, кто такие ходы копает?!

– Лисы? – робко предположил Зулин, слегка опешив от такого напора.

– Да какие в задницу лисы! – Стив побагровел и громко засопел носом. – Ты когда-нибудь видел лису таких размеров?!

– Но я и совомедедей раньше не видел, – возразил маг и поднялся на ноги. – Так это не лисы?

– Нет, это не лисы! – заорал дварф так, что уши заложило. – Это не лисы! Это камнелом! Я не знаю, откуда он здесь взялся, обычно они живут в горах, где камня побольше, потому что землю они не жрут, но это камнелом, и если бы ты случайно на него наткнулся, от тебя красная каша осталась бы – и больше ничего!

– Стив, успокойся, слышишь? Успокойся, не кричи, – Иефа тронула дварфа за плечо. – Объясни толком, что за камнеломы.

– Червяки такие, – буркнул Стив и попытался взять себя в руки. – Здоровенные, толстенные, типа дождевых, но в панцире, камень жрут. В основном. Если попадается что-то еще, тоже жрут. Уголь, дерево, стекло, железо... Дварфов. Деда моего двоюродного один такой сожрал. Некого хоронить потом было. А этот долдон лезет, не спросясь! Командная работа, туды его...

– Просто я подумал, что эту нору можно использовать, как запасной выход, – немного обиженно пояснил Зулин. – Я полагаю, никому из нас не хочется возвращаться через это пиршество дварфской фантазии в виде ловушек и воняющих гибберлингов.

– Он подумал! – снова завелся Стив.

– Погоди, погоди, – Иефа развернула дварфа к себе лицом. – Да погоди ты! Погоди... Ты хочешь сказать, что за этой стеной в земле ползает бронированная тварь толщиной с дерево, которой все равно, что жрать? То есть, она в любой момент может появиться из этой дыры?

– Я не знаю, – Стив недовольно дернул плечом. – Нужно осмотреть ход – может, он давно выкопан.

– Кстати о ходах, – подал голос Ааронн. – Тот, по которому лез наш неосмотрительный командир, судя по всему, и правда ведет на поверхность. Но я тут нашел еще один, почти отвесный, и в него довольно просто провалиться. Так что, Зулин, можешь считать, что тебе крупно повезло. И еще по поводу воняющих гибберлингов. Здесь клочки шерсти – пара-тройка на плитах и довольно много в норе. Кажется, мы нашли тот самый "другой вход-выход". И вот еще что: я практически ничего не знаю о камнеломах, поэтому могу

ошибаться, но очень похоже, что эту нору выкопали довольно давно. Не год и не два назад.

– То есть, из нее ничего такого не появится? – уточнила Иефа.

– Полагаю, что нет.

– Хотя какая-то радость, – вздохнула полуэльфка.

– Только шум зря подняли, – проворчал Зулин. – Все, все, я молчу. Стив, дружище, не кипятись. С норой определились – и славно, одной проблемой меньше. Расскажи лучше, что это за штука, которую ты осматривал. Саркофаг?

– Да.

– Я так и думал. Что-то интересное?

– Много эльфских рун. Пусть Иефа с Ааронном посмотрят.

– Я думаю, всем посмотреть не мешает, – встряла Иефа. – На стенах мы ничего не нашли, так что пойдем, посмотрим на ваш могильник.

– Саркофаг!

– Один хрен.

– Иефа!!

Сложенный все из того же серого камня, ничем не украшенный, саркофаг казался на первый взгляд совершенно не примечательным, о чем маг не замедлил заявить, и заявить весьма недовольно. Иефа задумчиво обошла саркофаг по периметру, ведя рукой по краю верхней плиты, и присела на корточки перед его лицевой стороной.

– Дайте мне факел, – попросила она. – Ааронн, посмотри. Ничего не напоминает?

– Любопытно... – пробормотал эльф, устраиваясь рядом с Иефой. – Думаешь, просто старозельфский вариант?

– Ага, – полуэльфка погладила пальцами четыре полустертые строчки. – Почти уверена. Поможешь перевести? Я не настолько хорошо знаю...

– Разумеется, о чем разговор. Только вот с ямбами и хореем у меня плохо.

– Зато у меня хорошо. Недурная лингвистическая команда у нас получается...

– Слушайте, вы! – гаркнул Стив, которого страшно нервировал этот невразумительный обмен любезностями. – Говорите толком, что там такое! Хорошо всезнаек из себя корчить!

– Да-да, други мои, – неожиданно поддержал его Зулин. – По существу, пожалуйста, по существу!

Иефа с Ааронном дружно посмотрели на дварфа, потом на планара, потом переглянулись, вздохнули в один голос и снова уставились на выбитую на плите надпись.

– Данное сооружение, – скучным голосом начала Иефа, – представляет собой вид погребальных построек, называемых саркофаги, обелиски, склепы, могильники и проч.

– Данный саркофаг, – не менее скучным голосом продолжил Ааронн, – представляет собой традиционный способ захоронения у многих народов. Однако мы имеем право говорить именно об эльфском захоронении, поскольку...

– Я вам сейчас к заднице Мораудиновой бошки посношу! – пообещал Стив.

– Как это ново! – восхитилась полуэльфка.

– Как неожиданно... – подхватил проводник.

– Ну, хватит уже, – жалобно проворчал Стив. – Говорите толком, чего там такое, ну, сил же ж нет никаких терпеть. Получите топором по темечкам, потом сами же будете на меня обижаться. Зулин, скажи им...

– Други мои... – сурово начал планар. – Я, как командир данной поисковой партии...

– Други мои, – перебил его Ааронн, – будьте любезны, оставьте нас в покое минут на десять. Мы все переведем и все вам обстоятельно доложим. Кстати, угроза нашим темечкам совершенно не вдохновляет на лингвистические подвиги.

Зулин фыркнул, махнул рукой и отошел в сторону, мысленно пожелав эльфу всяческих пакостей, начиная с чесотки и заканчивая семилетней засухой. Стив, оставшись безо всякой поддержки, тоскливо топтался возле саркофага и внимательно прислушивался. "Императив, здесь же явный императив"... "Останки – не то, лучше прах, тогда сохраняется ямб"... "Да ну, он же восьмистопный!"... "Дочь лесов – так и оставим, смысл тот же, а форма

красивее"... "А вот это не глагол, нет, я уверен, существительное"...

– Спелись-таки... – обреченно пробормотал дварф и немедленно впал в черную меланхолию, ибо и ежу было понятно – пигалица втюрилась в остроухого. Дура, во дура-то, а?! Ни на кой ляд она ему не сдалась – полукровка безродная, неужели сама не понимает?! Ну, конечно, он же весь такой из себя важный, воспитанный, слова в простоте не скажет, загадка природы! А она уж и растаяла, вон, ямбами своими проклятыми щеголяет. А голос-то, голос! Горлица, твою мать! Вот тебе и "Стивочка, миленький", накося, выкуси...

Стив бродил туда-сюда и чувствовал, как сердце заполняет горькая детская обида на глупую полуэльфку и заодно на весь окружающий мир. Дернуло же его идти в этот дурацкий поход... Сидел бы себе в Бристоле, пиво пил, ложки оловянные в крендельки сворачивал...

– Ну что ж, мы готовы, – сообщил эльф и поднялся на ноги. – Не могу сказать, что узнали массу нового, но, по крайней мере, это довольно любопытно.

– Мы вас внимательно слушаем, – саркастически усмехнулся подошедший Зулин и принял скептический вид, картинно сложив руки на груди.

– Спасибо, – вежливо ответил Ааронн, и маг немедленно почувствовал себя дураком. – Ничего неожиданного мы вам не сообщим. Это эльфский саркофаг, на нем выбита та же надпись, что и на стене башни, и на той странной вещи, которую мы нашли у гибберлингов. Но если на башне надпись была сделана на трех языках, то на этом саркофаге выбиты только староэльфские руны. Мы немного повозились и сделали приблизительный перевод. Иефа, твоя очередь.

– Ну, это конечно так, халтура... – полуэльфка смущенно кашлянула. – Переводится оно примерно следующим образом:

Пусть прах, который здесь лежит, глухую злобу сторожит.

Минует множество веков – на битву выйдет дочь лесов.

Друзьями станут ей навек сын гор и слабый человек.

Плечом к плечу пойдут на рать, чтоб пленника воды сдержать.

– И что? – недовольно спросил Зулин. – Это все, что вы узнали? Больше никакой информации?

– Извини, дорогуша, – вспылила Иефа, – на этом замечательном саркофаге не выбита хроника событий последних пяти столетий! Но если ты настаиваешь, мы с Ааронном немедленно займемся!...

– Погоди, успокойся, – вмешался эльф. – Зулин, ты напрасно возмущаешься. Во-первых, то, о чем мы знали на уровне предположений и догадок, полностью подтвердилось. Это уже дает нам некоторую определенность, ты не находишь? Во-вторых, мы выяснили, что Иефа была очень точна в своих расшифровках надписи на башне, а значит, в следующий раз мы сможем со спокойной душой довериться ее лингвистическим способностям. А в-третьих, под надписью в плите есть три углубления, выбитые явно не для того, чтобы украсить саркофаг. В связи с этим, я попросил бы тебя обследовать их на предмет всяких магических следов и проявлений – может, тебе удастся выяснить, для чего они. Во всяком случае, все, что *мы* могли узнать об этой башне, мы узнали.

– Да уж, вы узнали... – скривился Зулин и бесцеремонно отодвинул полуэльфку от саркофага. – Просто хоть руководство по эксплуатации башни пиши...

– Да ты совсем, что ли... – начала, совершенно разъярившись, Иефа, но Ааронн жестом остановил ее. – Пойду, посмотрю, что там за нора. Надо же выяснить, в конце концов, куда она ведет. Стив, поможешь?

Зулин проводил презрительным взглядом встрепенувшегося дварфа и источающую негодование спину полуэльфки и занялся саркофагом. Настроение было паршивое, любые попытки сосредоточиться оканчивались полным провалом, вдобавок, невыносимо чесался затылок, словно под белой шапкой отросших волос угнездилась какая-то особо настырная блоха и кусала, кусала, кусала... Зулин выругался и резко обернулся. За его спиной

неподвижно стоял Ааронн и неотрывно смотрел на мага. Зулин вздрогнул и ощутил прилив сильного раздражения.

– Уйди, пожалуйста, ты мне мешаешь! – эльф вопросительно поднял бровь и не двинулся с места, чем окончательно вывел планара из себя. – Тебе что, пространства мало?! Чего ты тут стоишь?!

– Я думаю, – спокойно ответил эльф. – Размышляю.

– Размышляй где-нибудь подальше отсюда. Я не могу сосредоточиться.

– Проблема в том, что мне удобней всего размышлять именно здесь. Мне не хотелось бы уходить. Занимайся своим делом, я не буду тебя отвлекать.

– Ты смотришь мне в затылок! – маг попытался унять раздражение и сам себе поразился – настолько это оказалось трудно. Почти невыполнимо. – Ты постоянно смотришь мне в затылок!

– Разве? – удивился Ааронн, и Зулин так и не понял, искренне или притворно. – Прости, пожалуйста.

Зулин буркнул что-то невразумительное и снова повернулся к саркофагу. Надпись не производила на него никакого впечатления, но вот эти странные, похожие на половинки апельсинов углубления притягивали к себе и одновременно... пугали? Глупости. Бред. Просто устал.

Зулин закрыл глаза и титаническим усилием заставил себя сосредоточиться на саркофаге. Его ладони легли на углубления в плите и замерли, и Зулин стал весь своими ладонями, словно обнял собой серую плиту саркофага, самими мыслями прижался к холодному камню, впитывая и распознавая слабые, очень слабые колебания магии, и тут услышал...

Убей их!!!

...традиционно бесстрастный голос эльфа и почувствовал, как узкая ладонь легла ему на плечо. Зулин спрятал в рукавах балахона дрожащие руки и вымученно улыбнулся Ааронну.

– Это ты называешь "не буду отвлекать"?

– Мне кажется, я отвлек тебя как раз вовремя, – заметил эльф, и Зулину стало не по себе от его пристального изучающего взгляда.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – пробормотал он, пряча глаза. – Ты все испортил. Я только-только начал... Непонятная магия. И... и очень трудно уловить, практически невозможно, а тут еще ты... Я даже пробовать больше не буду, потому что это бессмысленно, и я... Ты, конечно, можешь спорить...

– Нет, – покачал головой проводник. – Не могу. Не могу и не буду. Я с тобой полностью согласен – ничего хорошего эти исследования нам не дадут. Я бы даже сказал, что они опасны, но не могу утверждать наверняка. В отличие от тебя.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – повторил Зулин.

– Вот и славно, – усмехнулся эльф. – Поговорим о другом. Ты, случайно, не обратил внимания на ряд совпадений, связанных с этой башней? Смотри, что получается, следи за последовательностью: сначала Иефа находит в яме этот странный предмет, назовем его "жезл". На его рукояти выгравирована надпись, первая часть которой идентична надписи на башне, причем обе надписи сделаны на трех языках. Далее, в эльфской башне мы находим эту же надпись на саркофаге, но на этот раз она сделана на староэльфском языке. Все это, на мой взгляд, подтверждает слова Иефы о том, что жезл объединяет все три башни.

– Я пока что не вижу ряда совпадений, – проворчал маг.

– Может быть, я слишком сильно выразился. Их как минимум два. О первом я уже сказал, теперь о втором: в этих же ямах я нахожу некий камень, который явно из той же породы, что и камень в жезле, то есть они связаны между собой – в этом нет никаких сомнений. По словам Стива, камень огранен, он часть чего-то, но оправы мы не нашли. Или мы плохо искали, или ее там не было.

– Само собой.

– Само собой. Я все-таки склоняюсь к мысли, что ее там не было, потому что, кажется, знаю, где она.

– Ну, и где же? – Зулин с любопытством уставился на проводника, словно ждал, что тот сейчас достанет пресловутую оправу из кармана.

– У нас есть камень определенной формы, явно связанный с этой башней. У нас есть углубления такой же формы, находящиеся внутри этой самой башни. Не видишь связи?

Зулин оглянулся на саркофаг и вопросительно посмотрел на эльфа. Ааронн задумчиво кивнул.

– Ты хочешь сказать, что...

– Да. Более того, я уверен, что если бы не мое беспардонное – эльф усмехнулся – вмешательство, если бы ты смог сейчас определить, какого типа магия на этих углублениях, то мы имели бы стопроцентное совпадение с магией камня и магией жезла.

– Почему? – удивился планар.

– Что – почему? – в свою очередь удивился Ааронн. – Ты же забрал у нас эти предметы для выявления магических следов, и с тех пор таскаешь их в мешке на поясе. Разве нет?

– Да-да... Конечно... – Зулин почувствовал, как запылали щеки, потом лоб, потом уши, и поспешно отвернулся от проводника, в смятении обнаружив, что от невыносимого жара вспотел даже кончик носа. Демон Баатора! Демон Баатора! Демон Баатора!

Ааронн был прав почти во всем. Камень, жезл... Зулин действительно отобрал их и действительно с тех пор таскал на поясе, но... Но он ни разу – ни разу! – не проверил... нет, даже *не попытался* изучить их на предмет магических проявлений, потому что... Демон Баатора!...

Потому что забыл.

– Да... Если бы ты меня не прервал... Может быть... – пролепетал маг.

– Как жаль, что мы этого никогда не узнаем! – насмешливо вздохнул эльф, и Зулина обдало еще одной жаркой волной.

Глава 4.

– Стив, прекрати пихать меня в зад!

– Я тебя не пихаю, я тебя поддерживаю.

– В таком случае, прекрати меня поддерживать... за зад!

– Интересно, как, еханный карась, я должен прекратить тебя поддерживать, если ты постоянно в меня упираешься, и между прочим, уже всего землей забросала!

– Когда мы лезли наружу, ты был впереди и тоже скидывал на меня землю, целые горы земли, если быть точной. И, по-моему, то, что на тебя сейчас свалилось пару комьев, – кстати, абсолютно случайно – вполне справедливо.

– И никакие не горы...

– Горы-горы! Я более чем уверена, что это было нарочно.

– Слушай, Иефа, лезь молча! И если ты еще раз усядешься мне на голову, я тебя пну! И я не специально землю скидывал, просто ты меньше, а я...

– А ты чурбан неповоротливый.

– Ну, как же, как же! Куда уж нам, неотесанным... Мы умных слов не знаем и следы читать не умеем, не то, что *некоторые*...

– Ты прав, как никогда – до *некоторых* тебе, как до луны.

– Больно надо! Чего доброго, всякие дуры влюбляться начнут – хлопот потом не оберешься.

– Не обольщайся, Стив, в тебя, если кто и влюбится, так *исключительно* круглая дура. Для этого тебе совсем не обязательно знать умные слова и следы читать.

– Хамка пещерная!

– Болван немытый!

– Я мытый!

– Все равно болван!

Стив, отплеываясь и матерясь, выбрался из норы и успел вытянуть руки, чтобы поймать вывалившуюся вслед за ним полуэльфку. Вид у обоих был раздраженный и всклокоченный. Исследование лаза, хоть и подтвердило слова проводника о том, что ход ведет прямо на поверхность, тем не менее, никого не удовлетворило. Стив, который в тайне от себя надеялся на душевный разговор, еще больше утвердился в мысли, что пигалица равнодушна к треклятому эльфу. А Иефа, напрасно понадеявшись на немногословность дварфа, так и не дождалась возжеленной тишины. Более того, она уверилась в его неуважительном и агрессивном к себе отношении, и конечно, радости это не прибавило.

Стив поставил барда на ноги и поспешно убрал руки, ожидая взрыва возмущения, но Иефа даже не посмотрела на него. Она остервенело отряхивалась и выпутывала из волос мелкие корешки, и вообще была похожа на сердитую кошку. "Женщины!" – горько подумал Стив и отправился к саркофагу, возле которого что-то оживленно обсуждали Зулин и Ааронн. Иефа гневно посмотрела ему вслед и вернулась к заботам о своей внешности.

– А я говорю – нужно вставить! – настаивал маг. – Ты сам сказал, и доказал, и очень убедительно доказал, что камень отсюда, здесь его место, и, наверное, его не просто так сюда всунули когда-то!

– Вполне возможно, – возражал эльф, – но очень вероятно также, что и вынули его отсюда не просто так.

– Это сделали гибберлинги! Младенцу ясно, что это их грязных лап дело!

– Зулин, у гибберлингов мы нашли только один камень. Где остальные?

– Мы просто плохо искали!

– Вполне возможно, – повторил Ааронн. – Но очень вероятно также, что остальные два похитили не шерстяные сороки, а кто-нибудь другой, похуже. И намерения у этого кого-нибудь были совсем не благие.

– Да, но вы же переводили эту проклятую надпись, вы с Иефой в два голоса твердили, что здесь похоронен кто-то, кто должен сторожить это чмо, которое скрывается под озером, этого долбанного пленника воды, как вы выразились. Камень наверняка необходим для охраны, наверняка без камня охранять куда труднее!

– Вполне возможно, – сказал Ааронн, и Зулин со стоном всплеснул руками. – Но очень вероятно также, что нужное действие оказывают три камня, а у нас только один. Кто знает, как он работает? Мы сделаем только хуже, и все потому, что имеем гнусную привычку сначала действовать, а потом думать.

– Но ты ведь не знаешь наверняка!

– Прости, Зулин, но ты тоже не знаешь наверняка.

– У нас есть только один способ узнать, – встрял Стив. – Нужно вставить этот чертов камень и посмотреть, что будет.

– Я против, – покачал головой эльф. – Я категорически против.

– Может, проголосуем? – предложил Зулин. – Хотя, нет, бессмысленно. Иефа, с ее склонностью к истерикам и с ее постоянными страхами тоже будет против, и получится два на два.

– У меня еще конструкт есть, он точно за! – оживился дварф. – Эй, ты, подними руку! Молодец. Видали? Трое против двоих – все честно. Давай, Зулин, не бойсь...

– Нет! – Ааронн протестующе поднял руку. – Мы даже не подготовили себе путь к отступлению! Зулин, ты не знаешь, какова будет реакция! Мы...

– Да что ж ты такой разговорчивый-то сегодня, а? – пропыхтел Стив, сгребая эльфа в охапку. – Зулин, давай!

Планар оглянулся на барахтающегося в мощных дварфских объятиях проводника, выдохнул и осторожно вложил камень в углубление.

Иефа не успела понять, что происходит. Еще минуту назад, занавесившись от всех пшеничной шевелюрой и твердо решив не прислушиваться к спору сопартийцев, она выпутывала из волос сухие корешки и размышляла о том, что хватит с нее нападков и претензий, хватит с нее попыток разобраться в характере Стива, хватит с нее бесполезных обсуждений ситуации и вообще – с нее хватит! Она как раз додумывала эту бунтарскую мысль, когда плиты под ее ногами дрогнули, а со стороны саркофага донесся пронзительный вой, переходящий в ультразвук. Иефа откинула назад волосы, услышала иступленный крик Ааронна "Ложись!", подняла глаза и, прежде чем рухнуть плашмя на плиты, успела поразиться ненависти, полыхавшей в глазах высокой черноволосой призрачной эльфки, которая возникла из пустоты и зависла в воздухе над саркофагом. Над головой Иефы пронесся огневик, врезался в стену и взорвался. Во все стороны полетела горячая каменная крошка, запахло паленым. Полуэльфка задохнулась от боли и запаха, поняла, что горят волосы, закричала и покатила по плитам, пытаясь сбить пламя.

Стив неистово матерился, прижавшись к холодному боку саркофага. Взбесившийся призрак эльфки выл и швырялся огневиками в барда, Иефа падала и уворачивалась, но Стив понимал, что долго она не продержится. Огневики летели один за другим, одежда полуэльфки дымилась, ее лоб и правая скула были рассечены осколками и сильно кровоточили, и, глядя, как все более медленными и неуверенными становятся ее движения, дварф понял, что кровь заливает глаза. Полуэльфка металась по залу всего в десятке шагов от пролома в стене, но то ли не видела его, то ли ничего не соображала со страху – во всяком случае, она даже не пыталась как-то приблизиться к спасительной дыре. "В нору! В нору! Прячься, твою мать!", – оглушительно орал Стив, но вой призрака перекрывал любые звуки.

Все попытки выбраться из-за саркофага заканчивались стеной огня, вырывающегося из рук призрака. У Стива уже дымилась борода, он начисто лишился бровей и, кажется, окончательно сорвал голос, когда почувствовал, как Ааронн трясет его за плечо. Проводник прокричал что-то прямо в ухо дварфу, но из его слов Стив разобрал только одно – "конструкт". Убедившись, что дварф его не понимает, Ааронн указал на железного рыцаря, потом сделал вид, будто хватается кого-то в охапку, а потом очертил в воздухе круг. Стив с досадой стукнул себя по лбу и начал выкрикивать команды, изо всех сил надеясь, что конструкт обладает более тонким слухом, чем бард, и уж точно не способен теряться и впадать в панику.

Иефа поняла, что это уже все. Это уже насовсем, и никаких игр, и даже поплакать над собой не получится, потому что следующий огневик сожжет глаза, и сердце остановится от боли, и будет хорошо, если все получится именно так, если не придется кататься по полу воющим факелом, утратив разум. Глаза слипались от залившей их крови, и приближение огневика Иефа ощущала скорее инстинктивно, по накатывающей волне жара, но долго ли еще так? Три, может быть, пять минут, а потом – факел?

У полуэльфки кружилась голова, в ушах звенело, вой призрака смешивался с хриплыми криками Стива, но что он кричит, Иефа понять не могла, да и не пыталась. Ноги подкашивались, и стоило большого труда подняться, чтобы бежать – куда? – Иефа закашлялась, ловя ртом горячий сухой воздух, почувствовала приближение огневика и шарахнулась в сторону. Раздался взрыв, каменный осколок впился в щеку, Иефа пошатнулась, начала падать, подумала, что от следующего уже не увернется, и приготовилась умирать, но просчиталась. Мимо ослепшей и оглохшей полуэльфки вихрем пронесся конструкт, стуча железными пятками по плитам, сгреб ее, как сноп сена, и, не сбавляя темпа, зигзагами помчался к пролому в стене.

Призрачная эльфка взвыла с удвоенной яростью и послала в след конструкту огненную стену. Стив зарычал, в отчаянии схватил себя за бороду и зажмурился, молясь Мораддину, чтобы "механизм" успел. Прошло томительных три секунды, и Зулин с Ааронном взорвались торжествующим ревом, от которого Стив оглох окончательно. Он осторожно

выглянул из-за саркофага, и сам не удержался от восторженного вопля, увидев, как в проломе мелькнули и скрылись ноги полуэльфки.

Призрак крутанулся вокруг своей оси и перешел на ультразвук, швыряя в прыткого конструкта огневики с перерывом в полсекунды. Железный рыцарь описывал круги вокруг саркофага, скрипя и дребезжа так, что ясно было: это последняя гонка в его долгой механической жизни. Стив переглянулся с эльфом и магом, кивнул, дождался, когда конструкт уведет огонь в сторону, и побежал к пролому так быстро, как никогда еще не бегал. На полпути его обогнал эльф, а еще через несколько шагов маг, и к дыре Стив прибыл последним. Уже перебравшись через каменную кладку, он на долю секунды замешкался и увидел, как очередной огневик отшвыривает конструкта к стене. Железный рыцарь впечатался в камень и рухнул, так и оставшись лежать дымящейся грудой металла. Стив горько вздохнул и быстро полез к поверхности.

* * *

– Святая задница, я на ящерицу похожа! – простонала Иефа, изучив свое отражение в треснувшем походном зеркальце. Стив с жалостью глянул на барда и вздохнул. Лицо полуэльфки было покрыто коркой запекшейся крови, а от длинных пшеничных волос остался скрученный жесткий "ежик". Иефа тронула обгоревший затылок, коснулась макушки, висков, растерянно посмотрела на подушечки пальцев, как будто не верила собственным ощущениям, села на траву и расплакалась. Слезы потекли по щекам, оставляя узенькие светло-красные дорожки; оттопырились и стали вдруг как-то очень заметны острые уши, неожиданно тонкой и беззащитной оказалась шея. Стив шмыгнул носом, мысленно обругал себя размазней и нюней, но это не помогло.

– Иефочка, ну, ты того... Не расстраивайся так... – неуверенно попытался утешить полуэльфку Зулин. – Подумаешь, волосы... У Стива вон полбороды сгорело – он же не плачет... Отрастут когда-нибудь.

– Стив! Стив – воин! – отчаянно крикнула Иефа, размазывая по подбородку страшную смесь из слез, пыли, копоты и крови. – Ему плевать, целая у него борода или нет! Его не за бороду уважают! Стив – воин, ты – маг, Ааронн – друид, следопыт, проводник и черт его знает еще кто! Вы все – кто-то! А я? У меня только и было, что лютня, смазливая мордашка и толстая коса! А теперь у меня ничего нет – ни лютни, ни внешности!

– Иефа, возьми себя в руки, – строго сказал эльф, принявшись за ее порезы. – Это глупо, реветь из-за прически. Ты выжила – скажи спасибо.

– Ты не понимаешь... – жалобно прошептала полуэльфка. – Вы все не понимаете... Да и не поймете – я слов таких не знаю, чтобы объяснить... Это была... броня! Доспех... В большинстве случаев, когда мне оказывали уважение, помогали мне, защищали меня... Не из-за моих песен! А потому что я умею посылать в зал такие улыбки, от которых у мужиков ноги подкашиваются... Это противно. Но это данность, я пряталась за этими чертовыми улыбками, как за забором, а теперь...

– А теперь хватит распускать сопли! – процедил Ааронн. – Теперь ты наконец-то перестанешь носиться со своей мнимой неотразимостью и займешься делом! Теперь в сложной ситуации ты будешь думать о том, как ее решить, а не выбирать наиболее изящную позу для обморока! Теперь, к всеобщей радости, ты забудешь, что такое истерики, потому что если капризной красавице их еще можно простить, то лысой уродине со шрамами – вряд ли! И, наконец, теперь, если не хочешь быть похожа на дрожжевое тесто, ты перестанешь крутиться и дашь мне спокойно промыть твои смешные царапины, чтобы они не загноились. Я достаточно ясно выразился?

Зулин и Стив, у которых от изумления челюсти болтались в районе солнечного сплетения, дружно перевели взгляд на Иефу и дружно со стуком захлопнули рты. Она в упор смотрела на эльфа, и глаза у нее были абсолютно сухие и белые от ярости. Стив нащупал

рукоять топора, Зулин пошарил вокруг рукой в поисках арбалета. Эльф невозмутимо обрабатывал порезы.

– Я тебя ненавижу, – очень тихо сказала Иефа.

– Это твое право, – ответил Ааронн.

– Вы все одинаковые, – сказала Иефа.

– Так и есть, – согласился Ааронн.

– Ты будешь драться со мной, когда закончится поход, – сказала Иефа. – И я тебя убью.

– Посмотрим, – кивнул Ааронн.

– Други мои! – опомнился маг. – Да что ж это такое!

– Не переживай, Зулин, – хором ответили бард и проводник. – Все в полном порядке.

Стив выдохнул и отпустил рукоять топора. Следующие пять минут прошли в гробовом молчании. Зулин вызвал Зверя и занялся телепатическим общением, Стив провел тщательный осмотр оставшегося имущества. Оба они избегали смотреть на полуэльфку, каждую минуту ожидая взрыва. Но Иефа молчала. Она угрюмо смотрела в землю, пока Ааронн обрабатывал ее порезы, потом все так же молча распотрошила свой обгоревший рюкзак, выудила из него старенький шелковый платок, который носила еще в Бристоле (Стив ностальгически вздохнул), и покрыла им голову, связав концы на затылке, как делали крестьянки из окрестностей Бристоля. Потом она зашвырнула треснувшее походное зеркальце подальше в кусты, села на землю рядом со своими пожитками и застыла, обняв руками колени. Стив вздохнул и подошел к эльфу.

– Слышь, Ааронн, – шепотом спросил он, украдкой поглядывая на барда, – а правда, что ли, шрамы останутся?

– С чего ты взял? – искренне удивился проводник. – Нет, конечно. Во-первых, я хорошо обработал порезы, а во-вторых, там нет никаких серьезных повреждений. Через неделю будет, как новенькая.

– А чего ты тогда с ней... так? – насупился Стив. – Довел девку до кондрашки. Слыханное ли дело, уже пятнадцать минут сидит молча!

– Зато ныть перестала. Хорошая порция здоровой злости для Иефы – лучшее лекарство. Ты заметил, что лучше всего она колдует, дерется и думает, если ее как следует разозлить?

– Она же тебя теперь ненавидеть будет!

– На здоровье, – усмехнулся эльф. – Честно говоря, меня это мало волнует. И потом, пусть уж лучше она ненавидит меня, чем себя.

– О как... – озадаченно пробормотал Стив и отошел.

Ну, конечно, полукровка, да еще и бродяга, да еще и бард, да еще и со скверным характером – это само по себе гнусно. Ну да ладно, пока у полукровки славная мордашка, мы, наша светлость, потерпим ее истерики, переждем ее капризы, закроем глаза на ее происхождение... Мы, черт возьми, за ручку ее будем брать, поглядим на нее пару раз ласково – авось, дурочка растечется в лужицу, ушки свои остренькие развесит. Все как-то веселее. Лапки-то у нее мягкие, волосики светлые, щечки розовые... Приятно... А теперь – чего? Теперь ни щечек, ни волосиков, лапки в мозолях, как у кузнеца... Только и осталось, что скверный характер. Нет, это нашей светлости неинтересно. Так что катись-ка ты, Иефочка, навозным шариком с высокой горки. А чтобы у тебя, дурочка, иллюзий лишних не осталось, мы, наша светлость, тебя по мордам, по мордам... Побольнее.

Хорошо, хорошо. Я запомню, ваша светлость. И лысую уродину со шрамами запомню, и позу для обморока... Я отвечать не буду, нет, и возражать не буду, и доказывать. Я думала, у меня наконец-то друг появился. Хотя бы друг. Расслабилась, дура, думала, выслушают, пожалеют, по головушке обгоревшей погладят... Мало меня учили. Мало. Надо было больше. Ничего, ничего. Я способная.

Ты думал, я совсем идиотка, ничего не понимаю? Истеричка примитивная, да? Ты для кого спектакли устраивал, эльфийский принц, психолог хренов? Ты думал, меня вздрючить надо, чтобы я разозлилась и пришла в себя? Ты ошибся, дорогуша. Ты очень ошибся, болван

*заносчивый. Мне ведь так мало нужно было... Так мало.
А вот унизил ты меня зря.
Ох, зря.*

Зулин посмотрел на неподвижную Иефу, поерзал, потрепал Зверя за ухом... Нужно было что-то решать. Демон Баатора, опять нужно было что-то решать! Планар похрустел пальцами, вздохнул и поднялся на ноги.

– Други мои!

– Начинается... – пробурчал Стив.

– Стив, воздержись от иронии. Нужно решать, что делать дальше. Можно, конечно, бросить все это и отправиться по своим делам, но мне кажется, мы уже слишком глубоко закопались, чтобы вот так просто развернуться и уйти. Я считаю, нужно разведать, что происходит в остальных двух башнях, а дальше уже действовать по обстоятельствам. Что скажете?

– Гениально, – усмехнулся эльф.

– Возражения есть? – Зулин повернулся к Иефе.

– Нет, – коротко ответила полуэльфка, и планар чуть не свалился в обморок.

– Ты уверена?

– Да.

– Так что, двинули?

Иефа кивнула и поднялась на ноги. Маг растерянно посмотрел на Стива и Ааронна, пожал плечами и немного потоптался на месте, словно никак не мог выбрать направление.

– Может, все-таки обсудим ситуацию? – жалобно спросил Зулин, так и не тронувшись с места.

– А чего ее обсуждать-то, – удивился Стив. – И так все понятно. Мертвяки хотят откопать что-то из-под озера, и они его откопают, если мы не вмешаемся. Что не выберется, если все три стража будут дело делать, а не фигней маяться. Стражи будут дело делать, ежели у них будут на месте камни. Значит, нужно проверить, на месте ли камни в тех двух башнях, если не на месте, повставлять их куда положено, откопать где-то два камня для этой горластой эльфской дуры, упокоить мертвяков и пристукнуть их хозяина. Делов-то!

– Действительно, все предельно ясно, – сник Зулин, а потом с робкой надеждой посмотрел на Иефу. – Так что, возражений ни у кого нет? А, Иефа?

– Нет, – ответила Иефа и поправила лямки рюкзака.

* * *

Средняя башня оказалась намного целее, чем можно было ожидать. Привычная уже надпись на трех языках прерывалась только в одном месте, где кирпичи из стены выворотили здоровенный дуб. Ааронн осторожно перебрался через узловатые корни, отвел в сторону плети вездесущего плюща и заглянул внутрь башни.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Зулин, когда эльф вынырнул из пролома в стене.

– Ничего хорошего, – спокойно ответил Ааронн. – Мы в нее не войдем.

– Почему? – насутился Стив.

– Потому что кто-то уже вошел в эту башню до нас, – объяснил эльф. – И дело не в твоих знаменитых ловушках, Стив, прости, конечно. Кто-то его уже разбудил.

– Кого?

– Стража. Он там внутри, как раз над люком, и я не думаю, что он так просто возьмет и пропустит нас к своему саркофагу.

– Погоди, погоди, – помотал головой Стив. – То есть, ты хочешь сказать, что внутри башни телемается человеческий призрак, и поэтому мы развернемся и учешем отсюда, куда глаза глядят?

– Можно и так, хотя я предпочел бы другой вариант.

– Друг мой, Ааронн, а с чего ты взял, что он агрессивен? – Зулин потер лоб и нахмурился. – Ну, с той эльфкой вопросов не возникало – огневики по доброте душевной никто не швыряет. Но ведь этот призрак ничего такого не делает... Кстати, он тебя заметил?

– Конечно, заметил.

– Ну вот, а ты цел и невредим. Может, получится вступить с ним в контакт? Ну, например, если с ним поговорит представитель его расы... – Зулин посмотрел на полуэльфку. Иефа отвернулась. – Мне кажется, человека он послушает скорее, чем эльфа, дварфа или планара. А, Иефа?

– Зулин, среди нас нет представителей человеческой расы, – полуэльфка мрачно глянула на мага и усмехнулась. – Не надо на меня смотреть – я не гожусь для дипломатических переговоров с человеческим призраком, потому что я не человек.

– Но ведь...

– И никаких "но ведь". Эльфы видят во мне человеческого выродка, а люди – эльфское отродье, и так было всегда, и вчера, и сто лет назад, и триста, и пятьсот. Так что забудь.

– Попробовать-то можно, – возразил маг, которому очень не хотелось снова уворачиваться от огневиков.

– Конечно, можно. Ведь пробовать будешь не ты.

– погоди, погоди, – опомнился Стив, – Зулин, ты что, собираешься козявку нашу прямиком к этому... – Стив неприлично выругался – в лапы отправить? Ты умом тронулся?

– Почему сразу тронулся?! Ты привык всегда все решать при помощи кулаков, вот и ждешь от окружающих того же! Вполне возможно, что этот страж достаточно миролюбив, вполне возможно, что он даже нам поможет – объяснит, где искать камни для эльфки, например... Нужно просто попытаться, не получится – тогда будем искать другой выход. Я же не прошу Иефу ораторствовать перед толпой зомби, я всего лишь...

– А где Иефа? – тихо спросил Ааронн.

Зулин нервно дернулся и завертел головой, оглядываясь по сторонам. Полуэльфка исчезла, словно провалилась в одну из дварфских ловушек. Стив тихонько зарычал и указал на пролом в стене. Ветви плюща у входа слегка покачивались.

– Доигрался! – процедил Ааронн и бросился к башне.

– Интересно, он о себе или обо мне? – пробормотал планар.

Иди сюда, девочка, иди... Я устал, очень устал, я жду. Он голоден, слишком много мертвых, а он голоден давно, давно, давно... Голоден и безумен, а я устал, очень устал...Иди, иди, иди, девочка, не останавливайся, он будет доволен, он уснет, а я отдохну...Слишком много мертвых, слишком много, зачем его разбудили, теперь так трудно, кто-то отнял у меня силы давно, давно, давно, он безумен, а может быть я, может быть, я не отдам тебя ему, может быть, я оставлю тебя себе, и мне будет тепло, тепло, тепло... Я тебе помогу, девочка, ты ведь хотела, на водоросли спать, ты ведь хотела когда-то...

Я не хочу. Я хочу жить. Ты меня не получишь.

Но ведь ты идешь ко мне, девочка, ты ведь идешь...

Я иду, потому что так надо. Потому что ты делаешь что-то не то, ты попал в беду, тебя кто-то свел с ума, чтобы выпустить из-под озера этот голод. Кто-то вертит тобой, как старой марионеткой, а ты слушаешься. Я хочу тебе помочь. Ты страж, ты должен вспомнить, в чем твое предназначение, иначе всему конец.

Что ты знаешь о моем предназначении, детеныш! Я устал, я устал, устал! Нет, я не отдам тебя ему, я выпью тебя сам! Иди сюда, эльфийское отродье! Мне нужны силы. Они мешают мне, тупой коротышка и она, остроухая шлюха. Она не поймала тебя, эта глупая ведьма, она всегда была слишком слабой, настолько же слабой, насколько заносчивой, и она не получила тебя, а я получу! Я чувствую, как она бьется там, цепляясь за свои цепи, конечно, ей не по плечу такая свобода, а я голоден, голоден!

Не надо. Чем больше ты гордишься своей свободой, тем короче твой поводок. Тебя поймали, страж. Вырвись, ты еще можешь.

Иди сюда, девочка. Вот так. Глупенький живой комочек. Вкусный, вкусный, вкусный... Теплый...

– Иефаааааа!

Стив подпрыгнул, ухватил полуэльфку за лодыжки и рванул в сторону, рыча от натуги. Тело барда качнулось в воздухе, мелко задрожали полупрозрачные, похожие на паутину, нити, связывавшие полуэльфку с призрачным человеком в латах. Голова девушки безвольно перекатилась с плеча на плечо и запрокинулась назад, открыв незащищенное горло.

– Сделайте что-нибудь! – прохрипел Стив, борясь с невидимой силой, рвущей тело девушки у него из рук. – Нитки обрубите! Зулин!

– Сейчас, сейчас...

– Нет! – закричал Ааронн. – Он пытается вытянуть из нее жизнь! Тащите! Тащите изо всех сил! Зулин, не смей! Если ты тронешь эти нити, она умрет! Тащите!

Она и так умрет, глупый коротышка, – прозвучал в голове Стива голос, от которого по спине холодной волной побежал озноб. *– Она уже почти мертва, недомерок, она такая теплая, вкуууусная... Она еще трепыхается, но уже недолго осталось. Она сама захочет, еще чуть-чуть, и она сама захочет, и я ее вытью...*

– Да пошел ты, засранец!!! – яростно взревел Стив, мощным пинком вышвырнул из своей головы голос и с удвоенной силой потянул Иефу вниз. Призрачная паутина завибрировала, по нитям пробежали, потрескивая, голубые искры. Призрак заволновался, потянулся к Стиву, пытаясь ухватить его за горло, и тут одна из нитей, тянувшаяся из левой ладони полуэльфки, лопнула. Иефа дернулась, взмахнула рукой и, не открывая глаз, начала слепо шарить в воздухе, словно искала опору. Ааронн перехватил покрепче колени полуэльфки одной рукой, а вторую вложил в раскрытую ладонь барда. Пальцы Иефы судорожно сжались, с такой силой, что побелели костяшки, эльфа перекосило от боли, а Стив почувствовал, что тащить стало легче.

– Она помогает! Помогает! – завопил дварф и дернул так, что у Иефы лопнула пряжка на ботинке. – Давай, Иефочка, покажи этому уроду! Ииии – раз! Иииии – раз!

Лопнула еще одна нить, призрак взвыл, и тут Иефа забилась и закричала, громко и страшно.

– Еще немного! – крикнул Ааронн. – Сразу на выход! И готовьтесь держать!

Призрачная паутина затрещала, вспыхнула и исчезла, Иефа рухнула на сопатийцев, все еще крича и вырываясь из рук. Стив с Ааронном потащили полуэльфку к пролому. Призрак издал вой, которому, пожалуй, позавидовала бы даже черноволосая эльфка, и потянулся за Иефой.

– Ты мне надоед! – гаркнул Зулин, швырнул в стража небольшой огневик (не причинив ему никакого вреда, но зато немало его удивив) и поспешно ретировался через пролом вслед за своими товарищами.

– Не хочу, не хочу, не хочуууу! – истошно орала Иефа, извиваясь в руках Стива и Ааронна.

– Воды, – приказал эльф. Зулин протянул проводнику флягу и отрешенно подумал о том, что либо зомби глухие, либо нисколько не любознательны. Лично он, Зулин, услышав такие вопли, обязательно пришел бы посмотреть, что происходит.

Иефа, будучи основательно полита водой, немного успокоилась и притихла, а еще через минуту открыла глаза. Взгляд у нее был, мягко сказать, ошалевший.

– Не хочу, – очень четко повторила полуэльфка и затряслась.

– Чего не хочешь-то? – проворчал Стив. Иефа перевела на него взгляд и вдруг резко села, схватившись за голову.

– Что, кружится? – спросил Ааронн. – Ты ударилась? Тошнит?

– Нет, – Иефа нащупала на голове платок и облегченно вздохнула. – Нет, все в порядке. В полном. Вроде бы.

– Так чего не хочешь-то? – повторил Стив, сам удивляясь своей настойчивости.

– На водоросли спать, – ответила полуэльфка и покраснела. – Умирать не хочу. Он оттуда не вылезет? – она повернулась к башне и поежилась. – Очень не хочется опять...

– Он-то оттуда не вылезет, – сварливо сказал Зулин, – а вот за каким демоном ты туда полезла...

– После всего... – растерянно пробормотала Иефа. – Ты же сам меня туда отправил! На переговоры. Я их провела... почти. Он очень злой и голодный, и помогать он нам не будет, потому что он совсем свихнулся. А этот, под озером, его кто-то разбудил, и он тоже свихнулся, но гораздо раньше. В общем, – полуэльфка заметно оживилась, – в общем, я не зря там болталась. Информация есть – неутешительная, правда, но есть. Значит, так: чокнутая эльфка еще не безнадежна, этот гад сказал, что она еще сопротивляется, но ей уже недолго осталось, так что нужно срочно где-то изыскивать камни. Зато в dwarфской башне, вокруг которой толкутся зомби, засел очень бодрый и очень упрямый dwarфский страж, который ужасно мешает процессу освобождения чма из-под озера. Следовательно, если кто и будет нам помогать, так это он. Но тут уж увольте – пусть с ним Стив разбирается, а с меня хватит.

– Нет, вы посмотрите на нее! – Зулин вскочил и в сердцах пнул свой рюкзак. – Сначала она лезет в одиночку к психованному привидению, а потом с невинным видом заявляет, что мы должны отправиться к другому психованному привидению, которое откапывают около сотни мертвяков! Как ты себе это представляешь, Иефа? "Простите, нам нужно поговорить с вашим призраком, пропустите нас, пожалуйста!"?!

– Я не понимаю, почему ты на меня кричишь, – надулась полуэльфка. – Причем кричишь, вместо того чтобы сказать "спасибо" и восхититься моим героизмом.

– Мы уже достаточно восхитились твоим героизмом, пока играли в перетягивание каната с этим психом!

– Да правда, чего орешь-то, – вмешался Стив. – Козьявка дело говорит. Нужно придумать, как залезть в ту башню, пока не поздно

– Никак в нее не залезть! Никак! – взвился Зулин. – Там больше сотни оживших трупов! Их нельзя купить, их нельзя напугать, их даже убить, как следует, нельзя!

– Их можно отвлечь, – подал голос Ааронн.

– Что? – опешил планар.

– Отвлечь, – невозмутимо повторил эльф. – Одно из "достоинств" ожившего трупа заключается в том, что все его реакции заторможены, то есть, от зомби довольно просто убежать, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Не понимаю! – рявкнул Зулин и с размаху плюхнулся на землю.

– План примитивнейший: один из нас привлекает к себе внимание зомби и уводит их подальше от башни (если, конечно, мертвецы за ним погонятся), да, уводит их подальше от башни, потом уходит из их поля зрения и окружным путем возвращается к башне, где мы в это время изыскиваем возможность попасть внутрь. Пока зомби добредут обратно, мы сто раз успеем пообщаться с призраком и придумать, что делать дальше. Единственный недостаток этого плана в том, что одному из нас придется здорово побегать.

– Интересно, кому? – пробормотала Иефа.

* * *

Бежать по восточному берегу озера... по восточному берегу... бежать по восточному берегу... Не уходить в сторону от вырубки... не уходить... в сторону от вырубки... не бежать слишком быстро... не бежать слишком быстро! Попробовали бы вы сами не

бежать слишком быстро, когда за вами прется такая толпа... Не бежать... ох, черт возьми, держаться так, чтобы меня видели... нонсенс... Они же мертвые! Что они вообще могут видеть! Держаться в поле зрения... в поле зрения... Больше никогда, никогда! Боги, клянусь, больше никаких походов! Вернусь в Бристоль, отращу волосы... обратно... накоплю денег... побольше...ах, будь они неладны, эти пеньки...да... денег побольше... открою бордель...а, черт, моя нога! Вырубка... вырубка... держаться вырубки... интересно... уже хватит, или нужно дальше? Стоп, где они? Отстали... черт, рано... Черт, черт, черт! Опять возвращаться... Черт возьми, ну за что мне все это?!

– Стив, смотри, смотри, вон еще двое! – Зулин спрятался за валун и отер пот со лба. – Что будем делать?

– Что делать, что делать... Рубить, вот что делать! – Стив с отвращением посмотрел на топор и в десятый раз вытер лезвие о траву. – Я же говорил, что они все не уйдут.

– Ну, десять зомби – не сто, – заметил Ааронн. – Мы теряем время. Иефа, конечно, девочка выносливая, но я боюсь, как бы у нее не сдали нервы.

– Не хрен было девчонку на такое дело посылать, – Стив сердито сплюнул. – Заладили – "легкая, быстрая"! Стыдобища!

– Время, – напомнил эльф.

– Да иду уже! Эх, тошно хороший топор марать...

Да, Иефа, это новый виток твоей карьеры... Кем ты только не была – но приманка для зомби – это надо было умудриться! Ффффуу... Отдышаться... Идут, идут, проклятые! Боги мои, да какой же урод эту пакость из земли поднял! Мамочки... сейчас стошнит. Точно, сейчас стошнит. Боги, сделайте так, чтобы я не брякнулась в обморок у ближайшего пня... Так... еще на пяток шагов... терпи... терпи...терпи! Пять... какое счастье, что они такие тупые... четыре...были бы поумнее, давно бы обошли с флангов...три...терпи, терпи... два... один...и...

– Посмотрите, други мои, они здесь копаются уже не первый день. Интересно, почему эта башня так сильно обвалилась?

– Кто знает, может, это страж так сопротивляется. Он же дварф, камень ему ближе всего. Стив, ну хватит уже! В твой топор скоро, как в зеркало, можно будет смотреться!

– Не могу, мне все чудится, что к лезвию эта трупная дрянь прилипла. Зулин, как там наш бард?

– Зверь говорит, что она довела их только до середины вырубки. Два раза теряла, но оба раза возвращалась.

– Молодец, девка!

Бежааааать! Да когда же кончится эта вырубка?! А если мне тут встретится очередной совомедведь? Или тот, который... Черт! Я совсем забыла! А друид, разумеется, ничего никому... Ну да, у нас же такой стиль работы... Догадайтесь, мол, сами...Так... Спокойно... спокойно... сбавим темп...я сказала, сбавим! Боги, боги... Ну почему я не дварф квадратной комплекции с топором наперевес?!

– Зул, Ааронн, идите сюда, здесь вход. Они здорово потрудились.

– Да, надо отдать им должное, они ощутимо облегчили нам задачу.

– Не стоит благодарности.

– Ааронн, друг мой, не умничай.

– Я ничего не говорил.

– Стив?

– Я тоже.

– Вы что, намекаете, что мне уже голоса слышатся?

– Все может быть, Зулин, все может быть. Я бы посоветовал тебе сосредоточиться и следовать за Стивом.

– А ловушки?

– Не бойсь, Зул, тут было достаточно бесплатного мяса. Сколько ловушек, столько зомбухов. Смотри, этот шевелится. Хрясь!

– Фу, Стиван Утгард, как ты груб.

– А то! Здесь люк. Помогите поднять крышку.

Бордель, бордель и еще раз бордель! Повешу вывеску зеленого цвета с пошлой золоченой надписью: "Бордель "У Ааронна" – самые изысканные шлюхи Бристоля!" Стану бордель-маман, растолстею, отращу второй подбородок, и тогда никому на свете больше не придет в голову посылать меня на такие нервные, а главное, на такие подвижные задания! Усыновлю какого-нибудь шалопая лет двадцати пяти, и буду жить припеваючи! Я сказала, жить припеваючи, а не коленками дрожать! Терпи... терпи, Иефочка, терпи, когда-нибудь это кончится...

– Осторожно, здесь такая же лестница, как в первой башне.

– Стив, мы догадались.

– Тогда почему мы опять без света, если ты такой догадливый, а, Зулин?

– Я маг и руководитель партии, а не фонарщик!

– Скажи лучше, как там козьявка.

– Нежности какие. Чувствую, скоро ты будешь называть ее "пупсик" или что-то вроде того. Ну, все, не пыхти, я шучу! Сейчас... Зверь говорит, что она довела их до конца вырубки. Она разговаривает сама с собой и... что? Демон Баатора! Она собирается открыть бордель и назвать его... Ха! Ааронн, боюсь, что тебе это не понравится!

– Передай Зверю, пусть возвращаются.

– Ты думаешь? Может, пусть уведет их подальше?

– Нет, Зул. Ааронн прав. Мы пришли. Здравствуй, родич.

Все, больше не могу. Ну, где же он? Ну, где? Я бард, в конце концов, а не скаковая кобыла! Сколько можно? Я сейчас умом тронусь от этого хрипения за спиной... Не смотреть... не смотреть! Мама! Ой, Зверь... Зверик, миленький, хороший мой... Что – все? Да? Правда? Боги, спасибо! Все! Иефа, поднажмиииии!

Страж башни стоял неподвижно перед входом в зал с саркофагом, опираясь на огромный боевой топор, и задумчиво глядел на партию. Сквозь него смутно просматривались серые стены и резные створки дверей. Стив шагнул вперед и низко поклонился.

– Прости, родич, что потревожили. Там, наверху, неладные дела творятся, и нам нужна твоя помощь. Сами не справимся.

"Я знаю", – прозвучал в голове Стива низкий густой бас, и хотя призрачный дварф даже не шелохнулся, ясно было, что голос принадлежит ему.

– Может, он тебя не слышит? – прошептал Зулин.

– Чшшшш, не мешай, он отвечает, – шикнул Стив и снова повернулся к стражу.

– Я не слышал ни слова, – шепотом возмутился планар. – Я вообще не...

– Молчи, – одернул его Ааронн.

– Что нам делать? – обратился Стив к призраку. – Из-под озера что-то рвется...

"Эртайус, – дварф гневно сдвинул брови. – Немертвый. Человек сломался. Эльфка тоже. Трудно сдерживать".

– Мы были в эльфской башне, – кивнул Стив. – Барышня слегка не в себе, швыряется огневиками и орет. Мы думали, может, если найти хотя бы один камень...

"Один клубок силы ей не поможет, – страж покачал головой. – Нужно три или два,

тогда она вспомнит".

– Один у нее уже есть! – обрадовался Стив. – Мы вставили сдуру, так она нас чуть на тот свет не отправила!

"Я поделюсь силой. Нужен ключ. Три луны должны родиться и умереть в центральной башне с поворотом ключа. Тогда двери будут опечатаны. Возьмите камень, помогите ей вспомнить". Призрак повернулся и поплыл в зал, небрежно и легко пройдя сквозь двери.

– Ну, что, что? – нетерпеливо зашипел Зулин, как только страж башни исчез.

– Странно все... – Стив почесал в затылке и хмыкнул. – Понятно только, что он нам даст один из своих камней, который нам нужно будет вставить в саркофаг эльфки, и тогда она придет в себя.

– А потом что?

– А вот потом странно. Он сказал, что нужен ключ, с поворотом которого должны родиться и умереть три луны. Вот только что за ключ, куда его вставлять?... Мораддин его знает. И еще Эр... Эртайус какой-то. Немертвый.

– С этим разберемся потом, – Зулин решительно направился к дверям. – Для начала возьмем камень.

– Тоже правильно, – согласился Стив. – А кстати, как там козявка?

– О боги! – простонал Зулин, толкнул створки и скрылся в темноте. Стив вздохнул и последовал за ним, так и не заметив насмешливой улыбки на лице Ааронна.

Иефа неслась по лесу, прочь от вырубки и толпы мертвецов, которые остались топтаться на месте бессмысленным хрипящим стадом, когда она неожиданно и резко нырнула в ближайшие кусты и исчезла из виду. Ветки хлестали Иефу по щекам, норовя выцарапать глаза, а она все неслась и неслась, будто за ней черти гнались, и никак не могла остановиться. Иногда среди деревьев мелькала черная шубка Зверя, и тогда становилось как будто легче. Добравшись до башни, Иефа на всякий случай обогнула ее с севера и вышла из леса у западной стены, совершенно запыхавшись. Ее встретили тишина и запустение. Сиротливо валялись на примятой жухлой траве деревянные тачки, сломанные подпорки и останки лестниц вперемешку с ржавыми лопатами и кирками.

– Интересно, – пробормотала Иефа, – инструменты они тоже из могил повиытаскивали?

Прошуршав листьями, возник Зверь, встряхнулся и настороженно поводит ушами, оглядываясь. Иефа прислушалась, но ничего, кроме шелеста деревьев, не услышала.

– Гиблое место, – сказала она Зверю, почесав его за ухом. – Где там твой хозяин, а? Еще внутри?

Зверь фыркнул, недовольно глянул на башню и несколько раз хлестнул себя хвостом по бокам.

– Ты не волнуйся, он скоро появится, – попыталась успокоить фамильяра Иефа. – По крайней мере, я на это надеюсь. Тебе тоже тревожно? Такое ощущение, будто кто-то смотрит в спину, да?

Зверь издал низкое утробное урчание и вздыбил шерсть на загривке. Иефа застыла, так и не убрав руку с кошачьей холки, а потом медленно-медленно повернулась вправо, туда, откуда ей слышался... хотя, нет, даже не слышался, скорее, *почувствовался* коротенький язвительный смешок. Чахлые кустики вездесущей черемухи, тонкая сухая липа и серый, нагретый на солнце валун. Там негде было спрятаться, даже если очень постараться, и логичнее было бы искать источник призрачного смеха в густом подлеске за спиной, но... Черт, черт, черт! Иефа *знала*, что он где-то там, вопреки здравому смыслу и логике, вопреки законам природы, вопреки всему на свете! Знала, потому что именно сейчас, в эту секунду, бестолково вглядываясь в пустоту над серым, нагретым на солнце валуном, она была уверена, что смотрит ему в глаза.

– Ты с самого утра идешь за нами, Пересмешник, – облизнув внезапно пересохшие губы, сказала полуэльфка. – Не знаю, может, это и забавно – наблюдать за нами со стороны, но... Видишь ли, мы не бродячий цирк. Поэтому очень тебя прошу: уходи. Уходи и оставь

нас в покое. Или перестань прятаться. Эти дурацкие игры в шпионов у меня уже в печенках сидят, а тот факт, что я тебя не вижу, но очень хорошо чувствую, не вызывает у меня ни страха, ни удивления, ни восхищения. Поверь, ничего, кроме злости. – Иефа упорно смотрела в пустоту, не отпуская невидимый взгляд, чувствуя, как с каждым словом улетучивается страх и неуверенность в себе, и растет, ширится злость, та самая, здоровая, от которой хорошо думается, воюется и поется. – Мне в высшей степени безразлично, кто ты такой, силен ли ты, злобен ли, а может, попросту любопытен, скрываешься от страха или из врожденной скромности, а может, обнаруживать себя пока что не входит в твои грандиозные планы, мне все равно. Я знаю, что сейчас ты слушаешь меня очень внимательно, я знаю, что ты сидишь на этом чертовом валуне, прямо передо мной, а еще я знаю, что пока я смотрю на тебя, ты не сможешь уйти незаметно. Надеюсь, ты это понимаешь. Так вот, чтобы ты долго не раздумывал, я расскажу тебе, что сейчас будет. Есть два варианта. Первый: ты прекращаешь игру в прятки – немедленно. Второй: я подхожу к твоему валуну и начинаю дубасить тебя гардой, а поскольку я тебя не вижу, то дубасить буду, куда попало. Вопросы есть?

– Есть, – раздался изумленный голос Стива, Иефа обернулась, и морок исчез. – Ты с кем разговариваешь?

– Я? Вот с ним... – полуэльфка снова повернулась к серому валуну и сухой липе, но теперь это были просто серый валун и сухая липа. – Он был здесь, правда, честное слово.

– Кто? – еще больше удивился Стив.

– Я не знаю, – упавшим голосом произнесла Иефа. – Он сидел здесь, на этом валуне, и жутко меня раздражал. Он за нами давно идет. Я хотела вам сказать, но забыла.

– Ну хорошо, а как он хоть выглядел? – вмешался Зулин. – Он человек, эльф, гoblin, орк? На кого он похож?

– Не знаю, – голос полуэльфки опустился до шепота.

– Но ты же его видела?

– Нет.

– Ты же говоришь, что он сидел на этом валуне!

– Сидел.

– И ты его не видела?

– Нет.

– Ууууу, – озабоченно протянул Зулин и повертел пальцем у виска. – У нашей Иефы появился воображаемый друг. Ты был прав, Ааронн, девушка она выносливая, но вот нервная система...

– Зулин!

– ...не выдержала.

– Зулин, прекрати! В конце концов, Ааронн тоже...

– Что "Ааронн тоже"?

– Ааронн тоже его... – Иефа запнулась, бросила умоляющий взгляд на эльфа, но тот равнодушно пожал плечами и отвернулся, -...не видел.

– Это многое объясняет, – язвительно хмыкнул маг. – Хватит, Иефа, хватит! У нас других дел по горло! Нам нужно вернуться в эльфскую башню и вставить камень в саркофаг.

– Очень смешно – просто ха-ха, и никак не меньше, – полуэльфка отвернулась от проводника, раз и навсегда решив, что все эльфы снобы и чистоплюи, а все эльфские принцы вдобавок еще и предатели. – А в человеческую башню нам, случайно, не нужно вернуться? А то мы что-то давненько не играли в перетягивание полукровки, я уже даже и заскучала...

– Не ерничай, – осадил барда Ааронн. – В человеческую башню нам тоже нужно. И запомни: не одна ты подвергаешься опасности. Всем остальным тоже несладко.

Иефа замолчала, кусая губы. Зулин торжественно пожал руку проводнику, и отряд двинулся по направлению к эльфской башне. Стив пошел рядом с бардом, принаравливаясь к неширокому шагу девушки, и мучительно пытался придумать, чем бы ее утешить. Иефа хмуро смотрела под ноги и молчала.

Партия успела отойти от башни довольно далеко, когда Стив остановил полуэльфку, тронув ее за плечо.

– Чего? – буркнула Иефа.

– А ты ничего, молодец, далеко их увела, – со всем восхищением, на которое только был способен, воскликнул Стив. – Смотри-ка, вон они, только-только с вырубки вышли! – он повернул барда в нужном направлении и расплылся в довольной улыбке, радуясь, что нашел способ подбодрить "козявку". Но Иефа почему-то не обрадовалась виду выбредающей из лесу толпы зомби и совершенно не подбодрилась. Она пошла красными пятнами и повернулась к Стиву с таким видом, как будто он...

– Сколько можно надо мной издеваться?! – простонала полуэльфка. – Я не понимаю, какое страшное преступление против дварфского народа я совершила, что ты никак не можешь оставить меня в покое!

– Я думал... – растерялся Стив, – я думал, тебе будет приятно увидеть...

– Спасибо! – остервенело рявкнула Иефа. – Насмотрелась уже за сегодня!

День тянулся и тянулся, как сосновая смола. Солнце наконец-то перевалило за полдень, когда партия подошла к эльфской башне и расположилась на короткий отдых возле земляного хода. Иефа стащила с головы платок, махнув рукой на эстетику, и подумала, что такого длинного дня у нее в жизни еще никогда не было. Спину ломило, подгибались колени, невыносимо хотелось пить и есть. Спать тоже хотелось, но терпимо. "Конечно, – усмехнулась про себя полуэльфка, – когда ты дерешься с гигантским совомедведем, а на следующий день встаешь в шесть утра, лечишь строптивого дварфа, уворачиваешься от шипастых бревен и топоров, проваливаешься в ловушки, исследуешь трупы и надписи, воюешь с бесхозными конструктами, скачешь блохой, чтобы не угодить под случайный огневик, слегка обгораешь, играешь в перетягивание каната с психованным призраком, причем в качестве каната используют именно тебя, а потом бегаешь наперегонки с толпой оживших мертвецов... Ну вот, мысль потеряла. Мда. В общем, можно считать, что день *уже* удался, хотя еще далеко не закончился".

– Иефа, не спи.

– Я не сплю. Я думаю. Зулин, можешь снова обозвать меня истеричкой, но я уверена, что за нами кто-то наблюдает с самого утра. Ааронн может сколько угодно пожимать плечами и делать скучающий вид, но он тоже это заметил. Почему его высочество не признается – не моего ума дело, но я тебя умоляю, поверь тому, что я говорю, потому что я говорю тебе это последний раз.

– С чего вдруг такая категоричность? Ты что, помирать собралась?

– Нет, просто мне все осточертело. Доказывать, выяснять, объяснять и убеждать... Устала. Или ты мне веришь, или нет. Решать тебе.

– Давай с этим потом разберемся, ладно?

– Как скажешь, командир.

– Камень, камень, камень... – проворчал Стив, рассматривая "клубок силы", изъятый из дварфского саркофага. – Ох уж мне эти предки – шага в простоте не ступят! А ты потом мучайся... Как мы его вставлять будем, скажет мне кто-нибудь?

– Очень просто! – беспечно отозвался Зулин. – Кто-нибудь один будет отвлекать на себя внимание эльфки, а кто-нибудь другой в это время вставит камень в саркофаг – и всех дел!

– Практика показывает, – открыла один глаз Иефа, – что когда в ваших планах фигурирует слово "кто-нибудь", мне через некоторое время становится очень печально.

– Не строй из себя мученицу, – строго сказал планар. – Эта психованная эльфка просто так к саркофагу не подпустит, а вставить камень необходимо. Это для нашей же пользы: если стражи, вместо того, чтобы мутузить нас, начнут мутузить друг друга...

– Не уходи от темы, – довольно бесцеремонно перебила мага полуэльфка. – Так кто пойдет отвлекать на себя внимание прекрасной дамы? Я думаю, это должен быть Ааронн –

по принципу дипломатических переговоров. Я думаю, эльфке будет гораздо приятней и удобней пулять огневиками в своего соплеменника, а если учесть еще знатное происхождение, отличное знание манер и правил этикета при беседе с призраками...

– Иефа!!!!

– Короче, я туда не пойду.

– Тебя, кстати, никто и не просит, – насмешливо выгнул бровь Ааронн. – Практика показывает, что перед лицом опасности ты теряешь способность здраво оценивать ситуацию, впадаешь в панику, начинаешь совершать бессмысленные поступки – в общем, целиком и полностью оказываешься во власти собственных эмоций. А в данном случае нужен точный расчет, на который ты, к сожалению, не способна. Поэтому вниз действительно пойду я.

– Счастливого пути, – мило улыбнулась полуэльфка и растянулась на траве, – разбудишь, когда вернешься.

– Какая же ты... – удивился Зулин. – Ааронн, я с тобой.

– Пойду гляну, может, в башне чего нового появилось... – пробурчал Стив, неодобрительно глянув на барда. – Все лучше, чем без дела валяться...

Иефа сцепила зубы и демонстративно уставилась в небо. Стив потоптался рядом с полминуты и убрел в сторону пролома. Иефа закинула ногу на ногу и вздохнула.

– Ах, как хорошо быть лысой, наглой и ленивой уродиной со шрамами, да еще и совершенно не пригодной к выполнению всякого рода боевых заданий! – громко сказала Иефа кусту чертополоха и ухмыльнулась. – Никто не питает на твой счет ненужных иллюзий!

В десятке шагов от полуэльфки раздался знакомый уже смешок, но Иефа его не услышала. Дрогнула и мелко затряслась земля, из стыков между каменными кирпичами посыпалась пыль, башня словно надулась, распираемая изнутри неведомой силой. Иефа вскочила на ноги, не удержалась, упала на одно колено и со всей скоростью, на какую была способна, поползла в сторону пролома, зовя дварфа. Толчки следовали один за другим, почти без перерыва. Один или два раза Иефе удалось увернуться от выпадающих из трясущихся стен кирпичей, третий прошелся вскользь, жестоко ободрав плечо.

У пролома в стене дварфа не было, зато из башни валили клубы пыли, как будто внутри временно расположилась небольшая каменоломня. Щуря глаза и кашляя, Иефа подобралась к пролому и заглянула внутрь.

– Стив! Стиииив! – позвала она. В ответ грохнуло, прокатилась волна невыносимого жара, полуэльфка, сама не понимая, зачем, бросилась плашмя, и очень вовремя: в стену над ней врезался небольшой, но в любом случае нежелательный огневик. Вслед за этим раздался до боли знакомый вой. В центре башни, прямо над люком, в воздухе зависла призрачная эльфка, которая орала и швырялась огневиками – в лучших традициях. Иефа, матерясь и отплеываясь, выползла из пролома и привалилась спиной к стене. Призрак сбросил пару октав, но слушать его все равно было противно.

– Стиииив! – отчаянно заорала полуэльфка, не зная, что еще можно предпринять в такой ситуации. – Стиииив! Стив, мать твою за ногу!!!

– А вот маму мою не тронь! – глухо, как из-под земли, раздался сердитый бас дварфа.

– Стив! – Иефа вскочила на ноги и завертела головой, пытаясь понять, откуда доносился голос. – Стив, ты где? Ты цел? Стив! Да где же ты?!

– Хватит вопить, – отозвался неизвестно откуда дварф. – Помоги лучше выбраться!

– О боги, да я тебя не вижу! Где ты?!

– У пролома... Под ноги смотри... Не провались...

– Снаружи или внутри?

– То-то и оно, что внутри, яйца Мораддиновы! Стал бы я орать, если бы был снаружи! Найди веревку, слышишь? Меня этот плющ долго не выдержит!

Иефа схватилась за голову. "Вот тебе и полежала на травке, – мелькнула заполошенная мысль и пропала. – Вот тебе и... Черт! Черт, черт!"

– Стив, потерпи секунду! Я сейчас! Я быстро!

Знала бы, где упадешь, соломки подстелила бы. Рюкзак полуэльфки сиротливо валялся там, где она его оставила, слегка припорошенный пылью. Иефа за полсекунды распотрошила его, повыбрасывая все ненужное на траву, нашла веревку и сломя голову бросилась обратно к пролому. Призрак затих, пыль постепенно оседала на землю. Иефа остановилась у пролома и прислушалась – ни звука.

– Стив... – тихонько позвала она. – Стив, ты живой?

– Живой, – коротко ответил дварф.

– Ты не молчи, – попросила полуэльфка, осторожно подбираясь к стене и на ходу разматывая веревку. – Ты где, справа или слева?

– Справа. Долго в проломе не маячь, огневик схлопочешь. Слушай меня. Слышишь?

– Да-да, слышу, – Иефа прижалась спиной к стене справа от пролома и застыла, глубоко вдыхая воздух, чтобы успокоиться.

– На счет "раз" – заглядываешь в башню, очень быстро, увидишь колодец у самой стены – и назад. Переждешь, пока эта дура успокоится. На счет "два" – кидаешь мне веревку. Прوماхнешься – не страшно, прячься, потом попробуешь еще. На призрака не смотри, не отвлекайся. На счет "три" упираешься во что-нибудь ногами и тянешь изо всех сил. Поняла?

– Поняла, – сказала Иефа и еще кивнула для верности, как будто дварф мог ее видеть.

– Повтори.

– На "раз" ищу колодец, на "два" кидаю веревку, на "три" тяну, – нервно повторила полуэльфка. – На призрака не смотреть.

– Тогда... Готова. Иииии... Раз!

Иефа одним резким движением сунулась в пролом, нашла взглядом узкий каменный колодец, в котором исчезали натянутые, как струна, ветки плюща, и... Конечно, посмотрела на призрака. Эльфка буравила барда яростным взглядом, и руки уже вытянула, явно собираясь швырнуть в наглую малявку огненным шаром, и самое время было юркой мышкой шмыгнуть обратно и прижаться к стене, пережидая, но Иефа не могла оторвать глаз от стража. Во взгляде призрачной эльфки бушевало столько силы, ярости и... да, кажется, тоски. Тоски и неизмеримой усталости. Иефа медленно выпрямилась, выпустив из рук веревку, шагнула в пролом. Эльфка опустила руки и теперь просто смотрела, без злости, без любопытства, просто смотрела, как смотрят после долгой разлуки. Иефа сделала еще один шаг, и тут эльфка вздрогнула, словно услышала зов боевой трубы, обернулась в сторону средней башни и исчезла.

– Иефа! Иефа, еханий карась! Иефа! – раздался обеспокоенный голос дварфа. Полуэльфка вздохнула и повернулась к колодцу.

– Слышу, слышу, – отозвалась она и нагнулась за веревкой.

– Колодец нашла?

– Нашла.

– Хорошо, готовься. Иииии...

– Два, три, четыре, пять – вышел призрак погулять... – проворчала полуэльфка, сбрасывая в колодец веревку. – Не суетись, друг мой Стив, операция отменяется. Здесь уже никого нет. Так что можешь спокойно вылезать, никто тебя огневиком по головке не погладит.

Иефа вылезла из пролома, обвязала свой конец веревки вокруг ствола молоденького дуба и слегка потянула, проверяя узлы.

– Готово! – крикнула она, заглянув в пролом, и ушла на полянку собирать раскиданные по траве вещи обратно в рюкзак. А Стив... А что Стив? Сам выберется – не маленький.

Когда всклокоченный и припорошенный пылью дварф подошел к месту стоянки, Иефа мирно лежала на траве, положив под голову рюкзак, жевала травинку и смотрела в небо. Стив хмыкнул, отряхнулся, глотнул воды из фляги.

– Спасибо, что помогла выбраться, – пробурчал он.

– Пожалуйста, – равнодушно отозвалась Иефа. – Извини, что не присутствовала лично. Мне показалось, что дерево все-таки крепче, чем я – меньше шансов сорваться...

– Да ладно тебе ехидничать, – обиделся Стив. – Я серьезно...

– Да? – Иефа выплюнула изжеванную травинку, на ощупь сорвала другую и сунула в рот. – Тогда действительно извини.

– Интересно, где наши храбрые вставлятели камней, – благоразумно решил сменить тему Стив. – Их, часом, не завалило там, внизу? Земля неслабо так тряслась...

– Я думаю, с ними все в порядке. Если бы с Зулином что-нибудь случилось, Зверь не стал бы так спокойно вылизываться. Так что скоро появятся, буквально с минуты на минуту. Да, Зверь?

Фамильяр оторвался от совершения туалета и согласно мяукнул. Стив вздохнул, присел на корточки возле предполагаемой норы и придирчиво осмотрел ее.

– А все-таки их немножко засыпало, – заметил он. – Давай откапаем, что ли?

– "Немножко" не считается, – лениво возразила полуэльфка. – Судя по всему, нам тут было гораздо веселее, чем им там. Так что пусть выкапываются сами, однообразный физический труд полезен для разгрузки мозгов.

– Вредная ты, ну вредная... – удивился Стив.

Зверь перестал вылизываться, вскочил на все четыре и приветственно распушил хвост. "Сейчас начнется", – подумала Иефа и от всей души пожелала себе божественной невозмутимости. Земля на месте лаза вспучилась и полетела в разные стороны, несколько комьев угодили в фамильяра, который возмущенно зашипел, и на поверхность выбрался Зулин. Он недовольно щурился на солнце, фыркал, отряхивался и в целом сильно смахивал на крота-переростка. Вслед за планаром из норы вылез эльф. Иефа не без удовольствия отметила про себя, что вид у Ааронна не менее грязный и всклокоченный, чем у Зулина.

– Прохлаждаетесь! – укоризненно воскликнул маг, с искренним неодобрением поглядев на барда. Стив поднял голову и обиженно запыхтел – лично он никогда не считал скачки с огневиками хорошим способом расслабиться, но Иефа не дала ему ответить.

– Как видишь, – полуэльфка с хрустом потянулась и закинула ногу на ногу.

– Между прочим, – возмутился Зулин, – ты могла бы и помочь нам выбраться!

– Очень уж лень было вставать, – сказала Иефа и закрыла глаза.

– Кстати, твои гневные речи по поводу эксплуатации бедных беззащитных бардов были напрасны. У нас не возникло с эльфкой абсолютно никаких проблем – ее там *просто не было*. Если бы не землетрясение... – начал Ааронн.

– Зато она была *здесь* - и совсем *не просто* ! – не выдержал Стив. – Она здесь *так была*, что я чуть без бороды не остался! Слышите вы, умники? Так что не известно еще, кто из нас *прохлаждался* !

– Да знаешь ли ты... – мгновенно завелся Зулин, но ему не дали договорить. Иефа с криком "надоели, черти!" вскочила на ноги и схватила свой рюкзак. Партия удивленно уставилась на полуэльфку.

– Хватит уже! – рявкнула она. – Мы на ругань тратим больше времени, чем на все бои с гоблинами и гонки с мертвецами, вместе взятые. Будем пиписьками меряться, кому из нас хуже пришлось – вам внизу или нам наверху? Судя по тому, что она перестала беситься и ушла, камень вы вставили – поздравляю! Дальше что? Внятно мне ответьте – что дальше?

Зулин несколько раз открыл рот, собираясь ответить в том духе, что, мол, уж кому, кому, а Иефе следовало бы помолчать насчет меряния пиписьками, что главный зачинщик споров в партии как раз она, что могла бы и помочь, а если все так плохо было, так сразу объяснила бы и не выпендривалась... Но так ничего и не сказал. Вместо этого он тоже поднялся на ноги, закинул за спину рюкзак и потрепал Зверя за ушами.

– Ну, самое сложное мы уже сделали – теперь призраки мутузят друг друга, и путь свободен.

– Путь куда? – мрачно спросила полуэльфка.

– В среднюю башню. Нам нужно спуститься туда и... В прочем, Стив объяснит лучше меня, со стражем беседовал он.

– Нам нужно сделать так, чтобы в центральной башне родились и умерли три луны с

поворотом ключа. Тогда будет все зашибись... наверное, – неуверенно объяснил дварф, стараясь не смотреть на барда. Очень уж не хотелось опять вот эти вот... выгнутые брови, кривые усмешки...

– У меня вопрос, вернее, даже два, – спокойно сказала полуэльфка. – Кто будет рожать луны, и где мы возьмем ключ?

– На месте разберемся, – беспечно махнул рукой Зулин. – Проще простого. Чего время зря тратить?

Глава 5

Снова, снова и снова. Повторение – мать учения... или как оно там?

Партия снова шла к центральной башне. Очень оптимистичный с виду Зулин, где-то глубоко внутри терзаемый страхами и сомнениями, шагал, гордо задрав подбородок, и вроде бы даже что-то тихонько напевал. Он изо всех сил убеждал себя, что возиться осталось – всего ничего, что разыскать таинственный ключ, повернуть его, и еще чего-то там с лунами... да плевое дело! Все решится само собой, как-нибудь так. От этой мысли Зулину делалось тепло и спокойно, и очень хотелось, чтобы так было всегда. В конце концов, кто сказал, что планары неизвестного происхождения созданы для принятия решений?

На спутников Зулин старался не смотреть. Всклобоченная борода Стива, старенький платок Иефы, из-под которого больше не выбивались непослушные пряди, бесстрастное лицо Ааронна – все это грубо и сразу возвращало мага к печальной действительности. И дело даже не в том, что сейчас нужно будет опять куда-то лезть и что-то искать – к этому можно привыкнуть. Нет, дело совсем не в том... И Зверь совсем некстати ехидно протелепал о вреде самовнушения.

Зулин тяжело вздохнул, поправил лямки рюкзака и остановился.

– Пришли.

Сопартийцы послушно застыли на месте и молча уставились на мага.

– Пришли, говорю, – Зулин для верности указал на башню.

– Ну? – спросил Стив. – Как действуем дальше?

– Спускаемся вниз, а там... по обстоятельствам.

– Мощный план, – кивнул дварф. – Ну, если другого нет...

Стив поправил топор, вежливо, но решительно потеснил планара и полез в пролом. За ним, сохраняя гробовое молчание, отправились Ааронн и Иефа... Впрочем, Иефа тут же выскочила обратно.

– И это ты называешь – проще простого?! – яростно прошипела она, сверкая глазами не хуже Зверя.

– Я... – опешил Зулин. – А что такое?

– Иди, посмотри! Сил моих больше нет! – фыркнула полуэльфка и снова скрылась в проломе. Зулин вздохнул и полез за ней.

Первое, что ужасно не понравилось планару, когда он попал внутрь башни, был густой сладковатый запах разлагающихся тел. Второе, что не понравилось ему еще больше, были сами разлагающиеся тела, в количестве двадцати штук топтавшиеся в том месте, где еще с утра была крышка люка. Ааронн и Стив, с оружием на изготовку, стояли, прижавшись спиной к стене. Иефа, выставив тускло подсвечивающий синим клинок, съежилась рядом с ними.

– Чего вы стоите! – прошептал ошеломленный маг. – Уходим!

– Тихо, – остановил его эльф. – Успеем. Они не нападают, здесь что-то другое.

– А зачем им нападать, – с досадой плюнул Стив. – Они просто стоят на люке – и все, накрылись наши подвиги. Может, пугнуть их?

– Они не умеют бояться, – слегка придя в себя, возразил маг. – Может, их лучше отвлечь? – спросил он и с надеждой посмотрел на полуэльфку, но Иефа скорчила такую зверскую рожу, что надежда зачахла на корню.

– С таким количеством сразу мы не справимся, – пробормотал эльф. – Боли они не чувствуют, стрелы их не берут, а в рукопашную нельзя – слишком опасно.

– Может, огневиком? – безнадежно спросил Зулин.

– Смысла нет, – покачал головой проводник. – Ты израсходуешь всю энергию, пока добьешься хоть каких-нибудь результатов, а еще неизвестно, что ждет нас внизу.

– Вы только не смейтесь очень громко. Может, мы их по одному выловим, как рыбу? – предложила Иефа и торопливо добавила: – Глупо, я знаю. Но если, предположим, сделать такой большой крюк на веревке, и закидывать его, как удочку... Вытащили одного – Стив ему башку срубил... Ладно, молчу. Может, действительно лучше их отвлечь.

– Если бы их действительно можно было отвлечь, они бы уже отвлеклись – на всех нас. А у них явно другое задание – сторожить люк, вот и все. Единственный верный способ убрать их отсюда – упокоить раз и навсегда.

– Ааронн, друг мой, ты традиционно гениален. Ты умеешь проводить ритуалы по упокоению зомби?

– Нет, Зулин, не умею.

– И я не умею. Иефа, ты умеешь?

– Разумеется, каждый день только этим и занимаюсь, а в перерывах баллады пишу.

– Стив, а ты...

– Хватит, Зулин! Нашел время шутки шутить! – дварф нахмурился хуже грозовой тучи.

– Никто из нас не умеет – и точка. А с рыбалкой Иефа не так уж глупо придумала.

– У нас нет крюка, – возразил маг.

– Можно сделать скользящую петлю, – вмешался эльф.

– Мы так провозимся неделю!

– Если у тебя есть другие гениальные идеи, поделись ими, пожалуйста.

– Я просто пытаюсь мыслить конструктивно!

– Развлекаетесь? – раздался со стороны пролома молодой, учтивый, но очччень насмешливый баритон.

Иефа взвизгнула и подскочила на месте, Стив взмахнул топором, Ааронн натянул тетиву, Зулин лихорадочно зашептал, формируя на скорую руку огневик... В проломе, придерживая рукой плющ, стоял некто, закованный в серые с голубым отливом латы. Трудно было понять, к какой расе принадлежит странный рыцарь, потому что забрало его шлема было опущено, но не возникало никаких сомнений, что он не боится ни огневиков, ни дварфских топоров, ни эльфских стрел, не говоря уже о светящихся мечиках в трясущихся руках полукровок. В прочем, нападать он, кажется, не собирался.

– Это что, очередной конструктор? – прошипела Иефа, разглядывая неожиданного посетителя.

– Молчи, дура, – оскорбился Стив. – Конструкторы не разговаривают.

– О, прошу меня извинить, я, кажется, напугал вас, – поклонился рыцарь и шагнул в башню. – Бог свидетель, я не хотел.

– Вы, собственно, кто? – опомнился Зулин.

– Вполне уместный вопрос, – засмеялся рыцарь. – Я как раз собирался задать вам такой же.

– Пересмешник... – прошептала Иефа и толкнула Стива в бок локтем. – Это он за нами следил, точно! Эй, ты! – выкрикнула она, спрятав меч в ножны и уперев руки в боки. – Появился, надо же!

– О прекрасная госпожа, – рыцарь снова поклонился. – Вы, видимо, с кем-то меня перепутали.

– Перепутала?! – взорвалась Иефа и шагнула вперед, проигнорировав тщетные попытки мага ее остановить. – Да ты мне с самого утра голову морочишь, хихикаешь по кустам, умник, нашел себе развлечение! Кто ты такой вообще?! Какого черта за нами следишь? Почему прятался? Зачем сейчас появился, да еще так нахально?

– Поразительно, насколько гнев вам к лицу, но ах, как грустно, что этот гнев вызвал я!

– воскликнул рыцарь. – Клянусь честью, позорное мастерство слежки мне претит! Хотя... – в голосе рыцаря появились бархатные нотки, – с каким упоением я следил бы за вами, о моя дивная барышня, следил бы днем и ночью...

– Слышь, ты! – не выдержал Стив. – Зубы не заговаривай! Отвечай, кто таков, пока не огреб топором по шлему!

Рыцарь вздохнул и приблизился еще на пару шагов.

– Ну, скажем, меня зовут... сэр Джон. Я прогуливался в лесу, услышал крики, взрывы, и поспешил сюда, чтобы помочь... кому-нибудь. Вот, в частности, вам.

– Отлично, сэр Джон, очень приятно познакомиться! – не моргнув глазом, выпалила Иефа. – Я Жанна, этого господина в балахоне зовут Ян, господина с топором – Йохан, а господина с луком – Иоанн. Мы тоже прогуливались в лесу, хворост, знаете ли, собирали, как вдруг – шум, взрывы, земля трясется... Вот, пришли посмотреть.

– Мы поразительно точно друг друга понимаем, вы не находите? – усмехнулся сэр Джон. – Ну и как, посмотрели?

– Как видите, экскурсия не удалась, – Иефа небрежно махнула рукой в сторону мертвецов. – Проход закрыт.

– Но разве вам нужно вниз? – очень натурально удивился рыцарь.

– Как, вы не знаете? – еще натуральней удивилась Иефа. – Всем известно, что в подвалах таких вот башен хранится отборнейший хворост. А тут – мародеры! – полуэльфа снова указала на зомби. – Мы хотим спасти народное достояние, по-моему, это очевидно. Представляете, вернутся хозяева, а им даже печь растопить нечем! Ужас!

– Разбой среди бела дня, – согласился рыцарь.

– Что за бред? – шепотом спросил у эльфа Зулин. – Ты вообще понимаешь, о чем они говорят?

– Чщщщ, – шикнул на мага Ааронн. – Смотри и восхищайся: Иефа работает.

– Еще немножко, и я этому голубому хлыщу башку отверчу, – еле сдерживаясь, прошипел Стив.

– Терпи, дружище, терпи.

– Я считаю, – невозмутимо продолжала между тем Иефа, – что долг каждого порядочного рыцаря – помешать разграблению хранилищ хвороста. Скажите, сэр Джон, вы порядочный рыцарь?

– О, даже если бы я был разбойником и некромантом, ради вас я превратился бы в святую невинность! – патетически воскликнул сэр Джон. – Разрешите отныне считать вас своей дамой сердца, о несравненная... – рыцарь сделал вопросительную паузу.

– Жанна, – подсказала Иефа, улыбнувшись людоедской улыбкой. – Дорогой сэр Джон, неужели вас ни капельки не раздражает эта идиотская игра?

– Ну уж коль скоро вы обращаетесь ко мне "дорогой", – рыцарь неожиданно заговорил нормальным тоном, без патетических и восторженных завываний, – и обещаете не дубасить меня гардой...

– Да чего уж там, – усмехнулась Иефа. – Дело прошлое. Да и смысла нет дубасить гардой хорошего... человека?

– Человека, человека, – смеясь, подтвердил рыцарь.

– Жаль, – вздохнула Иефа.

– Ну, милая Иефа, я не думал, что вы так подвержены расовым предрассудкам...

– Как он ее назвал?! – шепотом вскричал окончательно сбитый с толку Зулин.

– А вы – нет? – насмешливо спросила полуэльфа. – Вы не подвержены?

– Ни в коем случае, – рыцарь покачал головой. – Я понимаю, обстоятельства не в нашу пользу, у вас дел по горло, да и я в некотором роде занят, но в будущем... когда мы разберемся со всем этим... – сэр Джон неопределенно махнул рукой. – Обещаете ли вы оказать мне честь отужинать со мной?

– Весельчак вы, однако, дорогой сэр Джон, – недобро усмехнулась Иефа. – Неужели вы думаете, что я поверю, будто мужчина в здравом уме решится пригласить на ужин

безволосую, покрытую шрамами полукровку со скверным характером и сомнительным прошлым?

– А кто вам сказал, что я в здравом уме? – резонно возразил сэр Джон. – Ну как, договорились? – он вытянул правую руку по направлению к зомби и, не глядя, сжал кулак. Один из мертвецов беззвучно повалился на плиты. Иефа задумчиво посмотрела на неподвижное тело.

– А почему вы решили, что я соглашусь? – спросила она. – Я не видела вашего лица, сэр Джон, я не знаю вашего имени.

– Потому что вам не нужно ни то, – еще одно движение рукой, стук падающего тела, – ни другое, мы и без того слишком хорошо друг друга знаем, – рыцарь шагнул к Иефе и снова сжал кулак. Еще двое остались лежать без движения. – Знаем и... чувствуем. Разве нет?

– Ужин? – Иефа шагнула навстречу рыцарю. – При свечах, я надеюсь?

– Разумеется, – согласился сэр Джон, и свалил сразу пятерых мертвецов. – Как же иначе.

– Все-таки это не честно, – покачала головой полуэльфка, еще на шаг приближаясь к собеседнику.

– Что именно? – поинтересовался рыцарь.

– Количество информации. У вас была возможность вывести многое, а я о вас вообще ничего не знаю.

– Я бы согласился с вами, – кивнул рыцарь, и еще несколько тел с глухим стуком повалились на плиты. – Но мне почему-то кажется, что вы знаете обо мне гораздо больше, чем думаете. Иначе... – в голосе сэра Джона послышалась улыбка, – иначе вам не пришлось бы в голову дубасить гардой воздух над серым валуном. Ну что? Согласны? – рыцарь галантно поклонился и предложил Иефе закованную в латы руку.

– Идет, – кивнула Иефа и взяла рыцаря под руку. – Заодно проверим, как вы держите слово.

– Прошу! – рыцарь гостеприимно взмахнул рукой, и трое оставшихся зомби рухнули без движения.

– О, как мило, – светским тоном восхитилась Иефа и повернулась к скульптурной композиции под названием "Партия с ужасом и недоумением наблюдает процесс совращения барда". – Ну, други мои, вы так и будете стоять? Или мы уже не идем вниз?

– Иефа, немедленно отойди от него, – ровным голосом сказал Ааронн.

– С какой радости? – зло усмехнулась полуэльфка.

– Он некромант! – встрял Зулин.

– Какое неожиданное открытие, – пробормотал рыцарь.

– И что дальше?

– А то, что это его зомбухи! – заорал Стив, радуясь возможности сорваться. – Это он тут в чужих могилах копается, больше некому! Это он Зулина чуть не угробил! Это он за тобой толпу мертвяков в лес послал! А ты с ним...

– Я предлагаю вам помощь, – отчеканил рыцарь. – Я предлагаю вам помощь и не задаю вопросов. Если вы не способны ответить тем же...

– Ну, один-то вопрос можно задать? – спокойно поинтересовалась Иефа.

– Один – можно.

– Зачем вам это нужно, дорогой сэр... Джон? Ведь не из чистого альтруизма?

– Нет, конечно, – рассмеялся рыцарь. – Я хочу вам помочь, потому что один не справлюсь с тем, что происходит. В прочем, вы тоже. А судьба очень мудро распорядилась таким образом, что сегодня моя цель совпадает с вашей, вот и все. По-моему, честно.

– Здорово, – скривился Стив. – А когда судьба распорядится по-другому, ты спокойно пережешь нам глотки во сне.

– Такова жизнь, – пожал плечами рыцарь.

– Я сейчас тебе башку отрублю, философ! – прорычал дварф.

– Не думаю, что это необходимо, – остановил его проводник. – Вы сказали, что в

одиночку не справитесь с тем, что здесь происходит, – обратился он к рыцарю. – Так что же здесь происходит?

– Я обещал ответить на один вопрос, – напомнил сэр Джон. – Теперь слово за вами – мы идем вместе или нет?

– Да, – твердо сказала Иефа и посмотрела на спутников.

– Похоже, что у нас нет выбора, – буркнул Зулин.

– И времени, – добавил Ааронн.

– Учти, ежели будешь выкаблучиваться... – угрожающе начал Стив.

– Не буду! – заверил его рыцарь и тихо-тихо добавил: – По крайней мере, постараюсь.

На то, чтобы убрать в сторону тела и поднять крышку люка, ушло не больше десяти минут. Спускаясь по узким каменным ступенькам, Иефа отстраненно думала о том, что партия неисправима, что нужно, в конце концов, учиться доверять людям... Думала и удивлялась сама себе. Еще месяц назад – да что месяц, неделю! – она непременно устроила бы сопартийцам выволочку за излишнюю доверчивость, потому что все в этом странном рыцаре было подозрительно, все – вранье, от первого до последнего слова, и тем не менее... Иефе казалось, что вот еще одна маленькая деталь, слово, движение – что-нибудь, не важно, что – и она поймет, вспомнит о нем что-то очень важное. И так досадно было от уверенности в том, что ему-то как раз ничего вспоминать не надо, наоборот, ему бы забыть, забыть... Это было откуда-то из снов, но Иефа не знала, откуда.

Винтовая лестница скоро вывела в знакомый уже по двум другим башням коридор, и тут сэр Джон впервые доказал, что вполне способен быть полезным. Иефа только-только открыла рот, чтобы пожаловаться на упорное нежелание мага обеспечить партию светом, но не успела ничего сказать, потому что рыцарь легко и почти незаметно повел рукой – и коридор осветился двумя десятками крупных магических светляков, рядом с которыми одинокие светляки Зулина смотрелись бы не лучше болотных гнилушек.

– Вот это да, просто дух захватывает... – прошептал Стив, чем несказанно удивил своих спутников.

– Стив, ты здоров? – заботливо спросил Зулин, немного уязвленный тем, что дварф восхитился мастерством чужака.

– На стены посмотри, болван! – рассердился дварф, сообразив, что к чему.

Маг последовал его совету и тут же забыл о своих переживаниях. Ставший уже привычным серый цвет на стенах отсутствовал в принципе. Хитросплетение растительных узоров, цветов, животных и птиц сменялось эпическими полотнами с бесконечным количеством персонажей, фигуры и лица преобразались, повторялись и смешивались, и во всем этом была строгая последовательность, единый выдержанный стиль и сюжетная завершенность. А главное, во всем этом был смысл.

– Красота какая... – прошептала Иефа, разглядывая изображение статного черноволосого человека с ретортой в руках. – Как вы думаете, кто это?

– Боюсь, мы этого никогда не узнаем, – ответил сэр Джон. – Нужно идти дальше.

– Не спеши, торопыга, – набычился Стив, который только что собирался предложить двигаться дальше и не тратить время на бессмысленное разглядывание непонятных картин. – Не спеши. Может, тут что-то важное нарисовано.

– Не думаю, – возразил Зулин. – Обычная картинная галерея. Эта башня главная, вот ее и разукрасили, как дворец.

– Глупо, очень глупо, – убежденно сказала полуэльфка и перешла к следующей картине. – Очень глупо расписывать стены подвала сторожевой башни просто для того, чтобы было красиво. Ааронн сказал, что в таких башнях не живут, а уж в подвалах таких башен – тем более. Так для кого это все? – она повела рукой, указывая на стены. – Ведь не просто так?

– Какая теперь разница, – пожал плечами маг. – У нас нет времени на споры об искусстве. Пошли, на обратном пути полюбуешься.

– Нет, Зулин, ты послушай! – Иефа разволновалась и забежала от одной картины к

другой. – Вернее, посмотри, посмотри внимательно! Они все связаны между собой! Смотри, вот этот человек с ретортой, видишь? Вот здесь много людей и эльфов, похоже на какой-то совет, и он среди них. Вот здесь опять он, в комнате со всякими непонятными штуками, что-то смешивает...

– Это лаборатория, – сказал Ааронн. – Магическая лаборатория. Этот человек – маг, и на той картине явно изображен совет магов. Иефа права, стоит внимательней отнестись к этим изображениям, похоже, что перед нами история башен.

– Если это история, то для кого ее тут оставили? – сварливо поинтересовался Зулин, не желая сдавать позиции.

– Может быть, для таких, как мы? – спросил Стив, и маг не нашелся, что ответить.

– Для таких как мы... – пробормотала Иефа и поежилась. – А кто мы, в сущности? Кучка остолопов, которые, по большому счету, ничего не умеют. Этот человек на картинах очень силен... был. Достаточно посмотреть ему в глаза – я уверена, что он был великим магом, вот только...

– Что? – быстро спросил рыцарь, и полуэльфке показалось, что его голос дрогнул.

– Он недобрый, этот маг, – Иефа внимательно посмотрела на рыцаря, силясь вспомнить, но в конце концов сдалась. – У него истовость какая-то во взгляде, как будто он один против целого мира.

– Так и есть, – отозвался Ааронн. – Идите сюда, смотрите – здесь он снова на большом совете, но, похоже, в качестве осужденного. Интересно, что же он натворил?

– Знаете что... – мрачно сказал Стив. – Это Эртайус, тот самый, немертвый, про которого страж говорил. Это он под озером сидит, гад такой.

– Эртайус? – спросил рыцарь. – Вы сказали – Эртайус?

– Мало ли чего я сказал! – огрызнулся Стив.

– погоди, Стив, то есть вот он – Иефа указала на картину – сидит под озером уже четыреста лет, и при этом он – живой?!

– Я не сказал, что он живой. Я сказал, что он немертвый.

– Это как?

– Я не знаю.

– Зулин, Иефа, Стив! – позвал Ааронн из дальнего конца коридора. – Идите сюда! Смотрите! – он указал на три картины, следовавшие одна за другой. – Теперь все ясно. Он проводил какие-то запрещенные ритуалы, его осудили и приговорили к заключению под этим озером, и тогда же были построены эти башни.

– Почему его просто не казнили? – тихо спросила Иефа.

– Потому что не смогли, – произнес у нее за спиной сэр Джон. Иефа вздрогнула и обернулась:

– А вы откуда знаете?

– Я? – слегка удивился рыцарь. – Ну, как же – буквально только что ваш воинственный спутник сказал, что Эртайус – немертвый, а значит, его просто невозможно убить, можно только посадить под замок – вот и все.

– Четыреста лет под озером... – прошептала Иефа. – Четыреста... Неудивительно, что он сошел с ума.

– Все это замечательно, но тут нет даже намека на таинственный ключ, – сердито сказал Зулин. – Так что толку от этих картин все равно никакого. Идемте уже, сколько можно тут торчать!

– А все-таки интересно, за что его наказали... – задумчиво проговорила Иефа. – Такая изощренная казнь...

– Тебе его жалко? – Стив незаметно отеснил полуэльфку от рыцаря и почувствовал себя значительно лучше.

– Нет. Не знаю.

– А тут и знать нечего. Посмотри, он, сидя под замком, умудрился убить целое здоровенное озеро и всю живность на его берегах. Не думаю, что всем нам станет легче

жить, если такое чмо вырвется на волю.

– Не станет, – кивнула Иефа. – И все же... Лучше бы они его убили.

Стив недовольно дернул плечом, но про себя подумал, что, по крайней мере, в этом пигалица права: лучше бы его убили.

Внимательно изучив картины, двинулись дальше. Коридор с расписанными стенами скоро кончился, и светляки степенно выплыли в длинный широкий зал, уставленный вдоль стен каменными фигурами крылатых львов. В неподвижных лапах статуй покоились глубокие чаши, в которых тускло отсвечивала какая-то жидкость. Ааронн остановил партию и осторожно подошел к ближайшей статуе, наклонился к чаше, принялся.

– Масло, – сказал он, выпрямляясь. – Очень странно.

– Что странно? – спросил Зулин, во все глаза разглядывая львов.

– Нет запаха, – отозвался Ааронн, стягивая с плеча лук. – Оно не выдохлось и не прогоркло, оно такое, словно его залили час назад.

– Ну и что? Нервничать-то зачем? – пожал плечами Зулин. – Масло не кусается.

– Не факт, – буркнул Стив и взял топор наизготовку. – Иефа, меч достань. Нутром чую, сейчас начнется.

– Что начнется? – нервно спросила полуэльфка, и тут началось.

Масло в чашах вспыхнуло ярким оранжевым пламенем, которое начало расти вверх, выбрасывая длинные жаркие языки. Стив отработанным движением отпихнул Иефу к себе за спину и замер в боевой стойке. Зулин забормотал было заклинание, формируя огневик, но осекся, сообразив, что это глупо. Пламя гудело и металось, словно пытаясь выскочить из чаш, огненные щупальца тянулись все выше и, в конце концов, начали отделяться от источников, зависая в воздухе над статуями.

– К выходу, к выходу, не стойте на месте! – крикнул сэр Джон и даже попытался подтолкнуть спутников. Иефа шагнула из-за широкой спины дварфа, и на мгновение ей показалось, что статуи ожили и тоже взлетели. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, поняла, что все гораздо хуже. Сгустки пламени, парившие над изваяниями, оформились в маленькие копии своих каменных родителей, и теперь хлопали крыльями, разгоняя волны горячего воздуха, и выпускали раскаленные когти.

– Воду, воду готовьте! – отчаянно крикнул Ааронн, и огненные сфинксы со всех сторон ринулись на партию. Иефа трясущимися пальцами распутала узел, державший флягу на поясе и с криком плеснула в сфинкса, метившего когтями в глаза. Струя воды разрежала его на две чернеющие половины, которые через секунду лопнули, засыпав все вокруг искрами. Иефа присела, уворачиваясь от огненных лап другого сфинкса, плеснула водой в третьего, попыталась облить четвертого, но промахнулась, задев лишь кончик хвоста... Партия рассредоточилась по залу, и уже никто, даже сэр Джон, не пытался продвигаться к выходу – было не до того. Во флягах заканчивалась вода.

Ааронн забился между каменных лап одной из статуй и принялся формировать водяные бомбы, которые взрывались, окатывая сфинксов водой. Те шипели, чернели и лопались, но из чаш тут же поднимались новые и новые, и воздух понемногу сгорал под ударами их огненных крыльев.

Иефа отбросила в сторону опустевшую флягу, в отчаянии плюнула в летящую бестию и бросилась плашмя на плиты. Под потолком взорвалась еще одна водяная капля, полуэльфка перекатилась в сторону и поползла, сама не зная куда. Рычал и ругался Стив, выкрикивал заклинания Зулин, но сетки из молний, магические стрелы и огневики не давали никаких результатов. Сфинксы падали из-под потолка на спину полуэльфке, та слепо отмахивалась мечом, понимая, что все это бесполезно. Пламя обтекало сталь и снова соединялось в гибкие когтистые фигуры. Дымила одежда, пахло паленым волосом, и в голове полуэльфки тупо билась одна и та же мысль: "А на мне уже гореть нечему. Вот как хорошо. А на мне уже гореть нечему..."

В надежде хоть как-то прикрыть спину, Иефа попыталась пробраться к ближайшей статуе. У Ааронна, похоже, силы были на исходе, воды получалось все меньше, а огненные

бестии наловчились уворачиваться от губительных капель. Сухой горячий воздух углями забивался в легкие, вызывая надсадный кашель. Иефа слепла от огненной сумятицы и ползла на ощупь. Недалеко от нее Стив вертел топором мельницу, выкрикивая самые страшные dwarfsкие проклятия, какие только мог вспомнить. Иефа с трудом поднялась на ноги и неуклюже махнула мечом, отгоняя сфинкса, метившего когтями в dwarfsкую спину. Стив обернулся на движение и сшиб топором чашу. Масло выплеснулось на плиты, горящие капли попали полуэльфке на штаны, она захлопала себя по коленям, сбивая пламя, и тут Стив издал торжествующий рев, от которого у Иефы – будь они на своем месте – непременно встали бы дыбом волосы.

– Нашел! – иступленно орал dwarfs, сшибая все новые и новые чаши. – В плошках огонь тушите! В плошках! Ааронн! Плошки!

Партия ошеломленно застыла на секунду, глядя, как dwarfs неистово топчет горящее масло, и тут сфинксы начали исчезать. То тут, то там, словно кто-то задувал ожившие свечи, они исчезали с легким "пффф" и оставляли после себя еле заметный дымный след.

Ааронн вскочил на ноги, издав боевой клич, и начал посылать капли прямо в чаши. Иефа ожесточенно швыряла плошки на плиты и исполняла на черепках какой-то неведомый буйный танец, втапывая в камень каждую искорку. Сфинксы перестали нападать и бестолково метались под потолком, некоторые возвращались к источникам, и там умирали, залитые водяной мезтью эльфа. Зулин безумным демоном скакал от статуи к статуе, круша все, что попадалось под руку, сэр Джон лязгал доспехами где-то впереди, а воздух редел и остывал. Через пять минут все было кончено.

Стив с шумом выдохнул, обессилено оперся на статую и огляделся. Пол башни был усеян глиняными черепками, на плитах расплзались темные масляные пятна, и впечатление было такое, словно в зале долго и беспробудно пьянствовала рота солдат. Стив повел плечами и поморщился. После такого неплохо бы полежать часок другой...

– Стив, ты гений, – хрипло сказала полуэльфка. – По-моему, во всей этой круговерти ты один не утратил способность соображать. Короче, спасибо тебе, что мы живы.

– Я... – растерянно начал dwarfs, но так и не смог ничего сказать, только процвел отчаянным румянцем, который, к счастью, не был замечен.

– Живы, но вряд ли боеспособны, – мрачно заметил Зулин, разглядывая дыры на балахоне. – Если дальше будет так же весело, мы не продержимся.

– Ну, – не удержалась от шпильки Иефа, – самое сложное-то мы в любом случае уже сделали... – Зулин скривился и махнул в сторону барда рукой, не имея сил огрызаться. – И все-таки, что будем делать дальше?

– Дальше помогите мне снять шлем, пожалуйста... – глухо попросил сэр Джон. – Его почему-то заклинило, иначе я от него давно бы уже избавился.

– Давно – это когда? – поинтересовалась полуэльфка, наблюдая, как Зулин и Ааронн из последних сил пытаются выудить рыцаря из шлема. К слову, Стив даже не повернулся в его сторону.

– Давно – это в самом начале драки, – пропыхтел сэр Джон и оказался на свободе. Иефа с любопытством уставилась на рыцаря. Безусловно, сэр Джон был хорош. Таких – с волевыми подбородками, резко очерченными скулами, высокими чистыми лбами, бровями вразлет, смоляными кудрями и несомненной печатью мужества на лице в целом – именно таких полуэльфка терпеть не могла. Безупречные рыцари навевали на нее смертную скуку, слово "красавец" было скорее ругательством, чем комплиментом, а печальное благородство черт будило смутное желание эти "черты" слегка подпортить.

Практика показывала, что рыцари без страха и упрека в большинстве своем оказывались отчаянными себялюбцами и снобами, а ум соседствовал с красотой настолько редко, что Иефа считала это прискорбное обстоятельство жестоким законом природы. Да и матушка, разумеется, не примет. Печально, но факт. Очень хотелось ужина при свечах... Но не с ним. Слишком красив.

Иефа разочарованно отвернулась от рыцаря и вздохнула.

– Ты чего? – ревниво спросил Стив, внимательно наблюдавший за ней все это время.
– Устала, – честно ответила полуэльфка. – Ты как? У тебя борода обгорела...
– Да, – смутился дварф. – Нужно заканчивать как можно скорей, пока мы все окончательно не выдохлись. А то на плечах уже живого места нет – кажется, рубаху вместе с кожей снимать придется: прилипла.

– Давай подлечу немножко?
– Нет! – Стив снова густо покраснел. – Ты не подумай, я не жалуясь, я, в отличие от некоторых, терпеть умею!

– Как знаешь, – почему-то обиделась Иефа. – Ну-с, нашего дорогого рыцаря из шлема мы извлекли. Что теперь? – обратилась она к Зулину.

– Теперь мы идем дальше, – неуверенно начал маг, – тем более, что...

Башню сотряс мощнейший подземный удар. Те чаши, которые уцелели во время сражения, попадали на пол и разбились, сопартийцы едва устояли на ногах, по каменным плитам пола пошли трещины. Откуда-то из глубин башни раздался нутряной яростный рев, полный гнева, тоски и безумия.

– Тем более, что нет времени! – крикнул Зулин. – Не стойте, вперед, пошли!

– Мы оттуда не выйдем, – тихо сказала Иефа.

– Не выйдем, так выползем! – буркнул Стив. – Не бойсь, выдюжим.

Зулин бросился прочь от сфинксов по узкому мрачному коридору. За ним последовал Ааронн, и сунулась было Иефа, но дварф довольно бесцеремонно потеснил ее, предложив побережь задницу. Замыкал сэр Джон.

К реву прибавился пронзительный вой, от которого у полуэльфки оскоминой свело скулы. Пожалуй, если бы в затылок не дышал сэр Джон, Иефа непременно подвернула бы ногу и осталась в коридоре – в конце концов, какая от нее польза в бою? Никакой. Только Стиву беспокойство и врагам легкая добыча, вот и все. И ведь нелепо же – погибнуть неизвестно ради чего. В том, что погибнуть придется, Иефа не сомневалась.

Коридор неожиданно кончился, и партия с разбегу ввалилась в чудовищных размеров овальный зал, освещенный сотней факелов. Рев и вой сделались оглушительными, Зулин неуклюже взмахнул руками и упал на одно колено, закрывая уши. Посреди зала, над огромным круглым люком, оплетенным толстыми корнями, сражались стражи. Крышка люка дрожала и выгибалась, словно кто-то могучий и неумный бился об нее изнутри, пытаясь выбраться, корни трещали и скрипели, по стенам бестолково металось пламя, и голубоватые искры пробегали по призрачным клинкам, когда они скрещивались со звоном и скрежетом.

– Что теперь?! – крикнула Иефа.

– Ключ! – проревел в ответ Стив. – Ключ ищите!

– Какой ключ? Как он выглядит? – вмешался сэр Джон, пытаясь перекрыть призраков.

– Да не знаю я, задница Моррадинова!

– Где искать? – крикнул Зулин.

– Везде! – прокричал Ааронн. – Стражей обходите! К люку не приближайтесь! По стенам, по стенам, подальше от центра! Разошлись! Бегом!

– Да примерно хотя бы... – начала Иефа.

– Оглохла, что ли?! – рявкнул маг. – Сказано тебе, бегом!

Зулин и Ааронн пошли в обход люка по левой стороне зала, сэр Джон – по правой...

– Стой здесь и не высовывайся, – гаркнул Стив. – А еще лучше – спрячься в коридор. Ежели чего – ори изо всех сил, я услышу. И не смотри на меня так, сама знаешь, что толку от твоей штыркалки – ноль! – Дварф мрачно показал барду кулак и отправился вслед за рыцарем, перехватив поудобней топор.

– Ну да, конечно! – процедила Иефа. – Разбежалась! – она сердито поправила на голове платок, затянула потуже пояс, вытащила меч из ножен и решительно направилась прямо в центр зала, к трясущемуся и выгибающемуся люку.

"Ключ, ключ, нужно найти ключ. Она там одна совсем, а если эти... Выкинуть из головы. Спрячется. Не дура, в конце концов. Ключ. Как же он, яйца Мораддиновы, выглядит, чертова штуковина?! Здесь где-то должен быть саркофаг – может, в нем? Такие вещи за каким-то хреном любят прятать в саркофагах. Ничего. Ничего, выдюжим. Главное, не проморгать. О Мораддин, знать бы только..." Стив с размаху налетел на закованную в латы спину сэра Джона и выругался.

– В чем дело, за ногу тебя и в штольню?! Окаменел?!

– Бог мой, да она сошла с ума! – воскликнул рыцарь.

Стив проследил за направлением его взгляда, и сам чуть не превратился в статую. Прикинув к плитам, почти по-пластунски, к люку подбиралась полуэльфка. Ее макушка находилась на расстоянии плевка от дерущихся призраков, Иефа нервно поглядывала вверх, но продолжала упрямо ползти к переплетению корней.

– Дура! Во дура! Ну дура же! – взревел Стив и ринулся к полуэльфке. Сэр Джон ухватил его за руку и не без усилий оттащил обратно к стене. Стив рванулся и зарычал, но рыцарь держал крепко.

– Пусти! Пусти, гад!

– Да послушай, ты! – почтительность облетела с рыцаря, как пух с одуванчика. – Убить ее хочешь, идиот?! Они ее не замечают – и слава богу! Выберется, если лишний раз дергаться не будет!

Стив сдавленно застонал и шибанул топором по ближайшему факелу.

– Ну на хрен она туда полезла?! Сказал же ей: спрячься в коридоре!

– Потому и полезла, – сказал сэр Джон, напряженно следя за Иефой. – Болван. Вы чертову уйму времени идете вместе, а ты до сих пор про нее ничего не понял!

– Тебя спросить забыл! – окончательно взъярился дварф и сшиб еще один факел.

– Идем! – сэр Джон сердито дернул Стива за рукав. – Встретим ее с той стороны. Что же она затеяла?

– Баба безмозглая! – ругнулся Стив. – Дай только добраться – она у меня не только без волос – без ушей останется.

– По сторонам смотри, мститель, – брезгливо скривился сэр Джон. – Прозеваешь ключ.

– А с тобой я потом разберусь! – пообещал Стив, не отрывая взгляда от полуэльфки. – Мать честная, что она делает!

Когда-то – если верить ощущениям, лет сто назад – мэтр Бену сказал Иефе, что потерянную вещь нужно искать, во-первых, на самом видном месте, во-вторых, в самом неподходящем месте, и, в-третьих, в самом доступном месте. Если следовать этим трем правилам – объяснил мэтр Бену – искомое обязательно отыщется. Ну а если не отыщется, значит, его спрятали специально, и тогда тоже нужно следовать этим правилам, делая поправку на злой умысел.

Самым видным местом в зале был люк. Он же был самым неподходящим местом, даже если не учитывать стражей, подземные толчки и трясущиеся корни. Правда, не учитывать их было практически невозможно, поэтому доступность люка вызывала некоторые сомнения, но Иефа решила, что двух первых факторов вполне достаточно.

"Если есть ключ, который нужно повернуть, значит, есть замочная скважина. Если есть скважина, значит, есть дверь, в которой она находится. В нашем случае, если есть дверь, значит, за дверью есть чмо, а здесь я вижу только одну штуку, напоминающую дверь, и в эту штуку кто-то ломится изнутри. Следовательно..."

Иефа распласталась на полу у самого люка и немного полежала, выжидая момент, когда увлеченные сражением стражи поднимутся повыше.

"Итак, пойдем плясать от болота к лугу. Есть чмо, перед ним запертая дверь, в двери – замочная скважина. Очень хорошо. Взгляну на скважину – буду знать хотя бы, каких размеров этот чертов ключ. И потом – кто знает, может, бывшие хозяева исчерпали всю

фантазию, сооружая ловушки. Может, ключ – какой бы он ни был – висит где-нибудь на гвоздике или лежит под одним из этих корней, как под ковриком..."

Иефа подползла к люку вплотную. При большом желании на крышке люка могла бы уместиться вся партия, и еще осталось бы немножко места для сэра Джона. Бугристые и потрескавшиеся, многовековые – даже на первый взгляд – корни вырастали из-под плит и цепко держали, сплетаясь между собой морскими узлами, круглый выпуклый щит из багрового камня, который был ужасно похож, просто ужасно похож...

Иефа даже взмокла от такой примитивной разгадки. Она забралась на самую середину бунтующего люка, цепляясь за корни, чтобы не упасть, и стерла пыль со знакомой уже надписи, спиралью разбегающейся от круглой серебряной пластины в центре. Иефа положила ладонь на пластину и тут же с криком отдернула – серебро было не просто холодным, оно было обжигающе ледяным. От этого холода корни, державшие крышку, медленно чернели, обугливались и осыпались черной трухой. Удары изнутри становились все сильнее и настойчивей.

В глубине зала раздался грохот и крики, Иефа дернулась и как можно быстрее поползла к краю люка, спеша сказать, крикнуть...

Что-то очень гибкое и очень колючее обвилось вокруг правой лодыжки барда, острые иглы огнем прожгли ногу, Иефа закричала и почувствовала, что поднимается в воздух. В бешеной пляске перед глазами мелькнули перевернутые стены, невыносимо засосало под ложечкой, полуэльфку два или три раза перевернуло и понесло напрямик на сцепившихся в нескончаемом поединке стражей. Перед самым носом Иефы пронеслось лезвие призрачного dwarфского топора, и полуэльфка еще успела зажмуриться и пронзительно завопить, прежде чем с размаху вломилась в полупрозрачное тело человеческого стража. Призрак взвыл, Иефу окутало ледяным холодом, а потом стало темно и тихо.

Зулин, почти слившись с каменной кладкой стен, старался идти за эльфом след в след и совершенно не смотрел по сторонам. Какое-то чувство, совершенно не знакомое планару и подозрительно смахивающее на интуицию, подсказывало, что они ищут не там, где надо, и маг упорно пытался понять, откуда взялось это чувство. Зулин всегда доверял только разуму, предпочитая холодный рассудок нервным метаниям из стороны в сторону, неуверенности, сомнениям и прочим гадостям, которые – по его мнению – происходили от чувств. Чувства, видимо, были наслышаны о таком его отношении, а потому Зулина никогда не беспокоили. И хотя Баламут раз за разом упрямо толковал о том, как важно уметь не просто думать и делать выводы, а еще и *ощущать*, Зулин мысленно отмахивался от Учителя и оставался при своем. Чувства! Глупости какие.

Но с самого начала похода маг чувствовал себя не в своей тарелке, и происходило это именно потому, что он *себя чувствовал*. Здесь круг замыкался, и планар оставался в полной растерянности. И логика не спасала.

Зулин сердито помотал головой, пытаясь избавиться от лишних ощущений, и наткнулся на неподвижную спину Ааронна.

– Что случилось?

– Боги, да она с ума сошла! – воскликнул эльф и указал куда-то в противоположную сторону зала. Зулин посмотрел туда и увидел застывших в зеркальном отражении Стива и сэра Джона, причем сэр Джон тоже указывал на что-то рукой. Зулин пожал плечами, поискал взглядом Иефу и вдруг заметил ее, сосредоточенно подбирающуюся к люку.

– Во дура! – изумленно выдохнул маг и ухватил эльфа за рукав. – И что нам теперь делать? Зачем вообще она туда полезла?

– Когда все кончится, спросишь у нее сам! – неожиданно зло рявкнул проводник. – Дальше иди один. У меня тут дело намечается, как видишь!

Зулин обиженно надулся, обошел эльфа и двинулся дальше вдоль стены, тщетно пытаясь привести мысли в порядок. За этим занятием он сам не заметил, как дошел до противоположной входу стороны зала, а когда, наконец, огляделся, забыл обо всем на свете.

В вытянутой части овала, как в нише, стояли рядом три статуи высотой в человеческий рост, в которых без труда можно было узнать беснующихся над люком стражей. Величественные и молчаливые, они словно с неодобрением смотрели незрячими глазами на сумятицу, царившую в зале, и готовы были в любой момент сойти со своих постаментов, чтобы навести порядок и урезонить самих себя.

Зулин выдохнул и подошел поближе. За спиной были призраки, а здесь царили тишина, величие и вечная готовность к бою. Рука каменной эльфки покоилась на рукояти изящного полуторника; человек, надменно вздернув подбородок, опирался на громадный тяжелый двуручник; нахмутив каменные брови, сложил ладони на топорнице дварф. У ног каждой статуи на небольшом каменном возвышении покоилась беловатая полупрозрачная сфера, и эти три сферы, как...

– Три луны... – ошалело пробормотал Зулин. – Три луны должны родиться... и умереть... Три луны... Так вот оно что! Нашел! – он подбежал к статуе эльфки – ближайшей к нему – и опустился перед ней на колени, разглядывая сферу. – Три луны... Демон Баатора! Троллю понятно, что это иносказание! Должны родиться и умереть... Родиться... родиться... Значит, они как-то активируются. Активируются... но как? Стоп, это что такое... – Зулин удивленно поднял белые брови, разглядывая выбитый в камне отпечаток ладони. – Неужели... Черт возьми, неужели все так просто? Логично ведь... Вот "луны", а рядом активатор. Ай да я! Вот и все... Хотя, нет, еще ключ... А, мелочи! Найдется! Ну, старикашка Мо! Все чувства да чувства? Логика! – Зулин гордо расправил плечи, закрыл глаза, сосредотачиваясь, беспечно отмахнулся от отчаянных протестов новорожденной интуиции и накрыл своей ладонью отпечаток.

Сферы вспыхнули и погасли, под ногами планара затряслись плиты, на его макушку посыпались пыль и каменная крошка, грохнуло гулко и мощно, Зулин поднял глаза и похолодел: лицо статуи исказила гримаса гнева, эльфка тряхнула каменными кудрями, выхватила полуторник из ножен и сошла с постамента. Ошалевший планар повалился на спину, бешено заработал ногами, пытаясь отползти, но не успел, перекатился в сторону. Каменный полуторник с грохотом ударил в то место, где только что находился маг. Зулин вскочил на ноги, отшатнулся, уворачиваясь от следующего удара, боковым зрением зафиксировал движение справа от себя, пригнулся, отпрыгнул в сторону, увидел, как сходят с постаментов статуи человека и дварфа, и тогда закричал. Словно в ответ, из центра зала донесся отчаянный вопль полуэльфки и рев Стива, но Зулину было уже не до них.

Ааронн истекал силами. Толстые шипастые плети извивались и жалили, в клочья раздирая одежду, норовили оплести ноги, связать руки, сдавить горло. Корни, державшие крышку люка, почти полностью исчезли под смертоносным плющом, и где-то вверху, как сломанная марионетка на веревочке, моталась опутанная растениями полуэльфка. Ааронн шептал заклинания, лишаящие растения жизни, но ее, жизни, похоже, никогда не было в этих злобных древесных щупальцах – по крайней мере, шипастой лиане от усилий эльфа хуже не становилось. Отрубленные эльфским мечом ветви чернели и распадалась в труху, но на их месте тут же показывались новые – молодые, сильные и гибкие. Ааронн боялся трогать лиану, державшую полуэльфку – Иефа была слишком высоко – а подчинить своей воле эту странную древесную круговерть впервые не мог. Звать на помощь было бесполезно: из глубины зала доносился грохот взрывов, лязг оружия, боевые выкрики дварфа и обрывки заклинаний, и ясно было, что с лианой придется справляться самому. "Ну давай, давай же, очнись, помоги мне! – бормотал эльф, ожесточенно работая мечом. – Ты же можешь, ты сильная, только приди в себя, очнись, у тебя все получится! Ну же! Ну!"

Иефа попыталась отмахнуться от настойчивого, переполненного отчаянием голоса, но руки не слушались. Затылок пульсировал, и в голове били медные молоточки. Иефа подняла голову, медленно, чудовищно медленно, открыла глаза и посмотрела сквозь грязные свалявшиеся черные пряди, упавшие на лицо. Перед ней волновалось марево, и в этом мареве

Иефа вдруг четко и ясно различила синий пронзительный взгляд, искавший ее упрямо и долго. Она встретила взгляд, удивилась его силе и пошевелила губами, пытаясь произнести имя. Рука на затылке сжалась сильнее и дернула, боль полыхнула и забилась, и тогда

Никогда, даже в самом страшном сне, Стив не мог себе представить, что ему придется сражаться против своих. Пусть каменный, пусть статуя, но ведь дварф! Предок, страж! Стив отражал удары каменного топора и отступал, отступал, отступал... Где-то рядом бился со статуей человека сэр Джон, и ему, кажется, тоже приходилось несладко. Зулин носился по залу, стараясь держаться подальше от каменного полуторника и швырял в эльфку огневики, от которых она становилась все злее и злее. В прочем, Стиву было все равно. Потому что он слышал отчаянный тонкий крик барда и не смог даже обернуться на него, не то, что прийти на помощь. А ведь обещал. Обещал!

А страшнее всего было то, что теперь Иефа молчала, и Стив не видел ее, когда в пылу сражения оказывался лицом к люку. Там, в центре, творилось что-то непонятное, лезли и путались какие-то ветки, мелькал размахивающий мечом эльф, а Иефы не было. Провалилась ли она в очередную ловушку, или задохнулась под месивом шипов и листьев – теперь уже не имело значения. Она звала, а он, Стив, не пришел.

Сэр Джон ждал, когда сломается меч. Его клинок выдержал бесчисленное количество боев, но этот явно был последним. Страж бил смертельно и сосредоточенно, сталь и камень встречались со стоном и скрежетом, и сэр Джон выдерживал, пока выдерживал, но человеческое тело – даже если оно тоже пережило бесчисленное количество боев – человеческое тело – не камень. Рыцарь потерял наручи и латные перчатки, доспех на груди был пробит дважды и смят. Очередной удар отбросил сэра Джона далеко назад, он споткнулся о постамент, повалился навзничь и выронил меч. Клинок прощально прозвенел по плитам, отлетев к стене. Прекрасно понимая, что достать его уже не успеет, рыцарь оперся о постамент, чтобы встретить удар стоя, но так и не встал. Его рука накрыла отпечаток ладони возле сферы, и та ожила, наливаясь мутным молочным светом. Страж, занесший над головой двуручник для последнего сокрушительного удара, на секунду остановился, потом медленно опустил меч, поднялся на постамент и застыл, словно и не сходил с него никогда.

Сэр Джон оторвал изумленный взгляд от неподвижного стража и перевел его на свою руку, накрывшую отпечаток ладони. Сфера светилась все ярче и ярче, переполнялась светом, из нее вырвался широкий белый луч, который ударил в потолок над люком. Сэр Джон проследил направление луча и вздрогнул: под потолком, опутанное лианами, качалось из стороны в сторону безжизненное тело полуэльфки. Древесное щупальце задело луч, дернулось и затряслось, а потом опало вниз, перерубленное пополам. Следом за ним полетела девушка. Сэр Джон сорвался с места, схватил за чем-то свой меч и бросился к крышке люка, протягивая руки, как будто еще мог успеть, поймать...

Иефа мешком рухнула на шевелящееся месиво веток, скатилась с люка и осталась лежать, раскинув руки в нелепой попытке обнять кого-то. Сэр Джон пробежал мимо сцепившегося с лианами эльфа, по пути срубил пару колючих плетей, опустил возле полуэльфки на колени, схватил ее за плечи и сильно встряхнул несколько раз.

– Иефа! Иефа! Не молчи! Иефа!

Полуэльфка открыла глаза и посмотрела на рыцаря долгим испытующим взглядом.

– Себ, – произнесла она очень четко, потом немного помолчала и добавила печально: – Я нашла ключ... – и снова потеряла сознание.

– Иефа! – рыцарь похлопал барда по бледным щекам. – Иефа! – он оглянулся в поисках помощи и наткнулся взглядом на истерзанного лианами эльфа. – Ааронн! Ааронн! Бросай все, ее нужно вылечить! Ааронн, черт бы тебя побрал!

– Потом! – крикнул эльф, разрубая лозу, опутавшую ему ноги. – Оттащи ее подальше... к стене! Помоги мне!

Сэр Джон страдальчески сдвинул брови, чертыхнулся и бросился к эльфу, замахиваясь

на бегу.

– Она нашла ключ! – рывкнул он, врубаясь в переплетение веток. – А где он, не сказала! Не успела! Ее надо вылечить *сейчас*, а не потом! Я все понял про луны, но без ключа это бесполезно!

– Я не могу! – прохрипел Ааронн. – Нет сил!

– Трать последние! У нас нет выбора! Пошел! – сэр Джон прорычал что-то нечленораздельное и с новой силой заработал мечом, круша все, что попадалось под руку.

Ааронн отступил на шаг, утер со лба пот и, шатаясь на нетвердых ногах, побрел к Иефе. Рыцарь крутанулся на пятках и одним ударом срубил сразу три лозы, довольно крикнул и тут же выругался, когда на месте срубленных появились новые. Мимо сэра Джона в двадцатый, наверное, раз пронесся планар, преследуемый каменной эльфкой. Рыцарь нахмурился, отскочил подальше от лиан и посмотрел в сторону постаментов.

– Стив! – крикнул он. – Стив! Отпечаток! Руку на отпечаток! Стиииив!

Умирать очень не хотелось, очень, но не было выбора. Каменный дварф был сильнее, тяжелее, а еще он был неуязвим. Лезвие топора затупилось от бесконечных ударов о камень, Стив едва стоял на ногах, левая рука висела плетью. Только и оставалось, что отступать, отступать и отступать, пока не упрешься спиной в стену, а там – две-три минуты, и все будет кончено. Из середины зала что-то истошно вопил рыцарь, но Стив не вслушивался. Он видел, как упала Иефа, как ее пытался привести в чувство сэр Джон, и как он бросил ее, переключившись на лианы. Это могло означать только одно: пигалица умерла, иначе никто не оставил бы ее лежать вот так, посреди зала, где ее в любую минуту могла растоптать эльфка, захватить призраки, опутать колючий плющ. Поэтому Стив перестал смотреть.

Страж наседал, а сил оставалось все меньше. Стив отстраненно подумал, встретится ли он за чертой с отцом, и решил, что, скорее всего, нет. Вряд ли Мораддин берет к себе тех, кто не сдержал слова.

Раздался приближающийся звон доспехов и на каменного дварфа со спины налетел сэр Джон. Страж обернулся и обрушился на рыцаря, давая Стиву возможность перевести дух. Стив оперся на покалеченный топор и тоскливо посмотрел на неожиданного спасителя. Ну, чего ради лезть-то?

– Ты глухой, что ли? – яростно заорал сэр Джон, уворачиваясь от ударов каменного топора. – Руку на отпечаток – быстро! Я долго не выдержу! Соображай, увалень! Иефа нашла ключ! Черт! Дьявол! – страж с размаху опустил топор на голову рыцаря, сэр Джон прикрылся мечом, и он сломался. – Да не стой же ты!

Стив вздрогнул, словно просыпаясь, повертел головой, пытаясь понять, о чем говорит рыцарь.

– Возле сферы, болван! – отчаянно завопил сэр Джон, швырнул обломки меча в стража, который этого вроде как и не заметил, и пригнулся. Над его головой просвистело каменное лезвие. – Да быстрее же!

Стив собрался с силами, приказал себе ни о чем не думать, бросился к пустому постаменту и накрыл своей рукой отпечаток ладони возле сферы. Сфера вспыхнула, и через мгновение за спиной дварфа стало тихо, а еще через несколько секунд раздались тяжелые шаги стража, возвращающегося на свое место.

– Задница Мораддинова! – выдохнул Стив, без сил опускаясь на плиты. – Как ты узнал?

– Случайно, – с трудом переводя дыхание, ответил сэр Джон. – Не расслаживайся особо. У нас тут оранжерея слегка взбунтовалась, а присмотреть некому. Эльф Иефу лечит, а я, как видишь, с тобой здесь... Боюсь, они без надзора скоро по всей башне расползутся. Я... Ах ты, дьявол! Черт, черт, черт!

Рыцарь сорвался с места и как полоумный помчался к люку. Стив, еще не пришедший в себя после разборок со стражем, недоуменно посмотрел ему вслед – и тоже вскочил на ноги.

Слева от люка здоровенная толстая лоза опутала ноги эльфа и тащила его в самую гущу веток, Ааронн сопротивлялся, но как-то слабо, словно из чувства долга, а не по внутренней

необходимости. Но дело было даже не в Ааронне. Ухватив эльфа под мышки, поминутно падая на колени и вновь поднимаясь, у люка возилась Иефа, не давая лиане утащить проводника. Стив издал вопль восторга и ринулся к люку, размахивая топором. Сэр Джон опередил его, подлетев к барахтающейся на плитах полуэльфке, выхватил у нее из ножен меч и принялся кромсать лиану, ругаясь на чем свет стоит. Шипастая плеть почернела и лопнула, Иефа повалилась на спину, так и не отпустив эльфа. Рыцарь с диким гиканьем принялся за уничтожение растений.

Стив подбежал к полуэльфке, стащил с нее в конец обессилевшего проводника. Иефа всхлипнула и посмотрела на дварфа абсолютно сухими глазами.

– А я ключ нашла.

– Хрен с ним, с ключом! – крикнул сэр Джон, отмахиваясь от плюща. Иефин мечик смотрелся в его руке до безобразия нелепо. – Отнесите эльфа к постаменту! Нужно выручать Зулина!

– Но как... – начала полуэльфка.

– Стив знает!

– Меня ноги не держат... – пожаловалась Иефа.

– Сиди тут, – буркнул Стив, от полноты чувств растерявший основной словарный запас. – Без тебя разберусь.

Он взвалил эльфа на плечо и потащил к единственному пустому постаменту, обладательница которого в данный момент пыталась пришить измотанного бесконечной гонкой мага к стене. Ааронн предпринял вялую попытку что-то возразить, но дварф, разумеется, не слушал. Эльф вздохнул и потерял сознание. Добравшись до места, Стив с удивлением обнаружил, что проводник на какое-то время распрощался с окружающим миром – в прочем, дварфа это не смутило. Рассудив, что война есть война, Стив решил не церемониться, свалил эльфа на плиты, взял его руку и прижал к отпечатку возле сферы. Через две минуты эльфка была на месте, а Зулин со стоном повалился на пол, широко разевая рот, как выброшенная на песок рыба.

– Вот это сходили за хворостом, – пробормотал он, задыхаясь. – Ни хрена себе...

– Ты когда-нибудь был внутри привидения? – задумчиво спросила Иефа и подняла голову, всматриваясь в призрачную круговерть под потолком. – Это все Башмаки Правды, от них так болят ноги...

– Иефа! – тревожно позвал маг.

– погоди, погоди... – Иефа нахмурилась и потерла лоб. – Что-то очень важное сказать... я путаюсь. Суд, башня, Башмаки Правды, и потом еще пони...

– Иефа!

– Нет, погоди, я нашла ключ, а потом...

– Ключ?! – взвился Зулин. – И ты молчишь?! Где?! Какой он?!

– Пони... – пробормотала полуэльфка. Вид у нее был безумный. – Пони, качели в парке и вредная нянька, а потом эти башмаки... Я не могу ходить – видишь?

– Нашла время! – Зулин схватился за голову. – Не сходи с ума! Не сейчас! Иефа!

– Но почему же так... – полуэльфка невидящим взглядом уставилась куда-то в пустоту. – Ведь есть же причина...

– О, демон Баатора! Да возьми же себя в руки! – Зулин отвесил барду две звонких пощечины, взгляд Иефы стал осмысленным, но обрадоваться этому планар не успел. Крепкий бардовский кулачок вписался в переносицу мага, Зулин повалился на спину и со стоном схватился за лицо.

– Ты не смеешь меня бить, – злым голосом сказала Иефа. – Никто не смеет меня бить!

– Стиииив! – отчаянно завопил Зулин, с трудом поднимаясь на ноги. – Стиииив! Сделай что-нибудь – она не в себе!

– Зулин, огневик! – крикнул сэр Джон. – Принимай на себя, а я тут разберусь!

– Желаю удачи! – огрызнулся Зулин и послал огненный шар в самую гущу лиан. Колючие ветви взметнулись вверх и закачались, словно пытались сбежать от пламени. Сэр

Джон опустился на колени рядом с полуэльфкой и взял ее за плечи. Иефа широко открытыми глазами смотрела в огонь и беззвучно шевелила губами, раз за разом сменяя воздух в имя.

– Иефа. Пожалуйста. Посмотри на меня... – сэр Джон легонько встряхнул полуэльфку и заставил посмотреть себе в лицо.

– У тебя глаза синие, – произнесла Иефа. – Взгляд... Неужели ты думаешь, что я ничего не поняла?

– Иефа, милая, сосредоточься, – голос рыцаря дрогнул, но он быстро справился с собой. – Нам нужен ключ. Где он?

– Ключ... – полуэльфка горько усмехнулась. – Что за стремление врать... Ключ у меня. Он все время был у меня. – Иефа покопалась в мешочке на поясе и выудила "волшебную палочку". – Он у меня с тех пор, как мы пытались перевести эту чертову надпись. А замочная скважина – в центре люка. Ты мне ничего не скажешь?

– Потом. Потом, ладно? Я...

Иефа зажмурилась и упрямо качнула головой. Из переплетения лиан выметнулась толстая колючая плеть и отшвырнула Зулина далеко в сторону. Чахлый огневик размером с dwarфский кулак врезался в стену, оставив после себя черное пятно. Сэр Джон вскочил, рубанул лиану мечом. Ошеломленный падением маг барахтался на плитах, пытаясь подняться на ноги.

– Герой... – неизвестно о ком сказала Иефа и добавила, презрительно выгнув левую бровь: – Ну, распоряжайся... рыцарь.

Сэр Джон глянул на полуэльфку и повернулся к магу.

– Зулин, слушай! Только очень внимательно! Ты слушаешь?

– Ну! – пропыхтел планар.

– Я иду туда, к статуям. Втроем, если эльф уже очнулся, мы активируем сферы. Жги лианы изо всех сил, без передышки – нам нужна середина люка. Когда откроется скважина, пусть Иефа...

– Я знаю, – процедила Иефа. – Время идет.

Сэр Джон запнулся, не договорив, нахмурился, круто развернулся и помчался к статуям. Зулин, так и не разобравшись, что к чему, с неожиданным облегчением плюнул на все и принялся увлеченно жечь лианы, как было приказано. Рыцарь добрался до статуй, задержался секунд на десять возле Стива с Аароном, видимо, излагая план действий, и направился к среднему постаменту. Стив заботливо устроил полуобморочного проводника возле статуи эльфки, а сам занял место около фигуры dwarфа. Сэр Джон окинул взглядом поле боя и махнул свободной рукой.

– Триединство... – пробормотала Иефа и крепко сжала серебряную рукоять ключа. – Плечом к плечу пойдут на рать... Надо же, как все кстати совпало.

Сферы вспыхнули молочным светом, вспыхнули ярко, радостно, из них вырвались прямые широкие лучи, такие серебристо-плотные, что, казалось, их можно было потрогать рукой. Лианы, почти полностью покрывшие люк, заволновались и задергались, избегая соприкасаться со светом. Призраки под потолком, когда лучи добрались до них, прекратили бой и растворились в воздухе – остались только пустота и затихающий звон стали. У Иефы закружилась голова, старинное серебро рукояти ключа начало покалывать кожу ладоней.

Лучи белого света ударили в потолок над люком, и там, в сером усталом камне, очертились и начали наливаться серебром три окружности, они заполнялись с правого бока, полукругом, как растет молодой месяц, и чем полнее они становились, тем тоньше и прозрачней делались лучи. Иефа, позабыв обо всем на свете, заморожено наблюдала рождение лун – что это были именно луны, полуэльфка не сомневалась.

Плети колючих лиан взметались вверх, пытаясь достать и смять, и бессильно падали вниз, не выдерживая серебристого сияния. Луны заполнились светом до конца, вспыхнули, и из всех трех в одну точку, в центр крышки люка, ударили лучи, похожие на те, что пробудили луны к жизни.

– Пора... – прошептала полуэльфка и медленно пошла к люку.

Зулин усердно швырял огневики, выжигая барду проход, лианы вяло сопротивлялись, но уже не имели той мощи, и лишь слабо цепляли полуэльфку то за рукав, то за пряжку на ботинке. Иефа не обращала на них внимания. Она осторожно ступила на крышку люка и замерла: так близко, слишком близко, и это руки луны, которые можно погладить и попросить – мама, забери меня домой, я буду лететь над лесом, я буду бежать по опавшим листьям, и никто меня не услышит...

Крышка люка дрогнула и заходила ходуном. Иефа не удержалась на ногах, упала на колени. Серебряная пластина в центре люка, засыпанная хлопьями сажи и обрывками сгоревшего плюща, затряслась и отлетела в сторону, из открывшегося отверстия вырвались струи ледяного воздуха и страшный нечеловеческий рев. Ветви лиан ожили и потянулись, извиваясь по-змеиному, к скважине. Иефа глубоко вздохнула, на секунду закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться, и перевернула ключ камнем вниз. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что так убийцы держат кинжал перед тем, как вонзить его в спину своей жертве. Да-да, именно убийцы, и чем она, Иефа, лучше, ведь четыреста лет – четыреста лет! – темноты, безумия и... *голода, да, четыреста лет невыносимого голода, и вот теперь всего лишь глупая каменная плита отделяет от сытой свободы, и еще этот свет, будь он проклят, отвратительный, смрадный, самодовольством пылуший свет, конечно, что еще они могли придумать, эти надутые ревнителю морали, разве они знают, что такое четыреста лет в аду, эти сопливые судьи, не нашедшие в себе сил и мастерства убить, эти трусы, готовые обречь на вечные муки, лишь бы избежать ответственности, и ты такая же, такая же, способная измучить и уничтожить, лишь бы не смотреть в лицо своему страху, а страх тоже имеет право жить* в каждом...

– Иефааааа! Ну! Ну же!

Иефа вздрогнула и очнулась. Колочие лозы стремительно и больно оплетали запястья и все норовили сжать, сжать посильней. Иефа дернулась, обдирая ладони, сорвала с себя плющ и, не медля больше ни секунды, вставила ключ в скважину

В сердце, в сердце, прямо в сердце

Лунный свет жидким огнем облил руки по локоть, Иефа запрокинула голову и истошно закричала, не имея сил терпеть, но ключ не выпустила. Борясь с желанием сдаться, полуэльфка не видела, как почернели и осыпались хлопьями сажи колочие плети лиан, как из обугленных останков корней потянулись, наливаясь силой, гибкие молодые побеги, как эти побеги тугой сетью оплели крышку люка... Только почувствовав какое-то движение под руками, она собрала остатки воли и посмотрела вниз, на рукоять ключа, на которой медленно распускались витые серебряные листья.

"Неужели все..." – мелькнуло в голове полуэльфки. Своя это мысль или чужая, радость это или отчаяние, она так и не смогла понять. Иефа упрямо мотнула головой, переместила кровоточащие ладони на серебряные листья и резким движением повернула ключ.

Глава 6

– Как тихо... – прошептал Ааронн. – Просто непередаваемо тихо. Каменно тихо. Тихо, как...

– Скажите мне, уважаемый друид, – устало проговорил сэр Джон. – Это правда, что в эльфийском наречии насчитывается более десяти определений тишины?

– Живы – и то хорошо, – проворчал Стив. – Помолчали бы вы чуток, а?

– Тоже правильно, – согласился сэр Джон.

– А Иефа? – обеспокоено поднял голову эльф. – Она... как?

– Так же, как и все мы – довольно хреново, – усмехнулся рыцарь и с трудом поднялся на ноги. – Пойдемте к ним. Можешь идти сам? – он подошел к эльфу и протянул ему руку.

– Не знаю, – честно признался Ааронн. – Попробую.

Сэр Джон помог эльфу подняться и повел, поддерживая под руку, к люку. Ааронн спотыкался и все время заваливался на бок, как пьяный, но упрямо переставлял ноги.

У люка, обняв колени руками, сидел Зулин и задумчиво смотрел на полуэльфку. Иефа не двигалась, и порой казалось, что в зале стало на одну статую больше.

– Она так и сидит? – спросил рыцарь, опуская проводника на плиты.

– Ага, – кивнул Зулин и вздохнул. – Похоже, для нее еще ничего не закончилось. Я пробовал ее звать, но она не реагирует. А вы как?

– "Каком" кверху, – буркнул Стив и подошел к полуэльфке. – Иефа, слышь? Ты того... слезай уже оттуда, чего там сидеть – закончилось все...

Иефа медленно повернула голову и посмотрела на дварфа отрешенным прозрачным взглядом, как в сугроб уронила. Стив содрогнулся, но не отступил.

– Я чего говорю – надо отсюда валить, слышишь? Мы свое дело сделали, и копать тут нечего. Ты можешь встать? Силы есть? Давай, я помогу...

– Я сама.

Иефа поднялась на ноги, покачнулась, постояла секунду и сошла с люка, осторожно переступая через корни. Стив посмотрел на ее руки и мысленно выругался: похоже, в ближайшее время на музицирование можно было не рассчитывать.

– Мы прямо сейчас уходим? – спросила полуэльфка, ни на кого не глядя. – Если нет, то я еще немножко посидела бы. Я... Я устала очень.

– Ничего-ничего, посиди, – разрешил Зулин. – Нам всем не помешает немного перевести дух. В конце концов – такое дело сделали! Кстати, а где ключ?

– Там, – коротко ответила Иефа, указав на люк, глянула на недоуменное лицо мага и нехотя объяснила: – Он расплавился. Он теперь скважину закрывает, вместо старой пластины.

– Нехорошо, – покачал головой сэр Джон и досадливо поморщился. – Совсем нехорошо...

– Чего "нехорошо"-то? – насупился Стив.

– Нехорошо, что ключ не сохранился, – оглянулся на дварфа рыцарь. – Сколько камней в саркофаге у эльфки?

– Два.

– У дварфа?

– Два.

– А должно быть?

– Должно быть по три.

– А в человеческом саркофаге?

– Не знаю, – пожал плечами Стив. – Сейчас гляну.

– Я и так практически уверен, что ни одного, – сказал сэр Джон, глядя в удаляющуюся дварфскую спину.

– Погоди, – Зулин беспокойно заерзал и подался вперед, – погоди, ты хочешь сказать, что... Что?

– Я хочу сказать, – усмехнулся сэр Джон, – что все вот это, – он обвел рукой зал, – обязательно повторится. Защита башен ослаблена, следовательно, тот, кто под озером, через некоторое время – ну, скажем, три-четыре столетия – поднакопит сил и снова попытается вырваться на свободу, а ключа у вас нет.

– У нас? – переспросила полуэльфка и недобро сощурилась. – Прошу прощения, нас это больше не касается. Одного раза вполне достаточно. Мы вообще здесь оказались случайно.

– Раз уж вы вступили в дискуссию, – рыцарь заметно оживился и повернулся к барду, – позвольте полюбопытствовать: а как же судьба человечества?

– Вы прекрасно знаете, дорогой *сэр Джон*, что судьба человечества меня совершенно не интересует. – Иефа сделала равнодушное лицо и отвернулась. – Вы эти камни из саркофагов повыковыривали, вы их обратно и вставляйте.

– Что?!! – дружно подскочили маг и проводник.

– Да ладно вам дергаться – вы же сами кричали: отойди от него, он некромант, это его

зомби... По-моему, эти раскопки начали не мы. Я так думаю, что наш драгоценный сэра Джон – кстати, рыцарь, верните даме меч – и есть тот самый гад, который, как мы с вами думали, хотел получить гадость, спрятанную сотни лет назад, и стать еще более гадючим гадом, чем он есть сейчас. Просто что-то пошло не так: или ситуация вышла из-под контроля, или сэра Джон был недостаточно осведомлен, а подслушав наши рассуждения, получил более полную информацию, которая его не устроила... Но в итоге ему пришлось благородно рисковать собственной жизнью, оказывая неоценимую помощь компании неудачников и простофиль, так кстати подвернувшихся под руку.

– Мстительная... – улыбнулся сэра Джон, протягивая полуэльфке ее меч рукоятью вперед. – Предупреждая дальнейшие расспросы, спешу заверить: камней у меня нет, и где они, я не знаю. А что касается раскопок... Лично мне больше нравились те счастливые времена, когда мы все делали вид, будто верим, что столкнулись в лесу в поисках хвороста и чистого воздуха.

– Нет там ни хрена никаких камней! – объявил подошедший к ошеломленному магу Стив. Зулин вздрогнул и нервно посмотрел на дварфа. Стив держал в руках здоровенный двуручный меч, подозрительно похожий на каменный меч человеческой статуи.

– А это ты где взял? – осторожно поинтересовался планар, на всякий случай отодвинувшись подальше.

– Это? – Стив смущенно посмотрел на меч и даже слегка покраснел. – Это... там. – Он неопределенно махнул рукой в сторону статуй.

– Дожили, – задумчиво проговорила Иефа. – Стив – расхититель гробниц...

– Ничего я не расхищал! – возмутился Стив. – Он там сверху лежал! И я не для себя! Сэра Джон, когда мою задницу прикрывал, меч сломал, я для него взял!

– Весьма польщен, весьма... – рыцарь поднялся на ноги и отвесил почтительный поклон, полуэльфка презрительно фыркнула. – Я от всей души благодарю, но... Этот меч не для меня. Правда, без обид, он слишком велик. Оставь его себе.

– Тебя отвергли, Стив, будь добр, положи, где взял, – поморщилась Иефа. – Что за мародерские наклонности, в конце концов.

– Еще чего! – огрызнулся дварф. – Хорошая вещь, добротная, такие на дороге не валяются. В хозяйстве пригодится.

– Ты ведешь себя, как гибберлинг! – поморщилась Иефа. – Те тоже хватают все, что плохо лежит.

– Оставь меня в покое, ты! – завелся Стив.

– Ну, раз Стив с Иефой затеяли грызню, значит, мы все уже достаточно отдохнули, – резюмировал Ааронн, поднимаясь на ноги. – Предлагаю выбраться на поверхность. Не знаю, как у вас, а у меня этот зал положительных эмоций не вызывает.

Сказать было легче, чем сделать. С грехом пополам добравшись до винтовой лестницы, партия застряла надолго. Стив категорически отказался расстаться со своим, как он выразился, военным трофеем, а первая же попытка самостоятельно поднять меч вверх по лестнице надолго выбила его из колеи. Зулин брюзжал и зывал к дварфскому здравому смыслу, Ааронн просто побледнел и молча опустился на пол, да так и остался сидеть, и ни в какие дискуссии не вступал. Иефа изо всех сил старалась ничего не комментировать, но себя не переделаешь, и едкие замечания полуэльфки в конце концов довели Стива до такой ярости, что он искренне пожелал барду провалиться куда-нибудь как можно скорее.

Сэра Джон молчал. И это нервировало Иефу больше, чем все дварфы мира и все могильные мечи, вместе взятые. Он молчал и смотрел полуэльфке в спину, и знакомое уже ощущение пристального взгляда пугало и злило. Ведь был момент, когда показалось, пусть на секундочку, но уж так сильно показалось, что он свой, понятный, опасный, и от этого еще более интересный, и что играет с тобой в одну игру, которая остальным не доступна, и только вы вдвоем знаете правила, и от этого смешно и немного смущенно. Ведь был момент, когда Иефа от пяток и до макушки прониклась непоколебимой уверенностью: *он* врать не будет. Кому угодно, только не ей, Иефе! Потому что она была, эта связь, никто ее не

выдумал, и это не расстроенные нервы маленькой нервной барышни, и не живое поэтическое воображение, воплощенное в снах, – это *правда* !

Ведь был, черт побери, момент, когда Иефа, снова выброшенная призрачной яростью в чужой сон, *увидела* и почти все поняла, и не хватало только одного слова.

И этот его синий взгляд...

Тогда все казалось так ясно и просто.

Сейчас, под аккомпанемент раздраженной дварфской возни и препирательств, Иефа уже не могла определить, было это все на самом деле или действительно сдали нервы. И было так обидно, обидно, словно в праздник – ушат грязи на единственное нарядное платье, которое шила тайком. И то, что сэр Джон опять строил из себя куртуазного почитателя ее сомнительных прелестей, и блистал сомнительным остроумием, и выказывал сомнительную почтительность, и сам по себе стал сомнительным насквозь – все это вызывало жгучее желание крикнуть ему в лицо какую-нибудь нелепицу, чтобы сбить, сбить...

– Иефа.

– Я вас слушаю.

– Хотел задать вам один вопрос, моя пленительная барышня, но вы так сердиты, что...

– Ну?

– Бог мой, чем же я вас так обидел, что...

– Сэр Джон, драгоценный мой, не надо. Спрашивайте уже.

– Там, в башне, после того, как вы пришли в себя... на некоторое время... в общем, вы произнесли одно имя, видимо, обращаясь ко мне... Оно меня удивило. Я хотел спросить, что это за имя? Откуда вы его взяли?

– Как мило, мой славный рыцарь. А я так надеялась задать этот вопрос *вам*. Сэр Джон, что за имя я произнесла там, в башне, когда пришла в себя... на некоторое время? Откуда я его взяла?

– Как жаль...

– Вы тоже так думаете?

– Да, жаль, что я не в силах оправдать ваши надежды. А хотелось бы, дьявольщина, очень хотелось бы... Верите ли, трепещу, как влюбленный мальчишка! Все изыскиваю способы произвести на вас неизгладимое впечатление.

– Во-первых, дорогой сэр Джон, вы сами прекрасно понимаете, что я вам не верю ни на йоту, и хватит уже идиотом прикидываться. Во-вторых, прекратите выкаблучиваться, потому что у меня нет ни малейшего желания участвовать в вашем спектакле – мне, видите ли, сценарий не нравится – а в-третьих, произвести на меня неизгладимое впечатление очень просто.

– Откроете тайну?

– Попробуйте сказать правду – на меня это действует гораздо сильнее, чем улыбки и комплименты.

– Правда – это так скучно... Говоришь людям правду, а тебя обвиняют в отсутствии деликатности, говоришь людям правду, а тебя называют жестоким, говоришь людям правду, а на тебя вешают ярлык глупца. Честно говоря, не хочется быть ни первым, ни вторым, ни третьим. Вы хотите правду? Извольте: с длинными волосами вы были куда милее, чем сейчас. Ну вот, теперь у вас взгляд убийцы. Иефа, милая, никому нельзя говорить правды, а особенно женщинам.

– Давайте отойдем на пару шагов, – полуэльфка взяла рыцаря за руку и отвела подальше от лестницы. – Мне кажется, вы покинете нас, когда мы отсюда выйдем, разве нет?

– Как странно... – сэр Джон внимательно посмотрел на Иефу и легонько коснулся пальцами ее щеки. – Ты сплошная загадка. Так быстро меняешься. Только что шипела, как дикая кошка, а теперь...

– Просто нам нужно попрощаться, – Иефа встала на цыпочки, обвила шею рыцаря руками и прижалась щекой к его щеке. Сэр Джон удивленно вздохнул и обнял Иефу, крепко-крепко.

– И все-таки, там, в башне... Ответишь?

– Конечно, – шепнула Иефа и запустила пальцы в густые черные кудри рыцаря, поморщившись от боли в израненных ладонях. – Конечно, отвечу. Ты трус. Это все, что ты смог для нее сделать? – рыцарь дернулся, но Иефа держала крепко. – Ты, ты, она ждала тебя все это время, она ждала только тебя, она держалась изо всех сил, потому что верила, что ты придешь! И это все, что ты мог для нее сделать?! – горячий шепот полуэльфки шевелил пряди на рыцарском виске, сэр Джон ухватил Иефу за запястья, пытаясь вырваться. – Кричать ей, чтобы она не молчала, когда она была уже не она, когда она была уже истерзанным куском мяса, мечтающим только об одном: скорей бы все кончилось! Слишком поздно! Что ты сделал потом? Сбежал? Отрекся от нее? Почему ты не пошел на костер вместе с ней или не спас ее, если так любил?! И после этого ты смеешь играть со мной в игры, когда я видела твои глаза, когда я *знаю*, потому что была там, в ней, ты смеешь задавать мне вопросы небрежным тоном, после того, как бросил нас там, в застенках? – сэр Джон глухо застонал сквозь зубы, но Иефа не собиралась его жалеть. – Когда это было? Сколько лет назад? Сто? Двести? Триста? Почему я? Почему я должна терпеть вашу боль, если ты не снизошел даже до того, чтобы просто *поговорить* со мной? Потому что тебе стыдно, да, Себ? Или ты боишься? Открою тебе одну тайну, Себ, когда ее сжигали, она не искала в толпе твой взгляд – ей было уже все равно. Она следила за птицей!

Иефа разжала руки, и сэр Джон, задыхаясь, отшвырнул ее от себя, как отшвыривают паука или ядовитую змею. Иефа ударилась спиной о стену, подняла голову и посмотрела на бледного, как полотно, рыцаря.

– Ты хотя бы отомстил за нее, Себ?

Сэр Джон круто развернулся на пятках и бросился к лестнице, где все еще переругивались из-за двуручника Стив и Зулин. Иефа посмотрела на свои запястья, на которых багровым цветом наливались следы пальцев, и подумала: как хорошо, что этого разговора никто не заметил...

Сэр Джон вихрем налетел на Стива, заявил, что потащит меч сам, поскольку ему это удобней, подхватил двуручник и зазвенел им вверх по ступеням, чем моментально свел дискуссию на нет. Стив пожал плечами и отправился за ним, Зулин, все еще ворча, вместе с Иефой потащил полуобморочного эльфа. Лестница, хоть и казалась бесконечной, тем не менее, закончилась, Иефа пихнула под зад слабо трепыхающегося Ааронна и выбралась сама. Через пролом в стене на плиты падали рыжие солнечные лучи, в них плясала пыль, и воздух был такой чистый, свежий...

– Долго же мы возились, – сказал Стив. – Глядите-ка, через пару-тройку часов уже и темнеть начнет.

– Да уж, денек выдался... – согласился Зулин, почесывая за ухом урчащего Зверя. Когда маг выбрался из башни, фамилляр утробно взвыл, черной молнией метнулся к хозяину на руки и чуть не сшиб его с ног. В прочем, Зулин не обиделся: всегда приятно – объяснил он – когда тебе кто-то рад. Теперь Зверь, блаженствуя, пел свои кошачьи песни.

– Нужно найти место для лагеря, – пробормотал эльф. – Нужно отдохнуть и поесть, иначе с нами справится даже одинокий хилый барсук, не говоря уже о гоблинах и совомедведях.

– Типун тебе! – шикнул Стив. – Накличешь еще. Сэр Джон, вы тутешние места знаете... – дварф повертел головой в поисках рыцаря и удивленно поднял брови. – А где...

– Иефа, – засмеялся маг, – похоже, твой ухажер повел себя, как всякий порядочный мужчина – свалил, не попрощавшись!

– Ну, почему же, – скромно улыбнулась полуэльфка. – Мы попрощались, еще в башне.

– А как же ужин со свечами, то есть при свечах? – ехидно поинтересовался Стив, в прочем, без истинного злорадства, а так, для порядку.

– Ужин я отменила, – Иефа подняла с земли свой рюкзак и отряхнула с него кошачью шерсть. – Послушай, Зулин, Зверь, вне всяких сомнений, отличный сторож, но попроси его,

чтобы в следующий раз он сидел на *твоих* вещах. И вообще, давайте уйдем отсюда подальше. Понимаю, что я не оригинальна, но теперь-то уже можно?

– Жаль, – печально вздохнул маг. – Очень опрометчиво ты поступила, Иефочка. От ужина я бы сейчас не отказался.

– От ужина сейчас никто бы не отказался, – Иефа закинула рюкзак за спину и сощурилась, глядя на солнце. – Проблема в том, что никто не приглашал на ужин тебя. Мы ведь когда-то – давным-давно – шли на северо-восток, верно? Куда мы пойдем сейчас?

– Туда и пойдем... Нужно вернуться и найти след. Если он, конечно, еще существует. Придется срезать угол... – вздохнул Зулин. – Ааронн, поведешь?

– Если вы меня понесете, – отчеканил эльф.

От башен решили отойти подальше, насколько хватит сил. Через час вялого шатания по зарослям Зулин сдался и распорядился искать место для ночлега. Подходящую поляну нашли довольно быстро, Зулин проворно обустроил себе спальное место и моментально на нем растянулся, разглагольствуя на всякие кулинарные темы, и тут выяснилось, что еды нет. То есть, совсем нет, ни крошки. Партия с надеждой уставилась на Ааронна, но тот был непоколебим. Он сурово заявил, что в данной ситуации его способности целителя имеют большее значение, чем степень наполненности желудка, а потому он останется в лагере и ни на какую охоту не пойдет. Если хотите – любезно предложил эльф – покажу, как ставить силки. Тогда Зулин со Стивом дружно повернулись к Иефе, а Иефа – к Зверю, который прикинулся пеньком или чем-то вроде. В итоге, после длинного и раздраженного эльфского монолога, Иефа с выражением крайней тоски на лице и мотком бечевки в руках отправилась в лес ставить силки, Стив традиционно занялся поиском дров, а Зулин с увлечением принялся за магические эксперименты по созданию всяческого рода пищи неприродного происхождения.

Промучившись с полчаса, Иефа скептически осмотрела кошмарное сооружение из веревок и веток и подумала, что в такие силки может попасть только впавший в маразм пингвин. В прочем, начинать все сначала смысла не было. Полуэльфка вздохнула, отряхнула землю и веточки с колен и отправилась в лагерь.

Стив давно так не веселился. Насобирав топлива, он развел костер и уселся неподалеку, наблюдая за магом. Зулин имел вид важный, загадочный и чрезвычайно сосредоточенный, отчего становился похож на двухлетнего карапуза с деревянным игрушечным ведром в руках.

Неизвестно, о чем думал и на чем сосредотачивался Зулин, но первым его творением стала большая чугунная утятница на ножках, которая убежала с поляны с истерическим криканием. ("Вот так появляются бестии, – прокомментировал Ааронн – создай еще одну такую же, только мужского пола, и они начнут размножаться". Зулин буркнул, что первый блин всегда комом, и главное – не результат, а то, что он понял принцип. Стив предложил делать ставки.)

Потом настал черед молотка с коровьими ушами и хвостом, который мычал и насккивал на своего создателя явно с агрессивными намерениями. Разрубленный дварфским топором на четыре части, молоток издал предсмертный стон и издох. Зулин вытер пот со лба и высказался в том смысле, что отбивные – не самая полезная пища, а вот если сделать фаршированную щуку... И тогда эльф не выдержал. Разъяснив при помощи жестов и мимики, что он думает о магических способностях командира, Ааронн сосредоточился, сформировал внушительных размеров каплю над котелком, в который она с шумом и плеском свалилась, наколдовал горку невразумительных фиолетовых ягод, похожих на гибрид сливы и клубники и... Иссаяк.

Стив разочарованно посмотрел на ягоды, укоризненно – на мага, сочувствующе – на побледневшего эльфа и с надеждой – на Иефу.

– Что? – настороженно спросила полуэльфка, убедившись на всякий случай, что взгляд предназначен именно ей, а не кому-то, кто стоит за ее спиной.

– Ты, кажется, силки ставила или что-то вроде того?

– Ну и что? – Иефа почувствовала, что именно сейчас ей меньше всего хочется вставать и идти куда-то в заросли проверять силки.

– Часа два прошло уже, – сообщил Стив. – Надо бы посмотреть – вдруг кто попался?

– Стив, не смеши меня! Ну какие силки, о чем ты говоришь?! Я тебе без всяких проверок говорю – они пустые! Просто потому, что я не умею их ставить!

– Так ты чего, получается, – грозно нахмурился дварф, – даром моток отличной бечевки извела?!

– А меня кто-то слушал?! – искренне возмутилась полуэльфка. – Когда я вам битый час талдычила: не умею! Что вы мне сказали? "Лучше тебя с этим никто не справится!" "С таким учителем, как Ааронн, точно все получится!"

– Ну и правильно сказали, – вмешался Зулин. – Ты же наполовину эльф, для тебя лес – открытая книга, в которой все понятно... Тебе просто лень идти.

– Да, мне лень! – полуэльфка чуть не плакала. – Уже темнеет, и пока я буду ходить туда-сюда, – заметьте, без всякой пользы – стемнеет окончательно, а я достаточно набегалась сегодня и устала не меньше вас!

– Иефа, ты есть хочешь? – мрачно спросил Ааронн.

– Хочу.

– Тогда иди и не трать время на разговоры. Кто знает, может, нам крупно повезло, и в твои... хм... *сооружения* попал какой-нибудь сумасшедший заяц.

– Не попал!

– Иефа!!

"Сумасшедший заяц. Сумасшедший заяц! Еще немножко, и у вас в партии будет сумасшедший бард без лютни! Охамели окончательно. Пророческие сны – еще туда-сюда, ладно, драться с мужиками на равных – тоже можно пережить, так получилось, ничего не подделаешь, зомби, некроманты, башни, призраки, бешеные лианы, волки, мертвые озера, мутанты, гибберлинги – это еще куда ни шло... Но силки!..." Иефа остервенелась отпихивала ветки, так и норовившие выколоть глаз или впиться в щеку. Конечно, логика в словах мага была, Иефа чувствовала лес, и ночевать на охапке опавших листьев ей было не в первой, но что касается искусства сооружения ловушек... Ночуя в лесу, Иефа предпочитала пользоваться чужими капканами, а не устанавливать свои.

Не доходя до нужного места шагов двадцать, полуэльфка остановилась и настороженно прислушалась: судя по треску веток и невразумительному бурчанию, в силки все-таки попался какой-то совершенно безмозглый зверек и теперь изо всех сил пытался высвободиться. Иефа тряхнула головой, отгоняя непрошенную жалость, и решительно пошла на звук.

Выглянув из-за дерева, Иефа несколько подрастеряла свою решимость, потому что существо, возившееся в бечевочной паутине, было отнюдь не маленьким. То есть, оно, конечно, не было гигантским или даже просто огромным, но все-таки для сумасшедшего зайца или, скажем, куропатки казалось великоватым. Иефа мысленно поставила себя рядом с существом и совсем расстроилась – даже по самым скромным расчетам неожиданная добыча макушкой доходила полуэльфке почти до середины бедра, а Иефа нигде и никогда раньше не слыхала о куропатках таких размеров.

В голове появилась заискивающая мысль о возвращении в лагерь за подмогой. Иефа нахмурилась и собрала волю в кулак. В конце концов, существо, запутавшееся в силках, не могло быть опасным. Во-первых, если оно попало в такую ловушку, значит, оно не очень умное. Во-вторых, если до сих пор не разорвало бечевку, значит, не очень сильное. В-третьих, если не смогло выпутаться, значит, не очень ловкое. И, наконец, в-четвертых, судя по тому, как жалобно оно курлычет, не очень храброе.

Подбодрив себя таким образом, Иефа вытащила меч из ножен, дала себе честное-пречестное слово, что не будет смотреть существу в глаза, и пошла к силкам.

Услышав приближающиеся шаги, существо заполошно заухало, задержалось, забило передними лапами и вдруг, повернув голову на 180 градусов, посмотрело на барда в упор. Иефа пискнула и выронила меч. В сгущающихся сумерках на полуэльфку смотрели, печально моргая, два совиных глаза и поблескивали желтым. Существо повело маленькими круглыми ушками, открыло крючковатый клюв и жалобно забурчало.

– Мамочки мои... – прошептала Иефа, совершенно растерявшись. Детеныш совомедведя затих и принялся доверчиво разглядывать полуэльфку.

– Мамочки мои, – повторила Иефа просто для того, чтобы что-нибудь сказать. – Мамочки мои... Как же ты сюда попал?

Детеныш подрыгал лапокрыльями и запутался еще больше.

– погоди, не шевелись... – Иефа подняла меч и принялась осторожно разрезать бечевку, невообразимым образом опутавшую совомедведя со всех сторон. – Это же надо было так умудриться... Ты совсем маленький еще, да? А где же твоя мама?

При мысли о "маме" Иефе стало дурно, и она заторопилась, поминутно оглядываясь. Детеныш весело мотал головой и с любопытством совал клюв барду в руки. Иефа взмокла, распутывая особенно хитро закрученный узел на задней лапе совомедведя, и успела как следует обругать сопартийцев, за то, что они ее послали на такое опасное дело, и себя, за то, что согласилась, когда детеныш радостно ухнул и отряхнулся, сбрасывая с себя обрезки бечевки.

– Ну все, иди! – Иефа махнула на совомедведя руками и отошла на несколько шагов. – Иди к своей маме! Чего стоишь? Иди отсюда! Пошел прочь! Пошел!

Детеныш сел на задние лапы, прикрыл передними клюв и жалобно заревел.

– Ну, что ты? – испугалась полуэльфка. – Ну что такое? Перестань, пожалуйста... Все хорошо, все уже хорошо, никто тебя не обидит...

Детеныш перестал реветь, опустился на четвереньки и поскакал, смешно взбрыкивая задними лапами и переваливаясь, к Иефе, уткнулся широким лбом ей в колени и тихонько забурчал.

– О господи... – жалобно сказала полуэльфка и осторожно погладила мягкие перышки, переходящие на загривке в мех. Детеныш забурчал чуть громче. Иефа нервно огляделась по сторонам и присела на корточки.

– Послушай, ты что, решил, что я – твоя мама? – детеныш привстал на задних лапах и со вздохом полного удовлетворения уложил морду полуэльфке на плечо, ухнув что-то чрезвычайно нежное. – Да нет же, глупенький, твоя мама где-то в лесу, ищет тебя, волнуется, если только... – от неожиданной догадки у Иефы стало холодно в животе и что-то больно сдавило в груди. – Если только... Если только это не то чудовище, которое мы вчера... которому мы вчера... с которым мы... О господи... Нет-нет-нет! – Иефа торопливо вскочила на ноги, детеныш от неожиданности покачнулся, плюхнулся на спину и недоуменно уставился на барда большими круглыми глазами. – Даже если это и так, ничего не поделаешь! Я не могу взять тебя с собой! Я не нянька для совомедвежат! И у меня сложное и опасное задание! И они сожрут меня заживо, если я притащу тебя в лагерь! Мне очень жаль, но тебе придется выживать самостоятельно! И не смотри на меня так – я сказала – нет!

* * *

Стив прислушался к печальным руладам, которые выводил его желудок, и вздохнул. Ничего нельзя поручать женщинам. Ничего и никогда. Вода в котелке давно закипела, Ааронн засыпал в нее одному ему известных трав и заварил что-то невероятно душистое. Над котелком поднимался белый пахучий пар, и ждать становилось совсем невозможным.

– А вы заметили, – задумчиво проговорил Зулин, почесывая за ухом Зверя, – что когда мы выбрались на поверхность, возле люка не было ни одного трупа? Я хочу сказать – он же их вроде упокоил... Ну, этот, сэр Джон. Куда они подевались?

– Туда же, куда и все остальные, – ответил Ааронн и приподнялся на локте. – Надеюсь, ты обратил внимание на то, что там вообще не было ни одного зомби – ни в башне, ни в ее окрестностях?

– То-то и оно...

– Так он же некромант, – махнул рукой Стив. – Пальцем щелкнул, пока мы не видели, – и все зомбухи по домам, то бишь, по могилам отправились.

– Загадочная личность... – пробормотал Зулин. – И вообще, у меня сложилось впечатление, что они с Иефой здорово поладили, как будто не первый день знакомы. И откуда он знал, как ее зовут?

– Так он же за нами следил, – невозмутимо сказал эльф. – Иефа его почувствовала, еще когда мы к башням подходили. Все-таки у нее потрясающее, просто какое-то животное чутье.

– То есть, она тогда говорила правду? – Зулин удивленно поднял белые брови. – А ты почему молчал?

– Не видел смысла повторять то, что уже сказано, – ответил Ааронн и подпер голову ладонью. – Кто тебе виноват, что ты ей не поверил? Нужно чаще прислушиваться к тому, что говорят подчиненные. По-моему, неплохой урок.

– Демон Баатора! – маг запыхтел от возмущения и спихнул фамильяра с колен. – Нашел время для воспитательных мероприятий! За нами следит невидимый некромант, а ты молчишь!

– Ну, в данный момент он за нами уже не следит. И потом, я же объяснил: тебе стоило всего лишь поверить барду, вот и все. К тому же, я более чем уверен, что Иефа знает о нашем временном компаньоне намного больше, чем мы все, вместе взятые. Пока вы возились с мечом на лестнице, в башне, у них состоялась короткая, но, судя по всему, очень насыщенная беседа, содержание которой мы, к сожалению, вряд ли когда-нибудь узнаем.

– Почему? – ревниво нахмурился Стив. – Возьмем и спросим.

– Попробуй, – пожал плечами эльф. – Спорим, что она не ответит или соврет?

– А все ты со своим железным хламом! – буркнул Зулин. – Развел канитель!

– Это не хлам! – моментально завелся Стив. – Это очень полезная вещь! Мы ее будем очень часто использовать!

– Полагаю, ты сошьешь еще один загадочный коричневый мешок, и отныне будешь таскать за собой и его тоже, – лениво протянул Ааронн. – Я так надеялся, что этот бессмысленный багаж потеряется в суматохе...

– Яйца Мораддиновы, Ааронн, ты сейчас вылитая пигалица! Она тоже все время сует свой нос не в свои дела!

– И в чьи же дела я все время сую свой нос? – раздался ненормально бодрый голос полуэльфки, и на поляну выпорхнула она сама.

– Задницей чую – вляпались... – замогильным тоном произнес Зулин. Сопартийцы дружно уставились на барда.

– Всем привет, – упавшим голосом сказала Иефа и даже ручкой вроде как помахала.

– Точно вляпались, – согласился Стив.

– Вне всяких сомнений, – поддержал его Ааронн.

– Ну что, – безнадежно спросил Зулин, – попался тебе кто-нибудь?

– Попался, – неуверенно сказала Иефа и зачем-то оглянулась. – То есть, не совсем попался, и не совсем...

– Так попался или нет?! – гаркнул Стив.

– Да.

– Что – да?!

– Попался.

– Ну и где же...

– Здесь, – Иефа повернулась к кустам и призывно почмокала губами. – Иди сюда, малыш, не бойся! Иди сюда!

Кусты закачались, и на поляну трусцой выбежал детеныш совомедведя, привалился боком к бардовской ноге и застыл, настороженно разглядывая партию и шурясь на огонь.

– Вот, знакомьтесь, это Вилка! – бодро отрапортовала Иефа.

– Как глупо – давать имя ужину, – проворчал Стив.

– Это не ужин, – обиделась полуэльфка, – это маленький одинокий совомедведик. Кажется, вчера мы убили его маму...

– Вот и славно! – вмешался Зулин. – Давайте съедим его, раз уж мы такие злодеи. Это будет логично.

– Никто не будет его есть, – нахмурилась полуэльфка. – Его зовут Вилка, повторяю для тугодумов, он маленький, одинокий и совершенно безобидный.

– Вот именно, – подтвердил Зулин, – и этот несчастный сиротка погибнет страшной смертью, если мы не облегчим его страдания.

– С чего это ему погибать, если он теперь будет со мной? – угрожающе спросила Иефа.

– А с чего это вдруг он будет с тобой?! – возмутился Стив, мстя за свои обманутые надежды. – Нам бестии в походе не нужны – хватит с нас одного фамильяра!

– Просто тебе в свое время не хватило духу, чтобы отстоять своего пони, вот ты и бесишься теперь, – припечатала дварфа полуэльфка. – Молчал бы уж, мародер несчастный. Полируй свой меч и оставь нас с Вилкой в покое, пока мой совомедведь не подрос и не намял тебе бока.

– Детский сад... – ошеломленно пробормотал Зулин.

– Он очень умный, – сбавила тон Иефа. – Нет, правда, он очень-очень умный...

– И очень прожорливый, – тихо сказал эльф. – Стив, ты, кажется, собирался о чем-то спросить нашу любительницу совомедведей?

– Да, я собирался! – Стив дернул себя за бороду и выругался. – Я хотел бы знать, почему Иефа решила, что для нее закон не писан! И я хотел бы знать, почему ты, Зулин, как командир, не дал ей тумака, чтобы много о себе не воображала! Еще я хотел бы знать, какую пользу нам принесет в походе эта лупоглазая тварь, которая всех нас сожрет, как только войдет в полную силу! Да! И не надо на меня так смотреть! Можно подумать, с совомедведем меньше возни, чем с пони! А больше всего на свете я хотел бы знать, что за шашни Иефа развела с этим гребаным рыцарем, и почему она позволяет себе выкаблучиваться перед врагами, даже не спросив у нас разрешения!

– Это все? Ты закончил? – Иефа заслонила собой детеныша и многообещающе уперла руки в боки. Ааронн тихо засмеялся, Зулин от греха подальше накрылся плащом с головой. – Отвечаю по пунктам. Во-первых, не ты будешь писать для меня законы. Во-вторых, если кто-нибудь из вас посмеет дать мне тумака, можете не сомневаться – я немедленно отвечу тем же. Так что если есть желание подраться, приступай. В-третьих, эту, как ты выразился, лупоглазую тварь зовут Вилка. Это мой совомедведь, и мне в высшей степени наплевать, будет от него польза или нет. Возможно, я просто более принципиальна, чем ты, дорогуша Стиван, но если он не идет с нами дальше, значит он возвращается со мной в Бристоль, а вы – делайте, что хотите. Не все в этом мире измеряется потребностями твоего желудка. Если мы его бросим, он пропадет, а что касается ужина... Посмотрела бы я на тебя, если бы кто-нибудь в подобной ситуации предложил съесть твоего знаменитого пони. И, наконец, в-четвертых. Шашни... Смею напомнить, что благодаря моим шашням мы смогли провернуть это нелепое дело с мертвым озером и его немертвым обитателем. И запомни, Стив, когда у меня возникает желание перед кем-нибудь повыкаблучиваться, я не спрашиваю разрешения у окружающих. Еще вопросы есть?

– Есть! О чем ты говорила с сэром Джоном в башне, когда уже все закончилось?

– Уж кого-кого, а тебя, Стиван Утгард, это совершенно не касается!

– Нет, позвольте, – не смог не вмешаться Зулин, – это как раз очень даже касается нас всех. Это информация, а добывать информацию – твоя обязанность. Дураку понятно, что ты знаешь о нашем случайном напарнике что-то такое, чего не знаем мы, и это что-то тебе сообщил явно не сам сэр Джон, это что-то ты откуда-то знала и раньше. И меня живо

интересует: откуда?

– Приснилось! – гаркнула Иефа, окончательно выйдя из себя. – Приснилось мне, понимаешь?!

– Нет, не понимаю, – начал злиться планар. – Я не понимаю, зачем ты сейчас морочишь нам голову и врешь, если тебя все равно приперли к стенке. Ты же совершенно не удивилась, когда он появился. Ты вела себя так, будто только его и ждала. Вы что, были знакомы раньше? Вы договорились о встрече заранее? Ты специально нас туда привела?

– Зулин, что ты мелешь?! – Иефа изумленно вытаращила глаза на мага и повертела пальцем у виска. – Ты переутомился, кажется.

– А по-моему, я рассуждаю очень логично, и я очень благодарен Стиву, что он начал этот разговор! – Зулина понесло. – Все очень последовательно получается. Попробуй доказать, что я неправ. Ты с самого начала вела себя подозрительно. Чье дежурство было, когда мы услышали звуки с вырубки? Твое. Кто обратил на них внимание? Ты. Кто потащил меня среди ночи смотреть, что случилось, хотя гораздо безопаснее было бы остаться в лагере? Ты, Иефочка. Почему ты разбудила не Стива, не Ааронна, а именно меня? Потому что я маг, и ты знала, что я заинтересуюсь. И вот ты добилась, чего хотела: партия, вместо того, чтобы выполнять свое задание, поперлась в совершенно другом направлении, а бедненькая испуганная Иефа всю дорогу ныла и возмущалась, что идти туда не надо... Для чего? Чтобы отвести от себя подозрения, если вдруг таковые возникнут. Почему ты так ловко расшифровала надпись на башне? Да потому что ты заранее знала, что там написано! И кстати, ключ нашла тоже ты!

– Зулин, у тебя паранойя, – тихо сказал Ааронн. – Придержи лошадей, подумай, что ты говоришь.

– Да, приятель, ты чего-то совсем уж... – промямлил совершенно обалдевший от такого поворота Стив.

– Да что с вами?! – маг так разволновался, что вскочил на ноги и забегал по лагерю. – Ааронн, ты сам рассказал нам об этом подозрительном разговоре, а теперь что – в кусты?!

– Вот как... – с расстановкой сказала Иефа и недобро глянула на эльфа. – Вот оно что, оказывается. Что ж, все понятно. Но, прежде чем вы казните меня, как вражеского агента, позволь узнать, Зулин, а для чего же, если следовать твоей теории, для чего же я все это сделала?

– Ты думаешь, я не отвечу? И не надейся! Есть два предположения. Первое – ты все это сделала, чтобы нас погубить, но мне очень не хочется в это верить. Второе, более вероятное – ты со своим сэром Джоном нас отлично использовала, чтобы не выпустить чмо из-под озера. Если не ошибаюсь, для этого нужны были трое: эльф, дварф и человек. Сэр Джон не справился бы один, и тут он сказал чистую правду. И вот под руку подворачиваемся мы, сумасшедшая поисковая партия, в которой по чистой случайности уживаются эльф и дварф – какая невероятная, а главное, неожиданная удача! И ты хочешь убедить меня в том, что все это – простое стечение обстоятельств? Не выйдет!

– Ну что ж, в таком случае, я – гений! – Иефа всплеснула руками, покачала головой, плюхнулась на свой плащ и устало посмотрела на Зулина. – Значит, я – гений-манипулятор. И как же здорово я все спланировала, оказывается. Нет, ты только представь себе: значит, я высчитала, сколько у нас есть времени до того момента, когда чмо окончательно наберется сил, я заранее приехала в Бристоль и специально добилась популярности, чтобы меня знали в городе. Потом я организовала ограбление воровской и магической гильдий, причем, заметь, подгадала так, чтобы вы со Стивом уже были в городе, и чтобы это стало твоим первым заданием. Причем я, вне всяких сомнений, удалила из Бристоля всех бойцов, бардов и проводников, чтобы у тебя не было выбора, а еще я Натана подговорила, наверное. Значит, я заранее разделила похитителей на три группы и продумала их маршрут так, чтобы он проходил неподалеку от башен. Видимо, я очень умная, потому что сумела просчитать наши действия на сто ходов вперед, и заранее знала, что мы сначала пойдем на северо-запад, а потом будем срезать угол, и конечно, я отдала приказ оставлять очень четкие следы, чтобы

наша великолепная поисковая партия ни в коем случае не заблудилась. Болото и волки – это так, для антуража. А потом, когда мы подошли уже достаточно близко, я подала сэру Джону тайный сигнал, и он направил своих мертвецов в лес, и сказал им как можно больше шуметь, чтобы привлечь ваше внимание. И вот я, коварная, наконец, добилась своей цели, и мы все теперь можем со спокойной совестью возвращаться в Бристоль, потому что ограбление гильдий было всего лишь отвлекающим маневром, и все похищенное давным-давно вернули на место с приложением арендной платы. Ах, Зулин, как же ловко ты меня раскусил! Но даже ты не способен понять, до какой степени коварства я дошла. Открою тебе страшную тайну. Я использовала не только вас, но и сэра Джона тоже. На самом деле, это я четыреста лет назад посадила чмо под озеро, с тем расчетом, что когда-нибудь оно попытается вырваться, и для этого сэру Джону понадобятся дварф и эльф, и он позовет на помощь меня, и тогда я воплощу в жизнь этот самый сложный план, и, наконец, получу то, что хотела – маленького, испуганного, осиротевшего детеныша совомедведя!

– Bravo! – сказал Ааронн и зааплодировал.

– Ну... В общем... – пробормотал, пряча глаза, Зулин. – Давайте, что ли, спать.

Иефа взяла свою долю ягод, скормила половину Вилке, устроилась поуютней и моментально уснула. Совомедведь тихо сопел у нее под боком и тарачил в темноту желтые глаза. Через полчаса в лагере наступила особенная, усталая, беспробудная ночная тишина.

– Стив, – слышался шепот Ааронна. Дварф поднял голову и посмотрел на проводника. – Жаль, что мы не решили, на что спорим.

– Чего? – Стив заворочался и повернулся к эльфу лицом.

– Того, – Ааронн тихо засмеялся. – Ты проиграл. Она ведь так и не сказала, о чем говорила с рыцарем в башне.

– Иди в задницу, – буркнул Стив, закрыл глаза и демонстративно захрапел.

Глава 7

Веселый солнечный лучик беспардонно светил Иефе прямо в левый глаз. Полуэльфка заворочалась и упрямо зажмурилась: меньше всего на свете ей хотелось вставать. Пытаясь накрыться с головой, Иефа потянула на себя плащ, но тщетно – ткань натянулась и даже вроде как слегка затрещала, словно на ней лежало что-то тяжелое. "Да ну ее к монахам, такую жизнь, – сонно подумала полуэльфка и перевернулась на другой бок. – Мало того, что жрать хочется, так еще и поспать, как следует, не дают. Сволочи..." На мысль о еде желудок откликнулся громким голодным урчанием. Иефа поняла, что уснуть уже не удастся, еще пару раз дернула для порядку плащ, тяжело вздохнула и открыла глаза. Первые несколько секунд она тупо тарачилась на перекошенную морду мертвого кролика, маячившую прямо у нее перед носом, а потом издала великолепный, до самых печенок пронизывающий визг, от которого обычно у личностей неподготовленных встают дыбом волосы по всему телу.

Зулин, Стив и Ааронн повскакивали со своих мест и схватились за оружие, недоумевая, ругаясь и пытаясь выяснить друг у друга, что произошло. Потом взоры партии обратились на полуэльфку. Иефа отдышалась и теперь внимательно рассматривала пушистую тушку, аккуратно уложенную прямо возле изголовья. Полуэльфка подняла голову и грозно глянула на сопартийцев.

– Ну, паразиты, кому принадлежит гениальная идея? – сопартийцы недоуменно переглянулись и дружно пожали плечами. – Стив, это ты придумал?

– Делать мне больше нечего, – вяло отмахнулся дварф. Чувствовал он себя, видимо, после вчерашнего, прямо скажем, неважнецки.

– Зулин?

– Обижает, Иефочка, – надулся маг, – я бы из этого животного лучше рагу сварганил. Это же преступление – так бессмысленно переводить продукты!

– Ааронн? Хотя, да, конечно, глупый вопрос. Стив, это точно не ты?

– Сказал же, что нет! – огрызнулся Стив. – У меня вон кишки марш играли до рассвета,

все баранина жареная снилась! Стал бы я едой раскидываться!

– Ну хорошо, тогда откуда он взялся? – упрямо нахмурилась полуэльфка.

– Откуда бы ни взялся – а хоть завтрак у нас будет какой-никакой, – буркнул Стив и принялся разделывать тушку.

– Может, Зверь ночью поймал? – неуверенно предположил Зулин. – Ааронн, ты же дежурил, ты что, не видел, откуда эта животинка взялась?

– Я не дежурил, – возразил эльф, – я спал.

– А кто дежурил? – забеспокоился маг.

– Никто не дежурил, – досадливо отмахнулась полуэльфка. – Ты же не назначил дежурных – так что все спали.

– Как это – все спали?! – всполошился Зулин.

– А это ей наш рыцарь-некромант с одним из своих зомбухов подарочек прислал, – съехидничал Стив, орудуя ножом.

– Не думаю, – процедила Иефа.

За спиной полуэльфки послышалась сонная возня и длинный, с подвыванием зевков в две глотки. Иефа обернулась. Из невразумительного клубка, состоящего из черной и бурой шерсти, рыжих перьев, лап, ушей, хвоста и клюва, высунулся Зверь, подергал усами, сыто облизнулся и соскреб лапой клочок кроличьего меха с морды. Перья зашевелились, и клубок развернулся в сонного, но очень довольного жизнью совомедведика. Вилка чихнул, помотал головой, щелкнул клювом и вперевалочку направился к хозяйке.

– Ты смотри, как спелась, – ревниво пробормотал Зулин. – Зверь, это ты кролика добыл? – спросил он у фамильяра.

Кот негодуяще фыркнул и протелепал магу что-то такое, отчего у Зулина вытянулось лицо.

– Иефа, это все твой уродец, – скривился, как от зубной боли, планар.

– Он не уродец, а Вилка, – немедленно вспылила Иефа, но осеклась. – погоди, что ты сказал? То есть, это он поймал?

– Радуйся и гордись! – раздраженно буркнул Зулин, а совомедведь с грозным клекотом напал на Стива, отобрал у него полуосвежеванную тушку и с довольным видом сложил ее к ногам полуэльфки.

– Слышь, козявка, – расхохотался дварф, – боюсь, что завтрак готовить придется все-таки тебе!

– Нет-нет, Стив, что ты, я ни в коем случае не претендую, – замахала на него руками полуэльфка и тоже невольно улыбнулась. – Вилка, малыш, – заворковала она, присев на корточки перед детенышем и почесывая его бурые бока, – отдай кролика дядьке Стиву, он из него что-нибудь вкусное приготовит... Он, конечно, вредный бывает, этот дядька Стив, и иногда его стоит клюнуть как следует в его дубовый зад, но повар он неплохой...

– Иефа, хватит цирк устраивать! – возмутился Зулин. – Нашла, с кем разговаривать! Это животное, тупая, бессловесная тварь! В будущем очень злобная, если вспомнить его мамашу!

– А дядьку Зулина не слушай, он дурак... – невозмутимо продолжила беседу с детенышем Иефа. Вилка удовлетворенно булькнул, схватил останки многострадального кролика и потащил их обратно к Стиву.

– Ты зря наговариваешь на детеныша, – подал голос Ааронн, – между прочим, бестии, как всякие созданные магическим путем существа, почти разумны. Во всяком случае, полуразумны – несомненно. Так что у Иефы есть шанс воспитать охранника-интеллектуала, конечно, если она будет уделять своему совомедведю внимание и побольше с ним разговаривать.

– Слыхали? – торжествующе воскликнула Иефа и впервые за много дней улыбнулась по-настоящему счастливой улыбкой.

Стив глянул на барда, zalюбовался и вздохнул. Именно сейчас, когда она была такая нелепая, с коротким ежиком обгоревших волос, в испачканной мятой рубашке, вся в порезах и

синяках, с разбитыми обожженными ладонями, с синими от кровоподтеков запястьями, как будто кто-то клещами сжимал ей руки... Тут Стив нахмурился, пытаясь вспомнить, где же Иефа могла получить такие странные синяки, но вспомнить не смог, потому что в голове было как-то мутно, и махнул рукой, отложив вопрос до более подходящего времени... Да, именно сейчас, когда она была *вот такая*, всем пигалицам пигалица, всем козявкам козявка, Стив понял, что готов отдать за нее не то что жизнь, а даже этого замечательного, такого своевременного и нужного, такого сочного, многообещающего, свежего, самого лучшего в мире кролика...

"Попался..." – мрачно подумал Стив и затосковал.

Иефа чесала бока совомедведю и мурлыкала какую-то незамысловатую песенку. На самом деле, если разобраться, нечему было особо радоваться. Все болело, грязная одежда противно елозила по рубцам и ссадинам, а переодеться было уже не во что – все свои рубахи Иефа извела на бинты.

Когда-то – очень давно – отец Арг учил ее, что все в этом мире основывается на равновесии: если где-то прибыло, значит, где-то убыло, и ты никогда не теряешь без того, чтобы что-то приобрести. А еще отец Арг говорил, что сама жизнь будет подтверждением этого правила – нужно только уметь разглядеть и почувствовать равновесие, и тогда жить будет значительно легче и спокойней. Иефа смотрела на почти незаметный на солнце огонь, и думала, что ее жизнь наверняка является досадным исключением из правила. Конечно, если изловчиться, под эту философию можно приспособить любое событие. Например, Ааронн потерял как друг, зато обретен как враг... Но разве такая прибыль не хуже потери? А самое печальное, что Ааронн, пожалуй, просто не мог быть приобретен или потерян, потому что никогда не был в ее жизни, потому что был, есть и будет отдельно, сам по себе... И никакие драки плечом к плечу, никакая взаимовыручка не заставит его быть ближе или дальше, потому что он живет в другой плоскости, где нет места Иефе и ее глупому равновесию.

Вот Зулин, который так ратует за единство и дисциплину, он шевелит губами, недовольно поглядывает на Вилку и что-то подсчитывает. Если продолжать верить закону равновесия, после всего, что произошло, он должен был научиться доверять Иефе. Она заслужила – в этом полуэльфка была убеждена. Доверять и воспринимать всерьез. А что в итоге? Нелепое обвинение в шпионаже, от которого ему самому стало неловко, но так жалко, жалко, что просчитался, потому что такая красивая, такая складная была версия... Да. В его мире Иефа – двуличная, ненадежная истеричка, склочная, стервозная, трусливая, не способная на серьезные поступки, и она нужна ему именно *такая*, и ему совсем не хочется, чтобы что-то менялось, его *устраивает* такая Иефа, потому что иначе придется соприкоснуться с чужой плоскостью, а там все другое, и это так хлопотно... И можно даже не пытаться что-то доказать и показать, потому что в этом мире никто никому ничего не должен, и всем уютно на своих колокольнях.

Врал отец Арг. Никакого равновесия нет. Жизнь – лютня. Струны: басовая – Стиван Утгард, чуть потоньше – Ааронн Сильван, невразумительная, средняя – Зулин, и есть еще разные, низкие и высокие, у каждой – свое имя; иногда они рвутся, тогда вместо лопнувшей струны ставят другую, новую, и первое время она звучит немножко звонче и чище, но потом, пообтершись, становится, как все... Это не значит – хуже, это значит – струна привыкает к своей плоскости, не лезет к остальным, не пытается что-то изменить, и такие, умные струны, служат дольше. А есть неудачные, которые цепляются за пальцы, стремясь соприкоснуться, и среди них одна – очень тонкая и не всегда слышная – Иефа. Струны вечно вместе, но не переплетаются, они поют в унисон, когда все хорошо, когда играет профессионал. А если по ним ударить, они звучат дружно, но фальшиво.

Иефа чесала бока совомедведю и мурлыкала песенку.

Когда лютня ломается, струны могут встретиться, но это в любом случае ненадолго. Иногда поломанные лютни чинят, но только иногда.

Когда лютня ломается, чаще всего ее выбрасывают и покупают новую.

Когда лютня ломается, это значит, что жизнь закончилась.

– Иефа, – позвал Ааронн. Полуэльфка повернула голову и равнодушно посмотрела на проводника. Друг, враг... Размечталась. – Иефа, я хотел тебя попросить... Видишь ли... Я был неправ тогда, возле башни. Я наговорил много лишнего, ненужного, и в любом случае, я так не думал. Я думал...

– Что меня нужно как следует разозлить, и тогда я превращусь в пусть лысого и побитого, но чрезвычайно отважного барда, – машинально ответила Иефа и прикусила язык. Да что же это такое происходит, еханный карась?

– По сути – да, именно так я и думал. Повторяю, я был неправ.

– Не так уж сильно ты ошибался, если быть совсем честной, – осторожно сказала полуэльфка. – Так о чем ты хотел меня попросить?

– Прощения он хотел попросить, дурында! – гаркнул Стив, которого вдруг начали ужасно раздражать звуки. Ему очень хотелось, чтобы сопартийцы, наконец, замолчали.

– Стив, я не глухая, – поморщилась Иефа. – И я не с тобой разговариваю.

– Вот если б ты вообще заткнулась – тогда счастье было бы! – прорычал дварф и отшвырнул в сторону кролика. – Как же ж ты мне надоела-то уже – до блевоты надоела! Видеть тебя не могу! – Стив вскочил на ноги и диким взглядом обвел лагерь. – Жалко, что ты в этих башнях насовсем не осталась, сука!

– Стив... – у Иефы мелко задрожал подбородок и покраснели глаза. – Стив, ты что? Ты с ума сошел? Да что ты несешь? Стив? Что с тобой?

– Со мной все в порядке! Отцепись уже от меня, наконец! – Стив сжал кулаки и, трясаясь от ярости, начал наступать на полуэльфку. – Что ж ты липнешь ко всем, как репей паршивый! Что ж ты дергаешь всех, ты!

– Стив! – Иефа вскочила на ноги и попятилась. – Стив, ты не в себе!

– Да ты кого угодно доведешь, тварь, ты на себя посмотри! Удушить бы тебя, да жаль руки пачкать! Да я таких, как ты, в штольню швырял и рудой засыпал, чтобы воздух не портили!

– Стив, уймись, – Ааронн тоже поднялся и заслонил собой бледную, как мел, полуэльфку. – Возьми себя в руки, не поддавайся...

– Защитник нашелся? – Стив недобро сощурился, отступил к своему плащу и схватился за топор. – Ну наконец-то, а я уж заждался...

Иефа охнула и сжала моментально вспотевшей ладонью рукоять меча. Вид у дварфа был безумный: его лицо, перекошенное гримасой ненависти, напоминало жуткую карнавальную маску или страшную картинку в книжке, Стив мелко дрожал, сжимая и разжимая кулаки, и кажется, готов был кинуться с топором на первого, кто посмеет шевельнуться.

– Стив, я не буду с тобой драться, – тихо произнес эльф.

– Будешь, – криво усмехнулся дварф и перехватил топор поудобнее, – еще как будешь! Куда ты, гаденыш, денешься...

– Стив, ты не понял. Я не буду с тобой драться, – повторил Ааронн.

– Лады, – радостно согласился Стив и ощерился. – Сейчас проверим.

Он крутанул в воздухе топором и двинулся к друиду. Из-за спины полуэльфки раздался клекот детеныша, Вилка выскочил вперед и бросился на обезумевшего дварфа, разевая клюв и грозно топорща перья на загривке. Иефа рванулась за ним, но эльф крепко схватил ее за локоть и оттащил назад. Вилка подбежал к Стиву и клюнул его в лодыжку. Дварф издал страшный нутряной рык и широко замахнулся топором.

– Не тронь! – отчаянно закричала Иефа, вырвалась из рук эльфа, метнулась к совомедведику и прикрыла его собой, пытаясь оторвать от дварфской штанины. Топор блеснул на солнце и пошел по дуге вниз. Иефа подняла голову, увидела обезображенное ненавистью лицо Стива, опускающееся лезвие топора, поняла, что увернуться не успеет, закрыла рукой голову и выкрикнула Слово, и еще, и еще раз, руке стало больно, очень больно и мокро, а потом наступила тишина.

Иефа открыла глаза и тупо уставилась на рябь желтых и коричневых перьев. Вилка не двигался. Совсем. Абсолютно. Не дышал, не трепал dwarfsкую штанину, не таращил желтые глаза. От запястья к локтю потекло, и рукав мгновенно набряк. Иефа осторожно повернула голову и со свистом втянула в себя воздух. Стив застыл статуей, успев опустить топор ровно настолько, чтобы распороть Иефе рукав и распластать кожу на предплечье. Кровь пропитала грубую ткань рубахи и теперь падала медленными темными каплями Иефе прямо на лицо.

– Помогите мне, кто-нибудь... – прошептала полуэльфка.

– Потерпи, не двигайся, – раздался у нее над головой голос эльфа. – Сейчас...

Ааронн медленно, с усилием приподнял топор и высвободил руку барда.

– Давай, осторожно, и Вилку заberi. Быстрее, я долго не продержу.

Иефа обхватила детеныша поперек туловища и сильно дернула на себя. Раздался треск рвущейся ткани, в клюве застывшего совомедведя остался кусок штанины, а полуэльфка повалилась на спину, застонав от боли.

– Дальше, дальше... – пробормотал Ааронн. – Подальше его оттащи, да, вот так. Поставь его там... где-нибудь... Теперь помоги мне...

Иефа, хлюпая носом, уложила Вилку на свой плащ и подошла к Ааронну. Эльф явно торопился. Он отпустил топор и теперь пытался разжать пальцы, сжимавшие топорище.

– Что я должна делать? – спросила Иефа.

– Следи, – коротко ответил проводник. – Если оживет раньше, чем я закончу, заморозь его снова.

Ааронн – после долгих усилий – высвободил, наконец, топор из широкой dwarfsкой ладони, отнес его к своим вещам и спрятал под плащ. Иефа во все глаза смотрела на Стива, и ей казалось, что вот еще секунда – и он снова начнет рычать и браниться, и эта жуткая чужая ненависть в глазах, ненависть, которой все равно, кого убивать, заставит его, обезоруженного, драться голыми руками. "Это не Стив, – прошептала полуэльфка, – потому что если это он, жить станет совсем хреново. Так что это не Стив".

– Да, ты права, – сказал Ааронн, вливая в оскаленный рот dwarфа какое-то питье. – Это действительно не Стив. Вот только знать бы, кто?

– Он же меня чуть не убил... – ошеломленно проговорила Иефа. – И за что?

– Помни, все время помни, что это не он. Постарайся избежать саркастических замечаний, когда он очнется. Помоги мне его уложить.

– А он очнется уже нормальным? – Иефа обхватила Стива здоровой рукой и помогла Ааронну уложить dwarфа на плащ.

– Не знаю, – честно ответил эльф. – Поэтому следи, следи очень внимательно.

– У меня рука болит, – пожаловалась Иефа. – Очень-очень болит.

– Сейчас, потерпи. Зулин! – Ааронн повернулся к магу и тихо выругался. Зулин полулежал на своей подстилке, полностью углубившись в какие-то подсчеты, и явно не интересовался окружающим миром. – Зулин, ты не хочешь немного поучаствовать?!

– Двадцать седьмое, – сказал Зулин и поднял голову. – Что?

– Ты вообще, где находишься?

– В лесу, – удивленно вскинул брови планар. – В компании сумасшедших авантюристов и дилетантов, – добавил он, немного поразмыслив. – А что случилось? Ой, Иефочка, смотри, у тебя весь рукав в крови – ты что, порезалась?

– Нет, – горько ответила полуэльфка, – просто Стив чуть не порубил меня, к чертям собачьим, на мясо своим замечательным топором! Он у нас теперь одержимый. Ты что, совсем ничего не заметил?

– Подумаешь, – лениво махнул рукой маг, – я настолько привык к вашей ежедневной грызне, что не считаю нужным обращать внимание на такие мелочи. У меня есть заботы поважнее.

– Зулин, ты плохо слушал, – ледяным тоном произнес эльф. – Стив только что пытался убить Иефу без всяких на то причин. Иефа серьезно ранена и истекает кровью, как ты ловко подметил. Мне нужно обработать рану. Кто-то должен следить за Стивом. Это будешь ты.

– Очень хорошо, – проворчал маг. – Просто отлично. Мы скатываемся все ниже и ниже. Сначала ругань, потом драки, потом попытки убийства... Что будет завтра? Кто-нибудь из нас не проснется? – Зулин поднялся на ноги, подошел к неподвижному дварфу и удивленно вскинул брови. – А что с ним такое?

– Если помнишь, у Иефы есть способности, – раздраженно объяснил Ааронн, промывая распоротую руку полуэльфки. – Она его заморозила. А теперь – очень прошу – хотя бы некоторое время не задавай мне никаких вопросов.

Ааронн сосредоточился и принялся колдовать над раной, смешивая травы и магию. Иефа чувствовала, как тысячи невидимых пальцев копошатся в ее мышцах, хватают, стискивают и мнут кожу, перебирают сосуды, и от этого всего было больно, жарко и страшно. Когда Иефа залечивала раны от султанатской плети, все было по-другому. Не так болезненно. Не так чужеродно. Как песня с очень сложной мелодией, от которой потом ноет горло, давит в виски и звенит в ушах, и немного не по себе, но почти спокойно...

За спиной у полуэльфки раздался задущенный клекот детеныша. Вилка ожил, забил крыльями и начал трепать отвоеванный кусок штанины, словно щенок дворняги – дохлую крысу. Минуту-другую он с упоением боролся с лоскутом, потом выплюнул его, сел сверху и победоносно забурчал, сверкая желтыми глазами. Ааронн закончил ритуал, перевязал руку чистой тряпичей и с тревогой оглянулся на Стива, но тот не шевелился. Правда, действие Слова явно прошло – с лица дварфа исчезла гримаса ненависти, он расслабился и дышал ровно, как спящий.

– Почему он не пришел в себя? – на всякий случай шепотом спросила Иефа. – Что ты ему дал?

– Снотворного, – вздохнул эльф. – Это первое, что пришло мне в голову.

– Я могу уже сложить с себя полномочия няньки? – сварливо поинтересовался Зулин. – Сумасшедший дом какой-то. Вы мне, наконец, объясните, что произошло?

– Мы тебе уже объяснили, – Ааронн сложил травы в мешочек и неодобрительно посмотрел на мага. – Стив кинулся с топором на Иефу. Ее совомедведь попытался ее защитить. Тогда Стив попытался убить совомедведя, но Иефа заморозила их обоих. Правда, под топор все же попала. Что еще тебе не ясно?

– Мне не ясно самое главное: какого демона Иефа постоянно доводит нашего единственного бойца?! – Зулин прокурорским жестом указал на полуэльфку. – Ей что, больше заняться нечем? Меня также интересует, почему Иефа не проявляла свои замечательные магические способности в башнях, когда они были бы так кстати?! Почему, спрашиваю, Иефа считает возможным применять их против своих товарищей и вносить смуту в дела партии? Почему меня честили, как последнего идиота, за то, что я швырнул огневиком в мамашу этого чудовища, зато Иефа у нас – несомненно, героиня и защитница слабых и угнетенных?! Почему мне внушали, что на бестий не действует магия – и тут выясняется, что очень даже действует?! Почему, наконец, только избавившись от одной проблемы, я тут же получаю другую, в виде замороженного дварфа и отсутствия возможности идти дальше?! Сегодня двадцать седьмое – двадцать седьмое! – а мы даже не знаем толком, в каком направлении двигаться!

– Понеслась нелегкая, – вздохнула Иефа. – Ааронн, я прошу тебя, скажи ему ты, ладно? Я не буду с ним разговаривать – он все равно меня не слушает.

– Зулин, Иефа никого не доводила.

– Результат на лицо! – рявкнул маг.

– Это результат чьего-то вмешательства, а не гнусного поведения Иефы, – стиснув зубы, проговорил эльф. – Если бы ты хоть чуть-чуть обращал внимание на то, что происходит вокруг, ты не задавал бы сейчас идиотских вопросов. Стиву было все равно, кого убивать, понимаешь? Просто под руку попала Иефа – и он бросился на Иефу. Тебя, конечно, это мало успокаивает, но если бы Иефа не проявила свои способности, в нашем лагере стало бы на одного детеныша совомедведя меньше, а может быть, не только на детеныша. Кто знает, может быть, он, в конце концов, добрался бы и до тебя.

– Да, но почему в башнях...
– Я не знаю!!! – взорвалась полуэльфка. – Не знаю!!! Я просто поняла, что сейчас умру – и...

– И заморозила совомедведя, на которого в принципе не действует магия!
– Я никого не морозила! Я ни на кого ничего не направляла! Я просто крикнула Ледяное Слово, потому что...

– Ледяное Слово? – удивился Ааронн.
– Ну... – смутилась Иефа. – Ну, да... Надо же их как-то называть. Ледяное Слово, Болотное Слово, Светлое...

– Интересная терминология, – улыбнулся эльф. – Да у тебя скоро будет своя классификация...

– Она заморозила совомедведя! – настаивал маг. – И я хочу знать, почему ей можно, а мне нельзя!

– О боги, – страдальчески скривился Ааронн. – Ну хочешь, запусти в него огневиком, может, тебе легче станет... Но, умоляю, поверь – *твоя* магия на бестий не действует...

– Но она...

– Зулин!!!

– Хорошо. – Зулин с решительным видом поднялся на ноги и с ненавистью посмотрел на совомедведя. – Отлично. Вы сами этого хотели.

– погоди, – заволновалась Иефа. – погоди, ты же не собираешься...

Зулин не ответил и зашевелил пальцами, формируя огневик.

– Зулин, нет! – полуэльфка бросилась было к Вилке, но эльф ухватил ее поперек туловища и на этот раз держал крепко. – Пусти меня! Пусти! Вилка, беги!

Ааронн повалил брыкающуюся Иефу на траву, громко втолковывая ей, что с детенышем ничего не случится, Вилка недоуменно вытянул шею, заморгал и угрожающе защелкал клювом, крепко вцепившись в отвоенный кусок штанины. Зулин закончил заклинание и запустил в детеныша огневик. Иефа в ужасе спрятала лицо на груди у эльфа. Огневик пролетел через поляну и врезался в совомедведя. Врезался, лопнул и рассыпался снопом оранжевых искр. Задымился многострадальный плащ, Вилка изумленно моргнул, помотал головой и с яростным клекотом бросился на обидчика.

– С ним все в порядке, – уговаривал Иефу Ааронн, пытаясь перекрыть вопли преследуемого маленькой бестией мага. – Ну сама посмотри... О боги, Иефа, да прекрати ты плакать, ты же бард, в конце концов! Где ты еще найдешь такой замечательный сюжет для баллады? Ну, клянусь тебе, с ним все в порядке!

Эльф сел, обхватил Иефу за плечи и заставил повернуться лицом к происходящему. Полуэльфка судорожно всхлипнула и посмотрела. Мимо нее промчался Зулин, выкрикивая какие-то замысловатые ругательства (в его балахоне, где-то в области левой ягодицы, зияла неровная дыра), а за ним, взбрыкивая куцым задом, проскакал разъяренный детеныш, причем в клюве у него болтался симпатичный фиолетовый лоскут, и Вилка явно не собирался останавливаться на достигнутом.

Иефа всхлипнула по инерции, шмыгнула носом, а потом неуверенно улыбнулась. Зулин бежал, высоко поднимая колени, вид у него был одновременно возмущенный, удивленный и обиженный, как у наседки, которая снесла крокодилье яйцо. Вилка задушено клекотал сквозь лоскут, смешно топорщил перья на загривке и мотал головой. Пробегая в очередной раз мимо зарезанной хозяйки, он замешкался на секунду, с отвращением плюнул к ногам Иефы свой фиолетовый трофей, встряхнулся и с новыми силами помчался магу наперерез, всем своим видом обещая ему нелегкую и полную страданий жизнь. Иефа не выдержала и захохотала – до слез.

Нужно было, наверное, подняться и уговорить детеныша, избавить планара от страшной участи и навести порядок в лагере, но полуэльфка чувствовала, что смех душит ее и лишает последних сил, и становится неконтролируемым, от него уже болит живот и кружится голова, но остановиться никак не получается, смех сильнее. "У меня истерика, –

отстраненно подумала Иефа. – Ничего удивительного..." Она перестала бороться и откинулась назад, изнемогая от хохота. Ааронн подхватил ее, не дав упасть, да так и остался держать...

Стив лежал на боку и с глухой тоской смотрел, как эльф обнимает хохочущую Иефу за плечи. В беготне и суматохе никто не заметил, что он, Стиван Утгарт, очнулся, а он, Стиван Утгарт, в свою очередь прилагал все усилия для того, чтобы его пробуждение обнаружилось как можно позже. В голове у Стива стучали ритуальные барабаны гоблинов – каждый удар сотрясал нутро от макушки до пяток, и хотелось вскочить, расшвырять всех в разные стороны, да так приложить, чтобы пошла кровь из разбитых губ... Кровь!

Стив застонал тихонечко и зажмурился. Очень хотелось забыть побелевшее от страха лицо полуэльфки и ее бешеные, почти прозрачные глаза; очень хотелось забыть, как воздух стал вязким, как жизнь вокруг стала вдруг замедляться, замедляться, замедляться... Очень хотелось забыть, как упрямо опускался топор. Потому что никогда – никогда! – против своих, против нее! Не хотел! Мораддин – свидетель, не хотел!

Или хотел?

Чтобы кровь, чтобы больно, чтобы яростно...

Что теперь? Выгонят из отряда?

Стыдно.

Теперь Зулин скажет – когда перестанет улепетывать от бестии – да, теперь Зулин обязательно произнесет что-нибудь эдакое, очень гневное, очень напыщенное, очень бессмысленное, такое, что сразу захочется отрезать ему язык и смотреть, как он захлебывается прекрасной, яркой, горячей...

Стива стошнило.

Ааронн обернулся на звук и вскочил на ноги.

Вот сейчас... Сейчас...

Стив рыкнул и неимоверным усилием воли задал в себе желание броситься на эльфа. Сейчас начнут.

– Стив, как ты себя чувствуешь? – спросила Иефа.

– Плохо, – хриплым голосом ответил дварф, отводя глаза. – Очень плохо. Что-то со мной не так. Что-то со мной... Я не хотел. Правда – не хотел... Что за дрянью ты меня напоил, сукин сын?! – неистово заорал он, но тут же взял себя в руки. – Вам нужно идти дальше без меня. Я, кажется, умом тронулся. Зашибу еще кого-нибудь ненароком... – Стив вымученно улыбнулся и посмотрел на сопатийцев.

– Не говори глупостей, – твердо сказала Иефа. – Мы все страшно вымотались, а ты – особенно. Ну, сорвался, с кем не бывает. Так что забудь про всякие там "без меня". Ты нам нужен. Очень.

Стив посмотрел на запыхавшегося мага. Зулин с шумом выдохнул и согласно кивнул:

– Ты знаешь, мой суровый друг, если бы у меня сейчас был топор... – он вяло отпихнул ногой совомедведя, вцепившегося в край балахона. – Уверю тебя, я бы обязательно им воспользовался.

– Дело даже не в этом, – вмешался эльф. – Дело даже не в том, что ты вымотался и сорвался. Я убежден, что это просто был не ты. И если ты как следует подумаешь, ты со мной согласишься.

– Други мои, давайте думать и обсуждать по дороге. Я, конечно, всем уже надоел, но все-таки напомню: сегодня двадцать седьмое, а нам еще нужно заново отыскивать след. Даже если мы срежем угол, как собирались, на это уйдет как минимум три дня, а не известно еще, сколько нам придется топтать по следу, который мы, может быть, найдем, а может, и нет. Так что давайте в темпе...

– Зулин, будь благоразумным, – перебил мага Ааронн. – Мы не можем двигаться дальше, пока не выясним...

– Можем! Очень даже можем! – Зулин сердито посмотрел на совомедведя и высвободил, наконец, полу своего многострадального балахона. – Можем и более того –

начинаем прямо сейчас!

Эльф вздохнул, посмотрел на сгорбившегося Стива и пожал плечами:

– Как знаешь, командир. Только я сначала кое о чем спрошу Стива. Скажи, пожалуйста, Стив, чего тебе в данный момент хочется больше всего на свете?

– Всадить топор Зулину между лопаток, – хрипло ответил дварф и сцепил руки в замок. – То есть, нет, я...

– То есть, да! – жестко оборвал его проводник. – То, что сейчас сидит в Стиве, хочет крови, убийства и чужой боли. Зулин, ты рискнешь повернуться к нему спиной?

– Ну... – Зулин неуверенно потоптался на месте, но достойного ответа так и не придумал. – Ну, хорошо, а что же нам тогда делать? – он с надеждой посмотрел на Ааронна. Эльф нахмурился и отвел глаза.

– Мне действительно лучше уйти, – тоскливо проговорил Стив. – Поверну назад, дотопаю до Бристоля, а там какого-нибудь знахаря найду... Авось, по дороге не прибью никого. А с вами... Тяжко мне очень. Был бы топор в руках, не знаю, сдержался бы или нет. Так что вы идите, а я обратно... как-нибудь... Не заблужусь.

– Стив, – тихо позвала полуэльфка. Стив вздрогнул и рискнул посмотреть ей в глаза. – Стив, ты ведь не пойдешь обратно в Бристоль. Положа руку на сердце: ведь не пойдешь. Тот, в тебе, он очень сильный, да? Что он сделает, когда мы уйдем с этой поляны?

– Не надо, – попросил Стив и отвернулся. – Я же не зомби, чтобы мной управлять. Я справлюсь.

– Нет, Стив, послушай, тут не до гордости, тут нужна правда, понимаешь? Я же вижу, что ты очень хочешь с ним справиться. Но хотеть и справляться – разные вещи.

– Если я на тебя кинулся, так это не значит...

– Стив, послушай, – Иефа положила руки дварфу на плечи и заставила его посмотреть себе в глаза. – Я ни на секунду не сомневалась, что это не ты. И Ааронн тоже. Ты ни в чем не виноват. Так получилось. Это все, наверное, после башен. Наверное, что-то там к тебе прицепилось – какой-то дух, или призрак, или... я не знаю, я в этом не разбираюсь. Но мы все точно знаем – это не ты, это кто-то другой, и он очень, очень силен. Пока мы все вместе, тебе легче с ним бороться. Но как только ты останешься один...

– Я же сказал, что справлюсь! – процедил Стив и попытался отвернуться, но полуэльфка не позволила.

– Стив, не ври, я тебя очень прошу. Ты не пойдешь в Бристоль, это младенцу понятно. Ты пойдешь следом за нами...

– Отпусти меня, – дернулся дварф.

– ...и будешь идти за нами, прячась по кустам, до темноты...

– Отпусти, я сказал!

– ...а когда мы остановимся на ночлег, ты дождешься, чтобы все уснули...

– Сверну шею часовому и выпущу вам кишки! – заорал дварф и вскочил на ноги, вырвавшись из рук полуэльфки. – Да! Я сверну шею часовому и выпущу вам кишки! А потом я прирежу твоего совомедведя! Довольна?! Это ты хотела от меня услышать?!

– Нет, Стив, – грустно качнула головой Иефа. – Это я и без тебя знаю. Я хотела, чтобы ты признал это сам, а не строил из себя невесть какого героя. И если ты действительно за нас волнуешься, то пойдешь с нами, хотя бы потому, что мы сможем за тобой присматривать и как-то сдерживать. Поверь, так будет лучше для всех.

– Мне не нужна нянька, – Стив ощутил, как снова накатывает черная волна гнева, и отступил на несколько шагов. – За мной не надо присматривать. Я сам справлюсь, неужели непонятно?!

– Демон Баатора, да какая разница! – взорвался Зулин, который окончательно запутался в происходящем. – Объясните мне, пожалуйста, что нам всем теперь делать?! Идти дальше мы не можем, потому что Стива одолела таинственная кровожадность. Прогнать Стива мы тоже не можем, потому что тогда ему будет проще нас всех удавить во сне. Но и бесконечно сидеть здесь мы тоже не можем, не имеем права! Сегодня двадцать седьмое!

– Зулин, замолчи, – тихо попросил дварф, глубоко вздохнул и вытер пот со лба. Его заметно покачивало.

– Не указывай мне! По твоей милости мы теряем драгоценное время! Только такой болван как ты мог подцепить какую-то потустороннюю заразу в такой неподходящий момент!

– Зулин, замолчи, – угрожающе повторил Стив и сжал кулаки.

– Зулин, пожалуйста, – Иефа с тревогой посмотрела на дварфа и на всякий случай закрыла собой Вилку. – Ты же видишь, как ему тяжело.

– Нам всем нелегко! – фыркнул маг. – Вот я, например, битый час пытаюсь добиться от вас внятного ответа – и ничего, никто не печется о моем душевном состоянии! А зачем? Зулин же у нас самый выносливый!

– Ты не выносливый, ты толстокожий! – гневно прошипела полуэльфка. – Закрой рот, в конце концов! Тебя же попросили!

– Иефочка, дорогая, не зарывайся, потому что и моему терпению когда-нибудь придет конец. Я тебя нежно люблю, но это еще не повод выслушивать...

Зулин не договорил. Стив сжал руки в кулаки с такой силой, что распорол ногтями ладони, застонал раненым зверем, сделал шаг по направлению к плану, отступил, снова качнулся вперед, замотал головой и рухнул на землю, потеряв сознание.

* * *

Стив был еще совсем несмышленьшим, когда свалился в штольню. Не взирая на запреты отца, он увязался за старшими братьями, которые – тоже не взирая – отправились в заброшенную выработку. Про эти туннели говорили, что в них водятся духи горняков, погибших под обвалом. Обычная история – но так захватывающе интересно, опасно и радостно было пойти туда без родителей, прячась не только от посторонних глаз, но и от собственных братьев, которые, несомненно, немедленно отправили бы его домой, да еще и отлупили бы как следует... если бы обнаружили.

Стив крался, прислушиваясь к тихим голосам впереди, вжимался в стену, прятался за выступами – в общем, вел себя, как самый настоящий, всамделишный разведчик, и все ждал, что из камня возникнет призрак дварфа со сломанной киркой и сделает что-нибудь этакое... Например, завоет. Или укажет богатую жилу. Или напугает старших братьев до икоты – это тоже было бы весело, особенно если вспомнить, почему его, Стива, не взяли с собой. "Ты еще маленький, и к тому же трусишка, – важно сказал Дарт, который всего-то и сделал, что родился на девятнадцать зим раньше. – Ты будешь нам мешать, и, в конце концов, попросишься домой к мамочке. Нам такой попутчик без надобности".

Стив так размечтался, что потерял бдительность и чуть не наткнулся на братьев, сгрудившихся возле огромной каменной насыпи, полностью перекрывшей туннель. Братья озадаченно почесывали в затылках и переговаривались, пытаясь найти хоть какую-то лазейку, чтобы проникнуть дальше. Но лазейки не было.

Разочарованный неудачей Дарт досадливо сплюнул и предложил поворачивать назад. Стив похолодел: он слишком хорошо представлял себе, какую трепку получит, если вдобавок к неудачной вылазке братья обнаружат его и потеряют отличную возможность наплести всяких небылиц о собственной отваге. И никакие обещания хранить тайну не помогут.

Стив оглянулся в поисках укрытия и за спиной обнаружил полузаваленный ход, достаточно широкий, чтобы в нем можно было спрятаться, и достаточно неприметный, чтобы братья прошли мимо, не обратив на него внимания.

Послышались шаги, Стив заторопился, втиснулся в проход и затаился, стараясь не дышать. Дарт первым прошел мимо него, чествуя выработку в таких выражениях, которые никогда в жизни не позволил бы себе произнести в присутствии отца. За ним прошли Бруст и

Крэган, опустив головы и сердито сшибая ботинками мелкие камушки. Стив представил себе их унылые мины, не удержался и хихикнул. Бруст остановился, поднял голову, прислушался и позвал остальных. Братья стояли в трех шагах от укрытия, тревожно поглядывая по сторонам и перешептываясь, а Стив по шажочку отступал назад, стараясь спрятаться поглубже в тень.

Стив не понял, что падает, пока не перевернулся в воздухе, больно ударившись о какой-то выступ. Потом дно штольни гостеприимно встретило его, но не убило, потому что там была вода. Черная и холодная. А Стив не умел плавать. Он ушел под воду с головой, и конечно, тут же наглотался, и ботинки на ногах оказались вдруг невероятно тяжелыми, потащили на дно. Стив отчаянно забил руками и вынырнул, с полминуты продержался на поверхности, снова ушел под воду, снова выплыл, и только наткнувшись в темноте на обломок деревянной подпорки, сообразив, что теперь, пожалуй, умрет не сразу – только тогда закричал.

Бруст потом признался ему, что сперва братья решили, что слышат призрака, и страшно перепугались, так перепугались, что наотрез отказались возвращаться в выработку. Им совершенно не хотелось знать, что там завывает в глубинах, и Брусту тоже было очень не по себе, но Бруст вернулся, оставив в руках Дарта воротник куртки.

Бруст всегда возвращался.

Когда гоблины вырезали всю семью Стива, Бруст стал Первым в роду.

А еще Бруст сказал, что очень сильно сомневался, что Стив выживет. Крэган, который не мог вынести, чтобы младший оказался храбрее, Крэган, который, в конце концов, преодолел страх и вернулся в штольню, сказал, прислушиваясь к затихающим крикам Стива: "Он уже не жилец. Там очень глубоко, и он наверняка переломал себе все кости, и пока мы приведем помощь, он или утонет, или замерзнет насмерть. А нам в любом случае придется объяснять, как он здесь оказался, а главное, как здесь оказались мы. Я скажу Дарту, пусть он решает, но лучше бы оставить все, как есть".

В тот вечер, когда гоблины разбили в щепки ворота Утгартов, Крэган в стельку напился на празднике и утонул в котле для пива. В прочем, об этом старались поменьше говорить.

А потом Бруст долго, просто целую вечность, сидел на краю штольни и кричал Стиву всякие утешительные слова, а Стив старался отвечать, чтобы не расстраивать Бруста. А потом на крепкой веревке к Стиву спустился отец, а потом был долгий и мучительный подъем, а потом Стива закутали в меховой плащ, уложили на носилки и понесли, и Стив помнил, как пронзительно-ясно слышны были голоса, какими четкими были фразы, но смысл ускользал, ускользал...

Носилки покачивало, и от этого сильно хотелось спать, но Стив крепился, потому что очень важно было слышать голоса и знать, что это не вода качает его на своих ледяных коленях. А еще очень хотелось знать, о чем говорят остальные, и Стив старался, как мог, прислушивался и вдумывался в каждое слово, но слова звучали так странно... "Мы не можем таскать за собой припадочного дварфа, – сказал Зулин. – Мы не на пикник вышли. Хорош отряд, в котором единственный боец то кидается на своих же, то валится без чувств!" "И что ты предлагаешь?! – яростно прошипела Иефа. – Бросить его в лесу?! Давай, может, еще к дереву привяжем – для верности!"

Стив изумился, забеспокоился и попытался открыть глаза, но ничего не вышло. В его голове произошла вялая толкотня, и кто-то чужой выпихнул Стива через закрытые веки на волю, а на воле было так много света, ветра и зелени, что Стив моментально захлебнулся всем этим, и ушел под воду с головой, и конечно, тут же наглотался, и ботинки на ногах оказались вдруг невероятно тяжелыми, потащили на дно. Стив отчаянно забил руками и вынырнул, зацепился за голос и выбрался на топкий берег. "Зулин, ты не о том волнуешься, – раздраженно сказал Ааронн. – Нужно избавляться от проблемы, а не от ее последствий. Если проанализировать поведение Стива, то получается некая формула: Стив проявляет агрессию, Стив не дает себе возможности удовлетворить свою агрессию, Стиву становится плохо. Причем, заметь, первый раз его остановила Иефа, и он чувствовал себя вполне

сносно. А второй раз он остановил себя сам, и это вымотало его окончательно. Получается, что его агрессия и его обморок связаны напрямую. Если он не реализует агрессию, ему становится плохо. Если он не реализует агрессию по собственной воле, ему становится *смертельно* плохо. Остается только выяснить, откуда в нем взялась эта жажда крови, и каким-то образом ее уничтожить..."

Вода почернела и стала затапливать берег. Стив отступал, отступал, отступал, и, в конце концов, вжался в холодную каменную стену, и подумал, что это очень глупо – вот так умирать, ни в чем не разобравшись, без возможности оправдаться. Вода дошла до колен, и ногам стало холодно, так холодно, что хотелось кричать.

"Мы несем его с самого утра, ползем, как черепахи! – воскликнул Зулин. – Выяснить, уничтожить – у нас просто нет времени на все это! Да если бы даже и было – как?! Объясни мне, как?!" "Так же, как мы это делали, когда однажды ночью ты уселся помедитировать возле ходячих трупов! – рявкнула Иефа. – Между прочим, именно Стив придумал, как тебя вытащить! И никому даже в голову не пришло бросить тебя одного посреди леса!" "Главное, понять причину, – гнул свое Ааронн. – Прекратите спорить и включите логику!" "Я больше не могу, – сказал Зулин. – Если ты такая умная, Иефочка, носи его сама, а я больше не могу – у меня уже руки отваливаются". "Солнце садится, – сказал Ааронн. – Пора разбить лагерь, отдохнуть и как следует подумать, как нам..." "Я пока еще командир в этом чахлам отряде! – буркнул Зулин. – И я сам буду решать, когда устраиваться на ночлег!"

Вода поднялась до подбородка, и все норовила забраться в рот, залить горло и заморозить Стива изнутри. Стив стоял на цыпочках и изо всех сил вытягивал шею, и даже пытался плыть, но кто-то чужой держал его за ноги у самого дна. Голоса вздымались, то падали, почти как волны прибоя; дрожащий от возмущения голос Иефы отгонял воду прочь, и тогда Стив изо всех сил дышал, вдыхал столько воздуха, что начинала кружиться голова, а тот, чужой, у дна, становился слабее. Стив хотел крикнуть Иефе, чтобы она не молчала, ведь это так важно, когда кто-то близкий кричит тебе откуда-то сверху всякие утешительные слова, что он, Стив, обязательно должен ей рассказать, как замечательно все понял про это Бруст, что тогда его голос был почти так же нужен, как толстая пеньковая веревка и широкая ладонь отца... Но Иефа умолкала, и вода поднималась снова. А потом покачивание прекратилось, и через некоторое время Стиву стало грустно и тепло, в штольне начало светлеть, совсем чуть-чуть, и чей-то теплый бок прижался к заледеневшему телу. Стив перестал думать о воде и успокоился, обхватил кого-то руками и вдруг медленно поплыл вверх, жмурясь и постепенно забывая черную штольню и чужие холодные пальцы на своих лодыжках.

– Хватит делать из меня монстра! – истерически крикнул Зулин над самым ухом. Стив вздрогнул и открыл глаза.

В чернильной кляксе неба неуверенно поблескивали звезды. Стив моргнул, пошевелил пальцами и повернул голову. Рыжие языки костра играли в салки с темнотой, правому боку было тепло и уютно. Стив скосил глаза и некоторое время тупо таращился на что-то бурое и желтое, не то мохнатое, не то в перьях, и это что-то (или кто-то?) безмятежно посапывало, уютно привалившись к Стиву. В мыслях произошел некий сумбур, Стив не мог решить, как поступить с непонятным соседом, а потом из спутанного клубка вытянулась тоненькая ниточка: ах, ну да, совомедведь. Точно. Стив вздохнул и успокоился, но тут же снова напрягся. В том, что детеныш устроился спать рядом с ним, было что-то неправильное. Вот только – что? Потянулась еще одна ниточка – враг. Почему враг? С чего вдруг?

От мыслей заболела голова, Стив закрыл глаза, вздохнул и приказал себе ни о чем не думать. Слишком все непонятно. Слишком много вопросов. Потом. Все потом.

– Вот ты, Иефа, смотришь на меня, как на последнего изверга, а я, между прочим, так и не услышал ни одного дельного предложения! – раздался сердитый голос Зулина. Стив насторожился – неужели что-то пропустил? – Вот мы сейчас распределим дежурства, уляжемся спать, так? А теперь представь себе: стоишь ты на часах, бдишь, так сказать, изо всех сил, а тут приходит в себя наш припадочный друг, тихонечко подымается,

подкрадывается... Хвать! Иефочка хрипит и болтает ножками. А утром – разумеется, если мы доживем до утра – Ааронн орошает слезами твой несомненно обворожительный, но безоговорочно холодный труп!

– Не нужно пугать меня рыдающим Ааронном! – злым голосом ответила Иефа. – Говори по существу. Ты предлагаешь бросить его?

– Нет.

– Уже легче.

– Я предлагаю хотя бы его связать.

– Я более чем уверен, что когда Стив очнется... – начал Ааронн.

– *Если* очнется, – фыркнул Зулин.

– *Когда* Стив очнется, – с нажимом продолжил эльф, – он вряд ли будет помнить свои поступки.

– Может, кто-нибудь мне объяснит... – очень мягко начал Стив, но его голос произвел эффект взорвавшегося огневика: Зулин подпрыгнул на месте, Иефа взвизгнула и вскочила на ноги, Ааронн схватился за свой лук. Только Вилка, недовольный поднявшейся суетой, заворочался, высунул из-под лапок крыла заспанную мордашу, обвел ошалевшим взглядом поляну, чихнул с клекотом и снова пристроился спать.

– Стив, – дрожащим голосом сказала Иефа, – ну наконец-то... Ты как себя чувствуешь?

– Вы меня несли? – строго спросил Стив, сообразив, что правды нужно добиваться или сейчас, или никогда. – Долго несли?

– С утра и до самого заката, – проворчал Зулин. – Надеюсь, нам это зачтется, когда ты соберешься...

Иефа с Ааронном хором шикнули, Зулин состроил недовольную мину и умолк.

– А что случилось? – продолжал спрашивать Стив. – Был бой? С кем? Меня ранили? Где мы находимся? Почему вы меня боитесь? Почему Зулин решил, что я хочу удушить Иефу? Иефа, ты что, чем-то меня обидела?

– Нет... – пробормотала Иефа, и Стив подумал, что, пожалуй, она не врет, и дело тут в другом. Мысли путались, но больше всех не давала покоя та, первая, про...

– И еще я хочу знать, почему мне мешает твой совомедведь! – рыкнул, раздражаясь, Стив.

– Тебе мешает... – пролепетала Иефа, сорвалась с места, подскочила к Стиву, схватила сонного детеныша в охапку и резво убралась на другой конец поляны, где принялась нашептывать возмущенному Вилке что-то чрезвычайно утешительное.

– Вот! – Зулин со значительным видом поднял указательный палец. – В прошлый раз все тоже началось с совомедведя!

– Да что началось-то?! – вне себя заорал Стив и сел.

– Стив, постарайся взять себя в руки, – очень спокойно и очень серьезно попросил эльф. – Я сейчас все объясню. Сегодня утром ты в приступе ярости пытался убить Иефиного совомедведя, потом, когда она за него вступилась, пытался убить и саму Иефу. Иефа тебя заморозила. Когда ты очнулся, то слегка пришел в себя, ровно настолько, чтобы побороть в себе желание убить Зулина. После этого ты потерял сознание, и мы несли тебя, пока не начало темнеть. Скажи, ты хоть что-нибудь помнишь?

– Я пытался убить... Иефу? – Стив растерянно посмотрел на эльфа, не веря своим ушам. – То есть я вот так просто... взял топор... или я голыми руками?...

– Топор, топор! – бодро закивал Зулин, но наткнулся на уничтожающий взгляд эльфа и сник.

– Топор... – пробормотал Стив, тоскливо глянул на полуэльфку и вдруг заметил свежую повязку на ее правой руке. – Это я ее... да? Вот так, просто... за здорово живешь... топором?...

– Стив, – позвал проводник, но дварф его не слышал.

– И я после этого остался с вами? Не ушел? Не сбежал? Знал, что могу убить – и остался?!

– Ты хотел уйти, – маг покровительственно похлопал Стива по плечу. – Но мы тебя не отпустили.

– Она тебя не отпустила, – поправил его Ааронн. Зулин бросил на эльфа гневный взгляд, но возражать не стал. Стив схватился за голову.

– То есть, погодите... но почему? В смысле... из-за чего? Что такого страшного она мне сделала?

– Ничего она тебе не сделала! – с досадой воскликнул маг. – Что за народ! Интересно, почему ты не впадаешь в черную меланхолию при мысли, что мог убить *меня*? Чем я хуже Иефы?!

– А у тебя такой *харизмы* нет, как у меня! – раздался до невозможности ехидный голос полуэльфки с другого конца поляны.

Зулин споткнулся на полуслове, фыркнул от негодования и демонстративно отвернулся.

– Она неисправима! – рассмеялся Ааронн. – Иефа, иди сюда! Никто не покушается на твоего совомедведя! Правда, Стив?

– Правда... – обалдело согласился Стив и неуверенно поглядел на свои руки, как будто они, руки, были самостоятельным живым существом, строящим коварные планы.

Иефа пристроила Вилку на свой плащ, подошла к костру и ободряюще улыбнулась. Стив облегченно вздохнул, но тотчас же снова напрягся: где-то на дне смеющихся глаз полуэльфки плескался страх. Ааронн посмотрел на Иефу и посерьезнел.

– Послушай, Стив, – начал он, осторожно подбирая слова. – Видишь ли, нам необходимо выяснить, что такое с тобой приключилось, иначе мы все – и ты в том числе – окажемся в очень неприятной ситуации. Я думаю, ты и сам понимаешь, что...

– Да связать его – и все дела! – пробурчал Зулин. – Развели тут политесы! На войне – как на войне.

– Я тебя очень прошу – помолчи хотя бы минут десять! – отчеканил эльф и снова повернулся к Стиву. – Послушай, ты должен вспомнить. Главное – не вини себя ни в чем. Это не ты. Это кто-то другой, и нам очень важно выяснить – кто. Поэтому сосредоточься и попытайся вспомнить, о чем ты думал, когда пытался зарубить Иефу. Образы, ощущения, желания – все, что придет в голову.

Стив еще раз посмотрел на свои руки и вздохнул. Руки-руки, что же вы такое наделали, руки, а? Стив закрыл глаза и приказал себе не слушать сердитое ворчание мага, потрескивание костра и ночные звуки леса. Нужно было вспомнить, очень нужно... Но так не хотелось. Стив нахмурился и мысленно обозвал себя тряпкой. Сейчас не до жалости к себе. Отвертеться решил, нюня! Неприятно ему, видите ли, вспоминать!

В памяти было пусто, как в покинутой выработке. Пусто и почти так же темно, только где-то вдалеке отсвечивал красным малюсенький огонек. Стив пошел на свет, осторожно касаясь холодных каменных стен, шел долго, устал и замерз, а огонек так и не приблизился ни на шаг. Стива начал колотить озноб, хотелось лечь, пусть прямо на камень, но лечь, подтянуть колени к животу, обхватить себя руками за плечи, закрыть глаза и не двигаться, и пусть мир живет своей жизнью, пусть текут реки, рушатся скалы, растут деревья, но все это без него, само по себе и – мимо...

Стив споткнулся, упал, ободрал ладони, а когда поднялся, огонька уже не было. Вокруг плескалась крошечная тьма, густая и холодная, она поднялась к самому горлу, и Стив понял, что все еще, бесконечно все еще, барахтается на дне заброшенной штольни в черной ледяной воде, вцепившись в обломок подпорки, что братья все-таки решили бросить его здесь, и Бруст ушел, ушел, и уже не вернется. Стив разжал пальцы и стал медленно опускаться на дно...

Пощечина вышла звонкой и злой. Стив непроизвольно мотнул головой и пришел в себя. Все тело сотрясала крупная дрожь, зуб на зуб не попадал, и вдобавок ужасно болела голова. Стив открыл глаза и равнодушно посмотрел во встревоженные лица Ааронна и Иефы.

– Я ничего не помню, – сказал он, отвечая на безмолвный вопрос эльфа. – Я действительно совсем ничего не помню. Оставьте меня в покое. Пожалуйста.

Иефа открыла рот, чтобы сказать что-то утешительное, но Ааронн жестом остановил ее.

Стив отвернулся и лег, зябко кутаясь в плащ. Где-то в глубине леса тоскливо кричала ночная птица, ветер таинственно шелестел верхушками деревьев. "Какое холодное лето..." – устало подумал Стив и закрыл глаза. За его спиной происходила тихая тревожная возня, что-то гневно шептал Зулин, шикала Иефа, тихо выговаривал магу Ааронн. Потом раздался одинокий возмущенный вопль фамильяра, которому хозяин в пылу спора наступил на хвост, и все затихло.

На рассвете Иефа, вооружившись поленом, затаилась в кустах и довольно долго наблюдала, как дварф, пошатываясь, сомнамбулой бродит по лагерю и явно что-то ищет. Полуэльфка старалась не дышать, тряслась и мысленно уговаривала Стива быть паинькой и лечь, но дварф упрямо наматывал круги по поляне, спотыкаясь о кое-как сваленные пожитки. Несколько раз Стив останавливался, поднимал руки к сереющему небу и что-то неразборчиво бормотал, и тогда весь менялся даже как будто выше ростом становился... Иефа терла красные от постоянного недосыпа глаза, а Стив опускал руки, снова становился собой и возобновлял бессмысленные поиски неизвестно, чего. С первыми лучами солнца Стив прекратил свое хаотичное передвижение по лагерю, подошел к своей подстилке и лег. Минут через десять, растерев затекшие ноги, обмирая от страха и не выпуская из рук полена, Иефа на цыпочках подобралась к нему и тронула за плечо.

– Стив... – позвала она шепотом. – Ты как, Стив? Ты спишь?

Дварф застонал во сне и перевернулся на спину. Иефа присела на корточки и еще долго вглядывалась в его бледное, осунувшееся лицо.

Глава 8

Весь следующий день прошел в мутной дымке полубреда. С утра Стив долго не мог понять, почему и куда он должен идти, а потом мучительно пытался сообразить, почему так трудно двигаться, и что за свинцовая тяжесть залила руки и ноги, и голову, и все тело. Сопартийцы казались Стиву до отвращения громкими и суетливыми, общая бессмысленность действий выводила из себя, но как-то вяло, не по-настоящему.

Взвалив на спину рюкзак, Стив поразился его каменной монолитности и даже рискнул поинтересоваться, не напихали ли ему туда чего лишнего, но в ответ, разумеется, получил только возмущенное кудахтанье Зулина. Удивляло и то, что Ааронн с Иефой промолчали. Полуэльфка только осторожно спросила, может ли Стив идти, и потом всю дорогу ни полсловечка не сказала, только тревожно шушукалась с эльфом, а тот становился все мрачнее и мрачнее.

Первые несколько часов восходящее солнце жестоко светило прямо в глаза, а потом поднялось выше, и Стив после долгих размышлений сделал вывод, что партия идет на восток. Почему на восток?

Ааронн шагал впереди, но следов почему-то не искал, во всяком случае, так показалось дварфу, и вообще вел себя странно. Иефа неотступно следовала за эльфом, и иногда Стиву казалось, что они так и не прекратили своей тихой напряженной беседы, только теперь обмениваются мыслями, как Зулин со своим фамильяром.

Маг плелся в хвосте партии, сгибаясь под тяжестью какого-то непонятного свертка, и уже даже не ругался – видимо, не было сил.

Стив упрямо переставлял пудовые ноги, хмуро глядя в землю, пот стекал с кончика носа, пот заливал глаза, и они слезились, и размытое зеленое пятно леса покачивалось из стороны в сторону, то убыстряя, то замедляя темп. Прошло уже много часов, а может, и дней, но проводник все шагал и шагал вперед, и Стив держался на ногах уже только из упрямства, а потом вдруг все понял.

Так вот оно что... Просто им поначалу стало стыдно, и поэтому Стива оставили в лагере, не бросили в лесу, а потом они, конечно же, пожалели об этом. Все ясно. Его специально выматывают бесконечным маршем, чтобы он упал без сил, чтобы попросил отдыха, чтобы был хороший повод назвать его, Стива, обузой, вышвырнуть из отряда и забыть, как дурной сон. Ловко придумано, ничего не скажешь. Интересно только, чья это идея.

Стив стискивал зубы и продолжал идти, и с неумолимо возрастающей злобой отмечал каждый брошенный на него тревожный взгляд, запоминал каждый поворот головы, и даже пытался читать по губам. Иногда ему казалось, что получается.

К тому моменту, когда задыхающийся Зулин слабым голосом скомандовал привал, Стив окончательно уверился во всеобщем заговоре, самым веским доказательством которого являлся тот факт, что Стива обезоружили. Без верного топора в руках Стив чувствовал себя голым и униженным, что, естественно, не делало его добрее.

Ждать, когда сопартитцы, наконец, соберутся с духом и нападут, Стив не собирался. Устроившись так, чтобы видеть всех сразу, он обвел глазами лагерь и произнес подчеркнуто безразличным тоном:

– А вот, кстати, возник вопрос- где мое оружие?

– Ты смотри – оружие ему вдруг понадобилось! – недовольно скривился Зулин, на которого неожиданно свалились обязанности повара. – На хрена тебе оружие, можно узнать?!

Стив бешеным усилием воли сдержал kloкочущую ярость и недобро ухмыльнулся:

– Ну, как же – я ведь, вроде, боец. А ежели кто нападет?

– Вот когда нападут, тогда и разговаривать будем. Ты что думаешь – мы совсем с ума съехали? Дай тебе в руки топор, ты со своими припадками нас на щепки порубишь. А потом плакать будешь – ах, как же так! Ах, я же не хотел! Ах, бедная Иефа, я же ей ручку отрубил! – Зулин скроил плаксивую физиономию, сцепил замком пальцы и театрально закатил глаза.

В следующую секунду он уже кубарем летел через весь лагерь, а потом на его горле сомкнулись руки Стива. Зулин захрипел, забился, царапая руками землю, за левым плечом озверевшего дварфа мелькнул Ааронн, и дышать стало легче, но не надолго. Стив с ревом махнул кулаком, и эльф исчез, и снова железные пальцы на горле, налитые кровью глаза буравят из-под косматых бровей, становится темно, шумит в ушах...

Стив дернулся, выпустил горло планара и обмяк. Зулин несколько раз жадно вдохнул, столкнул с себя неподвижного дварфа и обнаружил перед собой бледную, как смерть, полуэльфку с поленом в руках. У костра, запрокинув голову, унимал кровь Ааронн.

После привала Зулин безропотно помог эльфу положить Стива на носилки и скромно молчал до самого вечера.

* * *

Стив проснулся на рассвете от кошмарной головной боли. Затылок пульсировал и гнал к вискам тяжелые жаркие волны, от которых сохли и чесались глаза. Стив со стоном вздохнул.

– Привет, – раздался возле него тихий голос полуэльфки. Стив с трудом повернул голову и обнаружил, что она сидит на краешке его плаща и задумчиво смотрит в догорающий костер.

– Ты чего тут?

– Тише, все спят еще, – приложила палец к губам Иефа. – Как ты себя чувствуешь?

– Голова болит, – пожаловался Стив.

– Прости, – неизвестно зачем извинилась полуэльфка. – А мне опять утреннее дежурство выпало. Спать хочется – ужас.

Стив наморщил лоб, пытаясь поймать ускользающую мысль, но так и не сумел, а

потому пришлось задавать вопрос, ответ на который знать почему-то не хотелось.

– А почему ты возле меня сидишь?

– Холодно потому что, – вздохнула полуэльфка. – Я подумала: чем ждаться, пока ты очнешься, а потом по росе с поленом за тобой лазать, я лучше тут посижу. Если что, сразу тебя по головушке и тюкну.

– Если что – что? – севшим голосом спросил Стив, только сейчас заметив на коленях полуэльфки недлинную сучковатую чурку.

– Ничего, – отмахнулась Иефа. – Толку языком молотить – все равно ты не помнишь, что творил...

– Не помню, – машинально согласился Стив и вдруг понял, что – нет, помнит, да еще как! Он резко сел, схватившись за голову, и долго приходил в себя, шалея от врывающихся в память картинок: лезвие топора вспарывает рукав и окрашивается красным; отчаянные глаза полуэльфки, снизу-вверх, белые скулы; распыленный в попытках дышать рот Зулина, бесконечное изумление во взгляде; предрассветный лагерь и кто-то чужой внутри – найти, найти, найти...

– Ты врешь, – сказала Иефа и крепче ухватила свое полено.

– Вру, – опять согласился Стив и спохватился, увидев, что полуэльфка вот-вот вскочит и поднимет тревогу или – еще того лучше – шандарахнет поленом по лбу. – То есть, погоди, я не врал, то есть не вру, то есть... А, задница Мораддинова! – Стив сдвинул пальцами виски, пытаясь выжать головную боль, которая не давала сосредоточиться. – Я сейчас вспомнил. Вот только что. Я больше ни на кого не буду кидаться. Теперь можно рассказать все Ааронну, и он избавит меня от этого дерьма. Я теперь на любой вопрос отвечу...

– Стив, что ты искал прошлой ночью, вернее, на рассвете? – спросил Ааронн и сел на своей подстилке, вид у него был строгий и сосредоточенный, словно он только что отвлекся от изучения какого-нибудь пыльного фолианта, а не оторвал голову от охапки листьев под кодовым названием "подушка".

– Как я люблю, когда ты так делаешь! – саркастически воскликнула Иефа, вскочила на ноги и с досадой швырнула чурку в костер. – Какого черта я его сторожу, если ты все равно не спишь?!

– Стив? – настойчиво позвал эльф, не обратив на барда ровно никакого внимания. – Что ты искал?

– Я искал меч, – хрипло ответил дварф и сглотнул. – То есть это не я искал...

– Это понятно, что не ты, – отмахнулся Ааронн, – главное, определись, ты искал именно меч или вообще оружие?

– Именно меч, – прошептал Стив. – Дайте воды кто-нибудь...

Перед глазами дварфа появилась фляга, Стив честно попытался удержать ее рукой, но не сумел и начал валиться на бок. Иефа подхватила его, кряхтя, вернула в сидячее положение и поднесла флягу к губам. Стив долго и жадно пил, закрыв глаза и отгородившись от мира, прислушивался к разливающейся по телу прохладе и мысленно молился Морадину. Что же будет днем, если сейчас нет сил даже сидеть?

– Боги-боги, какие же мы идиоты! Феерические болваны! Недоумки, неучи! Ограниченные, безмозглые, узколобые кретины! Боги-боги, да мы не годимся даже улицы подметать, пустоголовые олухи!

– Черт возьми, ты перестанешь причитать или нет?! – занервничала Иефа. – Скажи что-нибудь внятное, я тебя очень прошу!

– Не могу! – гаркнул Ааронн и пнул спящего мага под зад. Зулин с криком вскочил и безумными глазами уставился на эльфа. – Скажи мне, ты маг или нет?! Что я недостойн носить звание друида и вообще эльфа – это я уже понял, но ты! Ты – маг или нет?!

– Демон Баатора... – пробормотал Зулин. – Ааронн, ты рехнулся? Что происходит?

– Я спрашиваю, ты маг или нет?! Если ты маг, как ты мог не обратить на это внимания?! – взбешенный эльф сунул Зулину под нос крестовину меча, добытого Стивом в центральной башне.

– Да что случилось-то? – жалобно спросил планар, опасливо отодвигаясь от Ааронна. – Чего ты суешь мне под нос эту железяку?

– Ааронн, – тревожно позвала Иефа, – он опять потерял сознание!

– Оставь, пусть полежит, ничего с ним не будет. Иди лучше сюда! К тебе у меня тоже есть парочка вопросов!

– Я не маг, – предупредила Иефа, бережно уложив Стива на плащ. – Если, конечно, ты об этом хотел спросить. Я бард, насколько это возможно в таких обстоятельствах.

– Если ты бард, то где была твоя бардовская любознательность, твое извечное стремление засунуть свой нос туда, куда не надо, любопытство твое чертово где было?! – вне себя заорал эльф.

– Ааронн, скажи толком, что случилось, и прекрати глотку драть, – устало сказала полуэльфка. – Ей-богу, никаких сил уже нет.

– Хорошо, – согласился проводник и сунул меч Иефе. – Изучи и скажи, что ты об этом думаешь.

– А можно я пока обратно спать лягу? – робко спросил так и не проснувшийся окончательно маг.

– Нет! – хором рявкнули Иефа и Ааронн.

– Садисты, – горестно вздохнул Зулин и занялся приготовлением завтрака.

Иефа не без усилий подтащила меч к своей подстилке и принялась изучать рукоять, справедливо рассудив, что лезвие не приспособлено для хранения такой информации, которую была бы в состоянии понять усталая полуэльфка. Не питая никакой особой любви к оружию, Иефа честно, но тщетно попыталась воздать должное искусству оружейника, а потом ее внимание привлек затейливый орнамент, украшавший крестовину. Иефа поднесла меч к самым глазам и закусила губу, холодея от дурного предчувствия. На поверку, орнамент оказался полустертой надписью на старом имперском, и настырная интуиция подсказывала Иефе, что лучше бы ей содержания надписи не знать. Легче жить будет.

– Ну? – нетерпеливо спросил Ааронн, нервно мерявший шагами поляну.

– Баранки гну, – мрачно ответила Иефа. – Будто сам не знаешь – тут надпись на староимперском. Почти стертая...

– Но прочесть можно! – сварливо буркнул проводник.

– Можно, – кивнула Иефа. – Я обязательно это сделаю, только, пожалуйста, прекрати бегать туда-сюда. Ты скоро канавку протопчешь посреди лагеря.

– Читай!

– Совсем извелся, сердешный... – пробормотала полуэльфка и снова склонилась над крестовиной.

"Вор обречен..." – с трудом разобрала она первые два слова и тоскливо посмотрела на Стива.

– Ну? – повторил Ааронн.

– Помолчи немного, а? – огрызнулась Иефа.

– Я так и думал, что все плохо, – кивнул эльф.

"Вор обречен... до конца... дней? Нет, до конца жизни... В прочем, до конца дней своих – то же самое..." – Иефа поймала себя на бешеном нежелании разбирать надпись дальше и вздохнула. "Укрavший (вор) обречен до конца дней своих отнимать..." – полуэльфка удивленно подняла голову, встретила суровый взгляд проводника и поспешно вернулась к надписи. "...обречен до конца дней своих отнимать... нет, тут другое... отнимать... красть? Вор обречен красть? Ладно... обречен красть чужое... чужую... нет, тут множественное... красть чужие жизни..."

– Черт! – вырвалось у Иефы.

– Ну?! – рявкнул Ааронн.

– Хватит нукать – я не лошадь! – вскинулась полуэльфка. – Имей терпение!

"Черт возьми... черт!...красть чужие жизни... либо... чужие жизни либо... что за бред... красть... черт, черт, черт! Вор обречен до конца своих дней красть чужие жизни либо

отнимать у себя свою... либо чужие, либо свою... Убивать или умереть, так что ли?"

– Иефа, я тебя сейчас стукну, – пообещал Ааронн. – Ты уже минуты три тупо смотришь в одну точку. Не трави душу, говори!

– Тебе литературный перевод на всеобщий, в стихах? – неожиданно разозлилась полуэльфка. – Или все-таки устроит банальный подстрочник?

– Иефа, прекрати, – эльф устало опустил рядом с ней на плащ и на секунду закрыл глаза. – Я знаю, ты тоже волнуешься. Я знаю, что на этом мече проклятие, а теперь хочу знать, какое именно.

– Проклятие? – раздался встревоженный голос Зулина. – И вы молчите?! Я говорил, что не нужно тащить с собой эту железку!

– Если вкратце, то у Стива два пути: либо он будет регулярно кого-нибудь убивать, либо он умрет сам, – сказала Иефа.

– Не плачь, – попросил Ааронн.

– Я не плачу, – удивилась полуэльфка и подняла на проводника мокрые глаза.

– Я хочу ясности! – взорвался Зулин. – Ааронн весь день позволяет себе повышать на меня голос, Иефа игнорирует мои приказы, Стив ворует проклятые мечи из гробниц – и при этом все хотят, чтобы я оставался командиром?!

– Интересно, с чего он взял, что все этого хотят, – прошептала Иефа. Ааронн грустно улыбнулся.

– В конце концов, выясняется, что на мече магический капкан, а вы спокойно сидите себе у костра и изо всех сил жалеете олуха, который всех нас подставил!

– Зулин, не кричи, – попросил эльф. – Какой ясности ты хочешь?

– Я хочу знать, что там написано! Дословно! Я хочу знать, как скоро это проклятие начнет действовать на меня, и сколько народу мне придется отправить на тот свет, чтобы остаться в живых!

– О как... – восхитилась Иефа. – Значит, если ты проклят, ты будешь послушно следовать правилам, убивать, идти на поводу у скряги, которого жаба задавила четыреста лет назад, что кто-нибудь прихватит его драгоценный меч, значит, ты не будешь, как Стив, бороться с самим собой, а начнешь пускать кровь, кому ни попадя?

– Во-первых, правила на то и правила, чтобы им следовать, – злым голосом ответил маг, – а во-вторых, да, я буду делать все, чтобы продлить свою жизнь, потому что у меня есть приказ, у меня есть задание, которое я должен выполнить! И не только я! Вы тоже должны!

– Значит, любые средства хороши? – недобро усмехнулась полуэльфка.

– Да! – запальчиво крикнул Зулин. – Да, любые! Не надо меня пугать избитыми фразами! Любые средства хороши, потому что я на правой стороне!

– Да ты фанатик... – презрительно протянула Иефа. – Забавно. Люди, швырявшие в меня камни из-за моих острых ушей, были уверены, что они на правой стороне. В прочем, как и эльфы, которые тоже меня прогнали, и тоже из-за ушей. Правда, они как раз считали, что мои уши недостаточно остры. Не паникуй, Зулин. Это проклятие действует только на того, кто взял меч.

– Ты уверена?

– Да.

– В любом случае, нужно немедленно избавиться от этого меча, – сказал маг уже гораздо спокойнее.

– Зулин, Стив умирает, ты что, до сих пор не понял? – тихо спросил эльф. – Пусть мы сопротивлялись, пусть мы помогли ему избежать кровопролития, но ты же прекрасно понимаешь, что все это до поры до времени. Мы живы не потому, что такие сильные и ловкие, а потому что Стив сделал выбор. В конце концов, он выбрал свою смерть, а не нашу.

Маг открыл рот, чтобы достойно ответить, но ничего не придумал и вздохнул. Иефа с ненавистью посмотрела на меч.

– Может, попробуем вылечить? – без всякой надежды спросила она, ни на кого не глядя. – Может, если мы вместе...

– Ты умеешь снимать проклятия? – ответил вопросом на вопрос эльф. – И я не умею. Но ты права – лечить его мы будем, будем изо всех сил, тогда, по крайней мере, никто не сможет упрекнуть нас в том, что мы ничего для него не сделали.

– То есть, это совершенно безнадежно? – прошептала Иефа.

– Да, – жестко ответил Ааронн. – Он теряет больше силы, чем мы можем ему дать.

– Но идти-то он сможет? – деловито поинтересовался Зулин.

– Какое-то время, – с неприязнью посмотрел на мага Ааронн.

– Вот и хорошо. Тогда завтракайте, собирайтесь с силами и лечите. Очень не хочется сидеть на этой поляне и плакать, ожидая, пока Стив умрет.

– Зулин, ты что, неживой? – недоверчиво спросила Иефа.

– Я дисциплинированный! – отрезал маг, отобрал у барда меч и отправился с ним куда-то вглубь леса.

* * *

Стив споткнулся, удержал равновесие, вытер пот со лба, на секунду закрыл глаза, приказывая себе собраться. Эту монотонную последовательность действий он проводил уже в тысячный, нет, в миллионный раз, и снова на нее ушло чуть больше сил и времени. Стив шел медленно, сгибаясь под тяжестью своего топора, иногда сильно отставал от партии, и тогда ему становилось стыдно, так стыдно, что он старался не поднимать взгляд на ожидающих его сопартийцев.

Впрочем, еще утром, пережив длиннейшую нотацию от Зулина, кое-как собрав свои вещи и пообещав себе умереть, но не позволить снова себя нести, так вот, еще утром Стив посмотрел на Иефу с Ааронном и подумал, что выглядят они едва ли краше него. Оба были бледны, у обоих залегли под глазами синие тени, обоих заметно пошатывало. Оба не признавались, что с ними такое, оба ссылались на усталость.

А еще Стив всем своим обессилевшим нутром чуял тонкую прозрачную стену между собой и остальными, стену под названием "тайна". Все они знали о нем что-то такое, чего ему знать не полагалось. Стив злился, но изменить ситуацию не мог: в ответ на все его попытки что-то выяснить Зулин сердито фыркал, Ааронн молчал, а Иефа делала круглые глаза, хлопала ресницами и вообще прикидывалась круглой дурой, из чего Стив сделал вполне логичный вывод, что дела его плохи.

А ведь с утра, по крайней мере, пока не завелся со своей лекцией Зулин – то есть целых пятнадцать или даже двадцать минут! – было совсем неплохо. Открыв глаза, Стив с удивлением ощутил даже некий прилив сил, чего не было уже дня три. А потом он посмотрел на барда и друида, и сник.

Нет, ну к чему это – делать из дварфа болвана?

А вот недавно до Стива дошло – жалеют.

Большого ума не нужно, чтобы понять, что ты умираешь. Пусть Зулин рассказал, что он, Стив, кидался на всех из-за проклятого меча, а теперь, когда меча нет, все будет хорошо. Сказочка.

Когда Стив додумался, что потихоньку сходит на нет, что передвигаться может только благодаря Иефе и Ааронну – иначе с чего бы у них был такой выжатый вид? – и что от него это скрывают, видимо, не желая расстраивать, он тут же сообщил о своих догадках сопартийцам. Такого качественного валяния дурака Стив не видел давно.

С тех пор все активно *делали вид*. Партия делала вид, что все хорошо, Стив делал вид, что не знает, что все плохо, а Зулин, Иефа и Ааронн делали вид, что не знают, что Стив знает, что все совсем не так хорошо, как они делают вид.

Стив одного только не мог понять – *зачем*?

– Стив, может, я все-таки понесу твой топор? – уже в десятый, кажется, раз спросил Ааронн, дождавшись, пока дварф нагонит партию.

– Понеси лучше Иефу, – уже в десятый, кажется, раз буркнул Стив.
– Я уж как-нибудь сама... – уже в десятый, кажется, раз отмахнулась полуэльфка.
– Сдается мне, друг мой Ааронн, – неожиданно вмешался Зулин, – что ты слишком часто смотришь на Стива и слишком редко – под ноги.

– То есть?

– Я хочу сказать, что ты, видимо, забыл, что состоишь в отряде на должности проводника, – сварливо ответил маг. – Мы решили срезать угол, насколько я помню, но, друг мой, мы срезаем его уже третий день! Я понимаю, что мы движемся медленнее, чем обычно, но, даже учитывая нашу черепашью скорость, пора бы уже найти след. Что неясно? Ты проводник? Проводник. Почему ты не ищешь след, вот что меня интересует.

– Основания, – вызывающе бросил Ааронн. – Не вижу веских оснований для подобного вывода. Прости, но я не собираюсь опускаться на четвереньки и нюхать землю каждый раз, когда тебе захочется убедиться в том, что я добросовестно исполняю свои обязанности.

– Ты не ищешь след, – упрямо насупился Зулин. – И это видно невооруженным глазом. Не делай из меня идиота.

– Куда уж больше, – проворчала Иефа.

– Зулин, я не вмешиваюсь в твои магические игрища, поскольку убежден, что каждый должен заниматься исключительно своим делом. Было бы очень мило с твоей стороны, если бы и ты принял эту точку зрения.

– Ааронн, я бы с удовольствием предоставил бы тебе возможность спокойно делать свое дело, если бы ты его действительно *делал* ! Но ты его *не делаешь* , и я хочу знать, *почему* !

– Так, – сказал Ааронн и остановился. – Стоп.

Иефа молча скинула со спины рюкзак, подозвала Вилку и уселась на землю. Стив подумал пару секунд и последовал ее примеру.

– Я, кажется, не командовал привал, – злым голосом сказал маг.

– Но ведь вы все равно не сможете как следует переругаться на ходу, – пожала плечами полуэльфка. – А сидя слушать удобнее. Так что давайте, приступайте.

Стив обессилено привалился спиной к ближайшему дереву и подумал, что после такого приглашения он лично ни к чему не приступил бы, но Зулин оказался крепким орешком. Он всего-то минутой испепелял Иефу яростным взглядом, а потом приступил по полной программе, с воодушевлением.

Лекция о вреде расхищения гробниц была жалким лепетом по сравнению с теперешней гневной речью мага, которую без преувеличения можно было назвать шедевром ораторского искусства. Зулин сыпал риторическими вопросами, патетически вскидывал руки, восклицая: "демон Баатора!" или "нонсенс, нонсенс!", трагически опускал голову и понижал тон, произнося: "я мог ожидать чего угодно, но только не этого..." или "это огромное разочарование, огромное..." и вообще совершал много других телодвижений, которые делали его речь необычайно выразительной и яркой. Через пять минут Стив окончательно запутался в хитросплетении посылок и логических выводов, а через десять поймал себя на том, что задремывает и даже начинает тихонько похрапывать.

Иефа задумчиво перебирала пальцами перышки на загривке детеныша и сосредоточенно смотрела на эльфа. По поводу следов ей тоже хотелось задать пару вопросов, но перебивать мага было опасно – от возмущения он вполне способен был разразиться речью раза в два длиннее.

– ... и никто, да, я настаиваю, никто не следит за временем! – бушевал планар. – Более того, когда я позволяю себе вернуть вас в календарную действительность, вы проявляете недовольство! Что ж, позволю себе эту бестактность еще раз! Сегодня двадцать девятое! Три недели прошло!

– Скажи, пожалуйста, Зулин, – неожиданно прервал мага Ааронн. – Неужели ты думаешь, что у нас есть шанс, срезая угол, обнаружить след трехнедельной давности, даже если предположить, что преследуемая нами группа все это время тупо шагала на

северо-восток, не меняя направления и на каждом привале вырезая свои имена на стволах деревьев?

– Но... – Зулин запнулся, растерянно посмотрел на эльфа и потер лоб. – Погоди... То есть... Ты хочешь сказать... То есть ты не ищешь след, потому что уверен, что мы его не найдем?

– Нет, Зулин. Я не ищу след, потому что уверен, что мы его найдем.

Иефа удовлетворенно кивнула и усмехнулась про себя: вот тебе и ответ, и никаких вопросов задавать не пришлось. В прочем, ничего другого и ожидать не стоило.

– Объяснись, – сурово потребовал Зулин и наконец-то тоже сел.

– Нечего тут объяснять, – пожал плечами эльф. – Даже если мы решим перезимовать на этой поляне, мы все равно, когда сойдет снег, обнаружим четкий, аккуратный след – просто потому, что кому-то очень нужно, чтобы мы его нашли.

Зулин открыл рот, закрыл его, снова открыл...

– Ты что, хочешь сказать, что все это время, все три недели вел нас по следу, который оставляли *специально*?! И ни словом об этом не обмолвился?!

– А смысл? – хмыкнул Ааронн. – Ну представь, что я тебе сказал. Ты бы отказался от преследования?

– Конечно, нет! – возмущенно крикнул маг. – Но все было бы принципиально по-другому! Мы были бы готовы...

– К чему?

– Да какая разница?! Мы просто были бы *готовы* ... ко всему! Ты же сделал из нас самых настоящих марионеток, ты позволял врагам беспрепятственно дергать за веревочки, ты...

– Зулин, угомонись, – усмехнулась Иефа. – На счет беспрепятственности – это уже перебор. Ты лучше подумай, как с нами намучились наши бедные... хм... кукловоды. Держу пари, ни один кукольный театр не знал таких придурковатых и непоседливых марионеток. Смотри, нам оставили такой красивый, четкий след, а мы, не будь дураки, сами себя и всех вокруг перехитрили, поперлись на север. Представляешь, как они расстроились? Мало того, что мы изничтожили пяток гоблинов и шамана, которые, полагаю, были у них совсем не лишними, так еще и времени сколько потеряли! Потом, когда бедняги кукловоды наконец-то заманили нас на северо-восточный след, мы опять убрели на север. Я думаю, они здорово перетрусили, когда обнаружили, в какую гадость мы успешно вляпались...

– Ты говоришь так, будто за нами все это время следили, – подал голос Стив.

– А я уже ничему не удивлюсь, – махнула рукой полуэльфка. – Может, и следили. Во всяком случае, мы им здорово порушили все планы, особенно, если для них были важны сроки.

– Да, но зачем? – растерянно спросил Зулин. – Если все это – одна большая подстава, то с какой целью? Чего они добиваются? Что за бред – красть мирогляд, а потом оставлять четкие следы... для чего? Чтобы мы догнали и отобрали? Нет, это вообще сумасшествие какое-то...

– Ой, не могу! – Иефа расхохоталась до слез. – Вы только представьте себе картину: стырили себе гоблины мирогляд, спрятались за какой-нибудь корягой и сидят, ждут, когда мы из города выйдем! А мы день не выходим, два не выходим, три не выходим, мы в это время расследование, блин, проводим, в сыщиков во всю играем! Умереть!

– Иефа! – укоризненно воскликнул Зулин.

– И тут старший гоблин и говорит: "Чегой-то поисковая партия так долго в городе делает? Они, наверное, полные идиоты, так что нужно северо-восточный след почетче оставить, а то не найдут ведь!" – не унималась полуэльфка. – Нет, вы представляете себе – вот оставили они три следа, сидят на развилке в кустах, видят, что проводник следы обнаружил, радуются, а тут этот проводник, чтоб ему пусто было, губки эдак поджигает и говорит важно-важно: "Нам, мол, этот северо-восточный след не нравится, он слишком четкий. Пойдем-ка мы на север!" Главный гоблин в обморок – хлоп! А когда очнулся, так

заплакал, сердешный! "Да что ж, – говорит, – они за дубины такие стоеросовые! Да что ж нам теперь делать-то, горемычным?"

– Иефа, успокойся, пожалуйста, – попросил Ааронн.

– И плачет, плачет! – Иефа смахнула выступившие от смеха слезы, перевела дух и снова захохотала. – "Отправьте, – говорит, – отрядец на север, пусть они там тихонько убьются об дерево, чтобы эти идиоты на нужный след наконец-то свернули..." И вот, значит, кинули они жребий, кому помирать идти, а сами носами шмыгают, друг дружку жалеют, а главный гоблин и говорит: "А пошлите-ка еще на юго-запад восточку, пусть тот отряд тоже себя обо что-нибудь убьет, на всякий случай. Вдруг эти кретины решат на юго-запад идти? От них всего можно ожидать!"

– Иефа, попей водички, – неуверенно предложил маг. Полуэльфка отпихнула протянутую флягу и в изнеможении повалилась на бок.

– Ой, не могу, живот от смеха заболел... Нет, вы только представьте на секундочку: вот пасут нас гоблины, пот со лба утирают, как бы мы никуда не свернули, разведчиков вперед высылают, даже комаров распугивают, чтобы не кусали, и вдруг напарываются на вырубку... А на ней толпа зомби лес валит и клюквенный морс попивает! Главный гоблин всполошился, прибежал, ручками на зомбухов машет: "А ну кыш, – говорит, – отсюда, кыш! Да уйдите же вы, родные, ну пожалуйста! У нас тут отряд полудурков – они ж как дети малые, обязательно к вам прибегут, в лесорубов играть!" А зомбухи ему тупо так: "Мы не можем, у нас контракт, археологическая экспедиция..."

Иефа захлебнулась смехом и начала икать. Ааронн решительно подошел к полуэльфке, рывком заставил сесть и отвесил две звонкие пощечины. Детеныш совомедведя, до этого с опаской наблюдавший за странным поведением хозяйки, встал на дыбы, встопорчил перья на загривке и угрожающе разинул клюв. Иефа помолчала две минуты, закрыв лицо руками, потом подняла голову и спокойно посмотрела на Ааронна.

– А все-таки ты был неправ. Ты должен был нам сказать с самого начала. И дело не в том, что мы были бы готовы или не готовы к чему-то там... Дело в том, что мы могли бы сделать какие-то выводы, возможно, сумели бы понять, что же на самом деле происходит. А ты вел нас, как стадо баранов.

– Я вел вас, как поисковую партию! – разозлился эльф. – И если вы при этом вели себя, как стадо баранов, то что я мог с вами поделать?

– Что ты мог с нами поделать? – насмешливо переспросила Иефа. – Ты мог с нами поговорить.

– Впрочем, как и ты, Иефа, – Ааронн с треском сломал подвернувшуюся под руку сухую веточку и отшвырнул ее, не глядя, в сторону. – Тебе не кажется, что если мы начнем задавать вопросы тебе, список тайн, личных соображений, неадекватной оценки окружающих и вообще тем, на которые ты могла бы с нами поговорить, но не поговорила, превысит все ожидания?

– Оооо... – насмешливо протянула полуэльфка и поднялась на ноги. – Отлично. А мне казалось, что ты изменился в лучшую сторону.

– Не уверен, что кто-то давал тебе право меня оценивать, – процедил Ааронн.

– Что такое, не нравится? – деланно удивилась Иефа. – Так вот, вспомни, как это неприятно, когда в следующий раз соберешься оценивать кого-то сам!

– Демон Баатора! – пробормотал совершенно сбитый с толку планар. – Лучше бы я молчал...

– Мелочность и мстительность еще никого до добра не доводили, – презрительно выгнул бровь проводник. – К тому же, ты явно переоцениваешь свои способности к логическому мышлению, не говоря уже об усидчивости, трудолюбии и остроте ума.

– Переходим на личности? – зло обрадовалась полуэльфка.

– Я не имею привычки опускаться до базарной ругани.

– Должна тебя огорчить – ты уже опустился.

– Довольно смелое заявление для полукровки, которая не любит, чтобы ее оценивали.

– Что и следовало доказать.

– Други мои, стойте! – Зулин в ужасе схватился за голову. – Да что же вы делаете-то! Успокойтесь! Ааронн, ты совсем с цепи сорвался! Иефа, да вы же сейчас передеретесь к демонам лысым! Опомнитесь! Стив, скажи хоть ты что-нибудь умное!

– Я устал, – хмуро произнес дварф. – Если им охота перегрызть друг другу глотки, пусть перегрызут, пар спустят. Сами же потом лечить друг друга будут. Вы мне только скажите: привал сейчас или нет? Если да, идите ругаться подальше в кусты, дайте поспать. Если нет, хватит на одном месте топтаться. Будет привал – сядем и спокойно все обсудим.

– Ну... – Зулин неуверенно посмотрел на взъерошенных сопартийцев. – Я полагаю, до привала нам еще часа два придется идти. Сможешь? – повернулся он к Стиву.

– Куда я денусь, – философски хмыкнул дварф и с трудом поднялся на ноги, опираясь на свой топор. – Эй вы, спорщики, в следующий раз, когда будете накачивать меня силой, чтоб я не окочурился на ходу, а потом будете глазками невинно хлопать и шлаком прикидываться, вспомните, что вы тут кричали на тему откровенных разговоров и уважения, лады?

Иефа с Ааронном дружно посмотрели на Стива и, как по команде, отвели глаза.

– Вот и славно, – усмехнулся Стив, любуясь все ярче разгорающимися ушами полуэльфки. – Вот и договорились.

* * *

Самые гениальные люди в мире – это строители! – учил когда-то Зулина Баламут. – Причем не те строители, которые возводят дворцы и башни, – хотя они тоже ребята вполне ничего – нет, я говорю о Строителях с большой буквы. Люди – или не люди – в общем, личности, которые способны Построить что-либо: отношения, товарищей, теорию, воздушные замки, да что угодно, главное, уметь создать, выстроить, связать в единое целое... И чем живее материал, тем выше ранг Строителя. Попробуй построить окружающих: друзей, подчиненных или учеников – и ты поймешь, что нет более благодарной, нервной, опасной, неустойчивой и – самое важное – интересной работы. И мне очень жаль, мой юный недалекий друг, что ты Строителем стать не способен. К сожалению, это совершенно не исключает ситуации, в которой тебе все же придется им стать. И если наступит в твоей жизни такой черный день, вспомни, пожалуйста, чем личность отличается от кирпича...

Когда-то Зулин просто отмахнулся от разглагольствований старикашки Мо, в прочем, как делал всегда, когда Зодчий пускался в длинные, путанные и, как правило, непонятные рассуждения. Теперь планар сверлил мрачным взглядом спины своих "кирпичей" и невесело размышлял о том, что Строители – если верить старикашке Мо – существа, скорее всего, мифические. Ни один руководитель, даже самый лучший, – а Зулин искренне считал себя по крайней мере неплохим – не способен бесконечно учитывать сиюсекундную форму каждого "кирпича" в отдельности. Конечно, если он не потомственный сумасшедший с раздесатерением личности. Это же просто бред.

Никакого спокойного обсуждения на привале не получилось. Иефа с Ааронном старательно не замечали друг друга. Проводник сказал, что ему срочно нужно перебрать свои скудные запасы трав и кое-что обновить, и растворился в лесной чаще; Иефа принялась увлеченно воспитывать своего совомедведя и в разговорах участвовать отказалась. Стив уснул, как убитый, даже не пообедав.

Зулин с тоской глянул на булькающую в котелке похлебку и протелепал Зверю, что пора обедать, но фамильяр категорически – хоть и вежливо – отказался: он поймал сурка. В полуденной лесной тишине Зулину явственно слышался тихий настырный треск: партия расплзалась по швам.

Строители! Шарахнуть бы этих "личностей" мастерком по башке, чтоб воображали о

себе поменьше! Да, пожалуй, в одном Баламут оказался прав: день, когда Зулину впервые пришлось строить своих сопатийцев, действительно оказался черным. В прочем, как и все последующие.

Когда Зулин наконец скомандовал привал, Стиву уже было все равно, что происходит вокруг. Казалось... Хотя, нет. Уже ничего и не казалось. Все было никак, и Стив был никто, вернее... Стива почти не было. Он практически не ощущал своих ног, в нижней части туловища образовалась какая-то вибрирующая пустота, и эта пустота странно и нелепо пружинила, когда приходилось делать следующий шаг. Но как только Стив опустился на землю, исчезла и она. Только на задворках сознания слабо трепыхалась мысль, что, наверное, это хорошо. Ведь если нет даже пустоты, значит, идти дальше уже не придется.

Стив закрыл глаза, провалился в тяжелый, не приносящий отдыха сон, и уже не видел, как Ааронн с Иефой впервые за целый день посмотрели друг другу в глаза, не сговариваясь, молча подошли к нему, взяли за руки и принялись лечить.

Огонь был повсюду. Черный дым выедал глаза и забивался в легкие, кружилась голова, а огонь плясал и прыгал, и все ждал, когда же Стив упадет. Этот странный дом, объятый пламенем, играл в какую-то свою игру, то сжимая, то разжимая пространство, и тогда горящие стены надвигались на Стива, а потом вдруг шарахались в стороны, трещали потолочные балки, и пол вспыхивал и тлел под ногами. Круговерть стен сбивала с толку, Стив терялся и не мог понять, в какой стороне находится входная дверь. Мир вокруг раскрасился в черный и оранжевый, и воздуха не было, совсем не было, и яркие круги перед глазами...

Стив упал на колени, красные угольки жалили через толстую кожу штанов, но ему было уже все равно. Из дома не было выхода, а если даже и был, уже не хватало сил его искать.

А потом Стив услышал голос, который тихо и вкрадчиво полупроговаривал, полупропел слова:

***Дремлешь, похожий на памятник,
Непостижимый сырой земле,
Неба плащ в головах,
Ветра плач на губах, –
Гордая мать родила...***

Стив всхлипнул и пополз на звук, обжигая ладони. За его спиной обваливался потолок, пожар дышал в затылок, а перед ним тянулась блестящая белая нить, дрожала, переливалась и пела:

***Кто ты – захожий, заезжий ли,
Или зарею задержанный?
В горле – пустая кость,
В доме – недобрый гость
Вяжет ковыль в удила.***

Дым стал редеть, Стив сумел подняться на ноги и побрел, шатаясь, вперед, за белой нитью, за странным знакомым голосом. Силы прибывали, стало легче дышать, и огонь не был уже таким страшным, просто горел, не сжигая...

***Странные скачки,
Травы кричат слова:
"А в полнолуние
небо зеленое***

*только над городом,
только над городом
твоим..."*

Стив вышел на крыльцо и оказался в ночном лесу, у костра. Голос устал и затих, Стив обернулся, чтобы посмотреть на догорающий дом, но за спиной были только темные силуэты деревьев. На Стива навалился сон, такой сильный, что не было уже смысла идти к костру. Стив опустил на землю, подложив под голову руку и крепко уснул.

– Иефа, что это было? – Ааронн подхватил теряющую сознание полуэльфку и сильно встряхнул. – Иефа!

– Что? – Иефа открыла глаза, тяжело вздохнула и ухватила эльфа за плечо, пережидая дурноту.

– Я спрашиваю, что это было?

– Не кричи, Стива разбудишь, – пробормотала полуэльфка. – Давай к костру пересядем, мне холодно что-то. Помоги подняться

Ааронн встал, молча подхватил Иефу на руки и отнес к костру, бережно усадив на свой плащ, сел рядом и пристально посмотрел в глаза.

– Только не думай, что на этот раз отвертись от объяснений, – шепотом сказал он и оглянулся на Зулина. Маг похрапывал, накрывшись плащом с головой.

– От каких объяснений? – попыталась удивиться Иефа.

– От таких! Ты просто невыносима! Объясни, как я могу помочь тебе контролировать и рационально использовать твои способности, если каждый раз ты придумываешь что-нибудь новенькое?! Вот сейчас – что это было?

– Песня, – неуверенно произнесла полуэльфка.

– Откуда вдруг песня?! – прошипел Ааронн. – Что ты мне голову морочишь?! Ты прекрасно обходилась без песен, когда лечила Зулина, например! Что это за слова? Причем здесь полнолуние?!

– Я не знаю, – жалобно протянула Иефа. – Ну, так сложилось, так получилось, само... Я не понимаю, чего ты так взъерошился! Я на ногах не стою, все силы Стиву отдала, досуха, а ты ругаешься...

– Ты что, в принципе не поняла, что произошло?! – эльф так разошелся, что у него даже глаза начали посверкивать желтизной в темноте, как у волка. Иефа глянула на него и поежилась. – То есть, совсем не поняла?! Да ты со своей песней вышвырнула меня из процесса лечения, как котенка из корзинки! Ты *одна* его наполнила, понимаешь? Одна! Эту прорву! Я не удивлюсь, если он продержится на твоей силе еще дня три! А до этого ты простенькую царапину не могла залечить без последующей слабости и головокружения! Поэтому не надо мне рассказывать, как все сложилось и получилось! Или ты отвечаешь на мои вопросы, или я до конца жизни с тобой не разговариваю!

– Ого, – изумленно вскинула брови полуэльфка. – Вот угроза так угроза...

– Давай обойдемся без твоих плоских шуточек, – надулся друид.

– Ну как ребенок, ей-богу... – пробормотала Иефа и устало вздохнула. – Я невыносима... А сам? Семь пятниц на неделе, даром, что принц...

– Ты о чем? – удивился эльф.

– Определись, пожалуйста, как ты ко мне относишься, – раздраженно буркнула Иефа. – Я ужасно утомилась от того, что первую половину дня ты строишь мне глазки и ведешь беседу на равных, а после обеда внезапно начинаешь презирать, бранить и третировать. Давай, будет уже что-то одно, а то вот это твое туда-сюда несколько выводит из состояния душевного равновесия.

– Иефа, ты опять уходишь от темы! – шепотом воскликнул Ааронн, и, кажется, покраснел. В прочем, вполне возможно, что это были просто отблески костра.

– Это ты опять уходишь от темы! – вспылила Иефа. – Хочешь ответов – ответь сперва

сам! По-моему, вполне честный обмен!

– Терпеть не могу меркантильных...

– Ааронн!

– Ну, хорошо! – эльф задумался на минуту. – Ты меня беспокоишь.

– В каком смысле?

– Во всех. И меня это бесит. Иногда мне хочется, чтобы тебя просто не было.

– Ну что ж, – Иефа неопределенно усмехнулась. – У нас с тобой полная взаимность.

– В каком смысле?

– Во всех. Иногда мне тоже хочется, чтобы тебя просто не было.

– Иногда?

– Иногда.

Ааронн надолго задумался, глядя в огонь. Иефа закрыла глаза и стала вспоминать слова песни, пришедшей откуда-то издалека, вроде бы и случайно, но это "вроде бы" было всего лишь неуклюжей отговоркой. Конечно, стоило бы поменьше врать – Иефа отлично знала, почему пришла эта песня, и про кого она. Вернее, *для* кого. И так не хотелось отвечать на вопросы.

– А сейчас? – неожиданно спросил Ааронн, все так же глядя в костер.

– Что сейчас? – не поняла полуэльфа.

– Сейчас тебе тоже хочется, чтобы меня просто не было?

Иефе вдруг стало грустно.

Сейчас я скажу, что нет, потом он обнимет меня за плечи, потом скажет какую-нибудь глупость... Или нет, для глупостей он не годится. Будет по-другому. Он обнимет меня за плечи, потом поймет, что такая позиция предполагает хоть немного лирики, а лирики ему совсем не хочется... Он загонит себя в угол, выбраться из которого можно только одним способом: начать говорить о работе. Он спросит, откуда же все-таки эта песня, и напомним, что я обещала ответить. А потом в ходе беседы незаметно уберет руку, а еще через полчаса вежливо пожелает спокойного дежурства и отправится спать, а утром все будет, как раньше... Может, не отвечать?

– Так что сейчас? – настойчиво повторил Ааронн.

– Нет. Сейчас – нет, – машинально ответила Иефа.

– Мдаа... – задумчиво протянул эльф. – Сейчас тебе, по-моему, просто все равно.

– Мне не все равно! – вскинулась полуэльфа.

– Правда?

– Правда.

– Ты странная, – сказал Ааронн, обнимая барда за плечи. – Зачем ты все время врешь?

– Я не вру! – возмутилась Иефа, а сама подумала: "Действительно, зачем?"

Потрескивал костер, Иефа недоверчиво ощущала руку друида на своем плече, Ааронн смотрел в огонь, иногда украдкой поглядывал на полуэльфку, молчал и улыбался каким-то своим мыслям.

– Я думала о том рыцаре, – с мрачной решимостью сказала Иефа и внутренне съежилась, ожидая реакции.

– Послушай, – медленно произнес Ааронн, повернулся к полуэльфке и очень серьезно посмотрел ей в глаза. Иефа вздрогнула, напряглась: глаза эльфа оказались слишком близко, так близко, что видны были желтые искорки, пляшущие в глубине, и, наверное, если придвинуться еще ближе, можно будет прочесть мысли. – Я... Мне не очень хочется обсуждать это сейчас. Давай отложим рабочие разговоры на утро. Хорошо?

– Но ведь... – задумано пискнула Иефа. – Я же обещала...

– На утро, – шепотом по слогам повторил Ааронн.

Эльф придвинулся еще ближе, Иефе стало душно и страшно, казалось, что лицо Ааронна заполнило собой небо, и теперь, куда не посмотри – везде встретишь глубокий, чуть насмешливый взгляд, и везде будут подрагивать в предвкушении улыбки уголки тонких губ, и... "Мамочки, какой же он чужой!" – в панике подумала Иефа. Рыжие отблески костра

плясали на щеке, и темная прядь на лбу, мешает...

Иефа осторожно, боясь спугнуть огненные блики, подняла руку и убрала прядь, и тут краем глаза заметила голубоватое свечение в воздухе над костром, и уже почти успела удивиться, когда Ааронн рывком вскочил на ноги и схватился за лук.

– Портал! – не своим голосом закричал эльф, натягивая тетиву.

Ничего не соображая, но повинаясь глубоко укоренившейся привычке, Иефа перекатилась в сторону, выхватила меч и застыла, вглядываясь в потрескивающий голубыми искрами воздух. Сонный всклокоченный маг, чертыхаясь, выпутывался из плаща, даже Стив открыл глаза и нашарил в темноте свой топор. На секунду в лагере все затихло, а потом ткань воздуха над костром с треском лопнула, выпустив невыносимо яркий свет, из прорехи вывалилось тело, рухнуло прямо в костер, взметнув искры и пепел, портал схлопнулся и исчез.

– Свет, Зулин, свет! – рявкнул Ааронн, коршуном бросаясь к неожиданному гостю. – Иефа, костер!

В лагере поднялась страшная суeta. Друид уложил прибывшего на свой плащ и принялся за лечение, Зулин спросонья перепутал светляка и огневик, за что был немедленно обруган, и принялся создавать светящиеся сферы одну за другой, непрерывно бурча, и остановился только тогда, когда над эльфом их повисло штук шесть. Иефа колдовала над раскуроченным костром, пытаясь привести его в божеский вид, и попутно изнывала от любопытства, строго приказав себе не лезть проводнику под руку.

– Ааронн, может, объяснишь... – начал Зулин, подойдя к эльфу.

– Отойди, – буркнул проводник. – Ты мне свет закрываешь, а у нее серьезные раны.

– У нее? – удивился маг.

– Отойди!

– Ну, ладно...

– Иефа, мне нужна твоя помощь.

– Зулин, кто там? – тихо поинтересовался Стив.

– Ты сам слышал, – слегка обиженно ответил маг. – Какая-то барышня. Очень это все подозрительно. И очень все это некстати. Только израненных незнакомок нам и не хватало для полного счастья.

– Израненная – значит, с кем-то дралась... – задумчиво проговорил Стив. – А с чего вообще он так всполошился? Бросился к ней, как к маме родной. Он что, ее знает?

– Спроси что-нибудь полегче, – попросил Зулин. – И желательно не у меня. Хотя обращаться сейчас к Ааронну я бы тебе не советовал. Бедная Иефа, я ей даже немножко сочувствую.

Стив посмотрел на мечущуюся от костра к подстилке полуэльфку, прислушался к сердитым окрикам друида и согласно кивнул. У Ааронна явно что-то не клеилось, и все попытки Иефы помочь не вызывали у него ничего, кроме раздражения. Проводник все повышал и повышал голос, а полуэльфка все ниже и ниже опускала голову, и Стиву подумалось, что вот еще чуть-чуть – и будет взрыв.

– Ты можешь сосредоточиться или нет?! – донесся голос эльфа. – Ты вообще способна взять себя в руки, или так и будешь трепыхаться, как глупая курица?!

– Я пытаюсь, честное слово, пытаюсь! У меня сил не осталось!

– Не надо пытаться! Надо делать! Толку от твоих попыток!

– Ты вообще меня слышишь? У меня не осталось сил, я все отдала, ты же сам видел! Я не знаю, почему так получилось!

– Почему так получилось?! Я тебе скажу, почему так получилось! Потому что во время лечения нужно думать о пациенте, а не мечтать о малознакомых мужиках сомнительного происхождения! Не можешь помочь – хотя бы не мешай!

– Отлично! – гаркнула вне себя Иефа, швырнула на землю какие-то скомканные тряпки и решительным шагом направилась к своему плащу. – На утро отложим, не хочу говорить... – донеслось до Стива и Зулина ее гневное бормотание. – Хрен тебе будут какие-то

объяснения утром! Слова из меня не вытянешь! Хам, ничтожество!

– Ты смотри, как она взъярилась-то, – задумчиво сказал Стив. – Интересно, с чего бы... Слышь, Иефа, – позвал он уже гораздо громче. – Хватит бурчать, иди к нам, пожалуйста на жизнь горькую!

– Сам себе жалуйся! – огрызнулась полуэльфка. – Где мой совомедведь?

– У меня под боком храпит, как обычно, – усмехнулся Стив. – Да ладно тебе, иди сюда, поболтаем...

– Смотри, Стив, нарвешься... – шепотом предупредил Зулин.

– Может, нарвусь, а может, и нет, – философски пожал плечами дварф. – Двум смертям не бывать, как говорится.

– Ну? – воинственно уперев руки в бока, поинтересовалась Иефа. – Только сразу предупреждаю: будете меня нервировать, получите по тыкве! Оба!

– Ну что ты, Иефочка, никто не будет тебя нервировать, – Зулин вежливо уступил полуэльфке место на плаще и протянул походную флягу. – Вот, попей ромашки, здорово нервы успокаивает.

– Чего он взъелся на тебя? – спросил Стив.

– Того! – рыкнула Иефа, завинчивая флягу. – Потому что болван! Потому что у него сил не хватает эту фифу зеленую вылечить! А я во всем виновата!

– А что это он такое про мужиков малознакомых кричал? – осторожно поинтересовался Зулин. – Если не хочешь, не говори. Просто интересно...

– Это он про рыцаря кричал, – мстительно сверкнув глазами, процедила Иефа. – Наш драгоценный эльф не может пережить, когда что-то происходит помимо него. Я думала о Себе, сложилась песня, что-то пошло не так, и Ааронна вышвырнуло напрочь из процесса лечения, а я, такая ская нехорошая, справилась сама. Так что теперь сил у меня нет, а собственных сил ему не хватает. Вот он и бесится.

– погоди, – озадаченно помотал головой Зулин. – Я ничего не понял. Какой Себ? И кого вы лечили?

– Меня, – усмехнулся Стив. – То-то мне так хорошо. А я уж было подумал, что меня сон освежил. Меня лечили, а, Иефа?

– Ну, тебя, – смущенно буркнула полуэльфка и отвернулась.

– И на том спасибо.

– И все-таки я не понял... – начал маг.

– Что ты не понял? – взвилась полуэльфка. – Мы лечили Стива, я потратила все силы, и теперь не могу помочь Ааронну вылечить эту зеленую...

– Да почему зеленую?! – не выдержал Зулин.

– Да потому что дриада! – рявкнула Иефа. – Что вы думаете, стал бы он так носиться с простой деревенской девчонкой?!

Стив и Зулин дружно открыли рты, вместе и сразу забыв про странное имя, неосторожно произнесенное полуэльфкой. О дриадах Зулин только читал, правду говоря, читал совсем немного и очень лениво, а Стив только слышал, причем еще меньше и ленивей, чем Зулин читал. В понимании Зулина дриада должна была выглядеть... ну, как оживший куст, что ли. В понимании Стива дриады в принципе не выглядели никак. Если совсем честно, до этого момента Стив искренне считал всяческих там дриад, равно как и леших, водяных и русалок, чистейшей воды выдумкой.

– Дриада?! – хором переспросили маг и дварф.

– Она самая, – с досадой ответила Иефа и стукнула себя кулачком по коленке. – Хреново выглядит, порубленная просто в мясо, но дриада, ничего уж тут не поделаешь. Так что готовьтесь, парни, снова тащить носилки, потому что я эту красоту лесную нести точно не буду.

– погоди, какие носилки?! – всполошился Зулин. – Причем тут носилки?! Мы не собираемся брать ее с собой!

– Оооо... – насмешливо протянула полуэльфка. – Это ты так считаешь. А на самом деле

– еще как собираемся. Ааронн ее тут не бросит, оставаться и ждать, пока она очокурится... в смысле, оклемается... короче, ждать мы не можем, а на ноги он ее поставить не в состоянии. Так что понесете, как миленькие.

– Я с ума сойду... – жалобно пробормотал маг и схватился за голову.

– А кто на нее напал? Она говорит что-нибудь? – спросил Стив.

– Она без сознания, – вздохнула Иефа. – Зулин, хватит плакать. Подумаешь, дриадой больше, дриадой меньше... Зато Ааронн будет занят делом и перестанет всех нас пилить.

– Или ты сильно не любишь дриад вообще, или конкретно эту, – заметил Стив.

– Я никого не люблю, если ты обратил внимание, – отмахнулась полуэльфка. – Мой вам совет: ложитесь спать. Все равно Ааронн до утра возле нее сидеть будет.

– Но ведь нужно как-то решить, обсудить... – не унимался маг.

– Бесполезно, – отрезала Иефа. – Хочешь испортить себе настроение перед сном – вперед. Только не говори потом, что тебя не предупреждали.

– И все-таки эту дриаду ты не любишь как-то особенно, – задумчиво проговорил дварф.

– Спокойной ночи, Стив, – ледяным тоном произнесла полуэльфка.

Огонь был повсюду. Черный дым выедал глаза и забивался в легкие, кружилась голова, а огонь плясал и прыгал, и все ждал, когда же Иефа упадет. Этот странный дом, объятый пламенем, играл в какую-то свою игру, то сжимая, то разжимая пространство, и тогда горящие стены надвигались на Иефу, а потом вдруг шарахались в стороны, трещали потолочные балки, и пол вспыхивал и тлел под ногами. Круговерть стен сбивала с толку, Иефа терялась и не могла понять, в какой стороне находится входная дверь. Мир вокруг раскрасился в черный и оранжевый, и воздуха не было, совсем не было, и яркие круги перед глазами...

Потолок обвалился, и последнее, что увидела Иефа, был синий отчаянный взгляд, полный ярости и бессилия, взгляд, от которого огонь становился все сильнее и сильнее.

– Себ... – позвала Иефа. – Себ, не надо... Забуди о нем, Себ! Помоги!

Знакомая уже равнодушная сила выхватила Иефу из пожара и понесла куда-то вверх, и с высоты птичьего полета стал виден пылающий кубик дома, вокруг которого, как потревоженные муравьи, суеились люди.

– Себ! – закричала Иефа, пытаясь вырваться из птичьего тела, но крылья уносили ее все дальше, прочь от приграничной деревушки, в небо, широко и лениво раскинувшееся над бескрайним лесом. Ветер перебирал перья, солнце гладило спину. Иефа устала сопротивляться, смирилась и безразлично посмотрела вниз. Сверху лес казался зеленым мхом, и по этому пушистому ковру огненными змейками струились две оранжевые линии: кто-то убежал, кто-то преследовал.

Ветер ударил в лицо, Иефа вскрикнула и начала падать. Истомленный жарой лес поймал Иефу на острые сучья и брезгливо отшвырнул прочь, мимо шершавых стволов, через кустарник и в воду. Иефа замолотила руками и выплыла, плюясь и задыхаясь, выбралась на скользкий пологий берег и упала на траву. На загрибок легла человеческая рука, Иефа оцетинилась и зарычала.

– Ну, что ты? – сказал человек и успокаивающе почесал за ушами. – Иди, без тебя волчата плачут. Иди.

Иефа вскочила на ноги и молнией бросилась в густой подлесок, и только скрывшись в переплетении тонких веток, обернулась. Человек смотрел ей вслед усталыми синими глазами.

Иефа застыла в нерешительности: человек был один и не собирался нападать, человеку нужна была помощь, но...

– Нет-нет-нет, дорогой господин, это ошибка, это недоразумение!

И взгляд мечущийся, жалкий.

– Если это недоразумение, почему ты бежишь и прячешься, тварь?

Цепочка карминовых капель на щеке.

Маленькое мирное озеро со вздохом принимает в свои воды истекающее кровью человеческое тело. Вполне возможно, что человек еще жив. Что ж, тем лучше, тем крепче будет связь.

Иефа беззвучно оскалилась, провожая взглядом человеческую спину. Человек был один и не собирался нападать, но человек только что убил другого человека. Пусть двуногие разбираются сами. Слишком беспокойное место, слишком спокойное озеро. Сытое. Иефа не хотела быть едой. К холму у озера подходил еще кто-то, но Иефу это уже не интересовало.

Седой от времени и событий дварф долго смотрел вслед мелькающей между деревьев серой тени. Когда волк исчез, дварф поднялся на холм, вздохнул, на секунду закрыл глаза, а потом послал Зрачку мысль. Перед глазами дварфа возник лес, видный с высоты птичьего полета, он поплыл в сторону, открылась широкая пропешина, блеснувшая серым и голубым: озеро. Большое озеро с тремя недостроенными башнями на берегу. Возле башен сновали малюсенькие фигурки, деловито перетаскивая огромные бульжники.

Дварф кивнул, открыл глаза, спустился с холма и растворился в зелени леса...

– Иефа... Иефа, проснись... Иефа...

Полуэльфка с трудом открыла глаза. Побледневший, всклокоченный проводник еще раз потряс ее за плечо.

– Иефа...

– Ну... – сонно буркнула полуэльфка.

– Послушай, мне нужна твоя помощь... – Ааронн устало вздохнул и потер красные воспаленные глаза. – Проснись, пожалуйста...

– Не думаю, что я успела восстановиться после вчерашнего, – недовольно пробурчала Иефа, но, тем не менее, села, пытаясь привести мысли в порядок. В голове крутились обрывки сна, который почему-то очень не хотелось забывать.

– Тише... Я не об этом, – прошептал эльф и оглянулся на спящего мага. – Послушай, утром Зулин начнет убеждать всех оставить ее здесь... А я не могу ее оставить! Просто не могу! Я эльф, друид, я не в состоянии через это переступить... Да, она смертельно ранена, да, ее нужно долго и тщательно лечить, да, на нее уйдут все мои силы – и то, я не уверен, что справлюсь... Но я не могу ее оставить!

– Хорошо, причем здесь я?

– Ты... Если дойдет до голосования...

– Ааронн, ну, что за глупости? Какое, к черту, голосование? Если ты скажешь, что мы ее не оставим, так мы ее не оставим... Кто с тобой будет спорить?

– Нет, ты пойми... Она чужая, совсем чужая, у Зулина будут веские аргументы против...

– Послушай, – разозлилась Иефа, – ты слегка непоследователен! Сначала ты орешь на меня, как на последнюю шваль, потом будишь на рассвете и просишь помощи! Ааронн, я от тебя устала! Пожалуйста, оставь меня в покое! Если дело дойдет до голосования, я буду принимать решение самостоятельно, не оглядываясь на твои дурацкие просьбы!

– Прости, что побеспокоил, – хрипло сказал Ааронн и отошел.

– Зануда! – буркнула ему вслед полуэльфка и снова улеглась, полная решимости продрыхнуть как можно дольше, но не тут-то было. Сон не просто ушел, он сбежал, унесся, сгинул, будто усталым измочаленным полукровкам спать в четыре часа утра по меньшей мере не свойственно.

Иефа сердито ворочалась, то сбрасывая плащ, то укрываясь им с головой, упрямо жмурила глаза, считала овец, слонов и гоблинов, уговаривала себя поспать хотя бы еще полчаса, но сна не было. Тощая наглая семейка – мама-кошка, папа-кот и пяток облезлых зеленоглазых котят с унылыми мордочками – канючила и скребла, скребла, скребла на душе...

Иефа села, потерла для порядка глаза и огляделась. Зулин похрапывал в обнимку со

своим фамильяром, Вилка грел бок Стиву. Полуэльфка посмотрела туда, где всю ночь возился с дриадой Ааронн, и вздохнула. Совесть! Ну, кто придумал совесть?

– Ааронн...

Эльф поднял голову и с неприязнью посмотрел на барда. Иефа неловко потопталась на месте и присела рядом с ним на корточки.

– Послушай, Ааронн... Может, ты поспишь немного? А я посижу с ней. Если вдруг что – разбужу.

– Если тебе не спится, займись чем-нибудь более полезным и увлекательным. Найди ручей и выстирай рубаху, например. А здесь я отлично справлюсь и без тебя.

– Это очень грубо, – задумчиво сказала Иефа. – Очень грубо и на тебя непохоже. Ей совсем плохо?

– Она умирает.

– Но ведь ты остановил кровь... И, честно говоря, смертельных ран я не заметила. Нет, я, конечно, не целитель в полном смысле слова, у меня нет опыта...

– Иефа, если ты пытаешься извиниться, то выбрала очень скучный, а главное, совершенно не действенный способ, – брезгливо поморщился эльф. – И что за дурацкая привычка – навязываться окружающим?

– Ааронн, в конце концов, это глупо! – Иефа усилием воли сдержала желание вскочить на ноги и уйти, куда глаза глядят, и заговорила тише. – Я просто пытаюсь помочь...

– Я не нуждаюсь в твоей помощи.

– Нет, нуждаешься! Ты сам об этом сказал четверть часа назад!

– Я уже успел горько пожалеть об этой своей просьбе.

– Прекрати! Я была неправа, но ведь ты сам завертел эту бредовую карусель – кто на кого громче крикнул, кто кого больнее уколол... Так дети обычно говорят: он первый начал! Так вот, я была неправа, и я прошу прощения, но ты первый начал, и я не понимаю, почему! Иногда у меня такое ощущение, что это я где-то в лесной чаще тщательно измордовала случайную дриаду, а потом, цинично хохоча, швырнула через портал к нам в лагерь, причем все это – с целью поиздеваться над тобой!

– Иефа, оставь меня в покое.

– Нет, не оставлю! Я хочу понять, что тебя настолько взбесило, что ты превратился черт знает в какого брюзгу и хама! Если ты разозлился из-за того, что я думала о том рыцаре, то вовсе...

– Что?! – Ааронн неприятно усмехнулся. – Иефа, ты не в ревности ли меня подозреваешь? Ого, барышня, самомнение у вас – не всякому троллю по плечу! Мой тебе совет: если хочешь нормальных отношений с окружающими, не делай поговорицу "Раздайся, море, – жаба ползет!" своим девизом.

Иефа сжала кулаки, сглотнула непрошенные злые слезы и с ненавистью посмотрела на проводника.

– Ааронн, иди спать. Ты на привидение похож, а вам еще нести ее весь день. Тебе нужно хоть немного восстановиться.

Эльф удивленно поднял голову, смерил барда долгим недоверчивым взглядом, пожал плечами и поднялся на ноги. Иефа заняла его место. Сферы, в запале созданные магом, тускнели и тихо таяли одна за другой, костер давно погас, и в предрассветных сумерках тоненькая фигурка дриады казалась совсем бесплотной. Ночь стерла зеленоватый оттенок с ее длинных густых волос, беспмятство и боль сделали кожу мертвенно-белой. Иефа взяла влажную тряпицу и вытерла пот с высокого чистого лба, отметив про себя, что вот так, в полутьме, и не поймешь сразу, что перед тобой мудрая хозяйка леса, а не измученный худой человеческий подросток.

– Кто-то уничтожил ее дерево, – сказал Ааронн.

Иефа вздрогнула от неожиданности и подняла голову. Эльф все еще стоял в двух шагах от нее.

– Она потратила последние силы, чтобы создать этот портал. Она искала помощи, а

нашла нас. И теперь она умрет, потому что я не могу ее вылечить. И ты не можешь. Разве не подло?

– Никто из нас в этом не виноват, – тихо сказала Иефа и отвернулась. – Ни ты... ни я.

– Скажи, Иефа, каково чувствовать себя бесполезной? – спросил эльф.

– Я не бесполезная! – возмутилась полуэльфка. – С чего ты...

– Если ты не способна спасти одну маленькую умирающую дриаду, зачем ты тогда нужна? – не дожидаясь ответа, Ааронн повернулся к барду спиной и отправился спать.

– А ты? – тихо спросила полуэльфка, глядя в удаляющуюся спину.

– И я, – не оборачиваясь, ответил друид.

Иефа выдохнула и с отвращением посмотрела на дриаду.

– Ты с нами не останешься, – прошептала она, наклонившись к изголовью. – Ни за что.

Глава 9

– Демон Баатора, а это что за хрень?! – страдальчески сморщился Зулин и резко остановился. Носилки ткнули его в поясницу, маг покачнулся, с трудом удержал равновесие и витиевато выругался.

День начался просто до отвращения классически, то есть с самого утра все шло исключительно наперекосяк. Для начала обнаружилось, что в лагере опять нет ни крошки провизии – обычно за этим следили Стив и Ааронн, но и тот, и другой последние пару дней были основательно заняты. Потом Вилка и Зверь передрались из-за дохлой полевой мыши, которую совомедведь притащил из ближайших зарослей, которую искренне считал своей законной добычей и которой не собирался делиться ни с кем, кроме своей хозяйки. Впрочем, когда Иефа отвергла мышь, Вилка не сильно расстроился, а вот притязания фамильяра показали ему поистине чудовищными. Зверь сражение проиграл, после чего на Зулина обрушился шквал телепатических жалоб и упреков. Однако фамильяру показалось, что этого недостаточно. Чтобы все члены партии поголовно могли оценить глубину его горя, Зверь залез на невысокую осинку и принялся заунывно и на редкость немзыкально стенать, что подействовало на партию, как красная тряпка на раздражительного быка.

Простояв четверть часа под осинкой в тщетных попытках уговорить фамильяра прекратить концерт, Зулин пришел в состояние глобальной ненависти к миру, и тут на сцену вышел Ааронн, который хмуро и безапелляционно заявил, что помирающая дриада отныне будет сопровождать партию всегда и всюду в качестве талисмана. Зулин встрепнулся и обеими руками ухватился за возможность затеять скандал. С наслаждением потратив на витиеватые препирательства оставшиеся три четверти часа, он торжественно заявил, что интересы партии для него превыше всего, а раз так, то будем решать вопрос путем голосования. Ааронн почему-то долго смеялся, правда, как-то невесело, и нехорошими глазами смотрел на полукровку, а Иефа нахмурилась хуже грозовой тучи и вообще ни на кого не смотрела. Зулин злорадно сообщил, что друид, как, несомненно, заинтересованная сторона, в голосовании участия принимать не будет, и первый торжественно поднял руку за то, чтобы дриада осталась себе лежать, где лежит, а партия спокойно продолжила свой поход.

В исходе голосования Зулин не сомневался. Еще накануне, когда Ааронн гнобил полуэльфку, маг подумал, что эльф поступает очень опрометчиво. Насколько Зулин успел разобраться в характере Иефы, – а он считал, что разобрался в нем досконально – после такого обращения она должна была исполниться ненавистью и к дриаде, и к самому Ааронну, и уж, конечно же, не упустила бы случай поквитаться. Все-таки хорошо, что она такая злопамятная.

Стив пробурчал, что бросать беспомощную дриаду посреди леса не гоже, а потому он голосует против. Зулин не удивился и не расстроился, он ждал коронного выхода полуэльфки. Все дружно повернулись к барду и выжидающе замолчали. Иефа покраснела, побледнела, втянула голову в плечи и, глядя исподлобья на застывшего эльфа, с мрачной

решимостью сказала, что ей в высшей степени наплевать, выживет дриада или нет. Зулин торжествующе ухмыльнулся, но тут полуэльфка кашлянула и добавила, что больше всего на свете ее бесит, когда зря пропадают хорошие вещи, и коль уж партия обзавелась такими замечательными носилками, то нужно же их как-то использовать, а потому она, Иефа, за то, чтобы взять дриаду с собой.

У мага отвисла челюсть, Ааронн сломя голову кинулся собираться, а Стив для порядку свалился в обморок, из которого его долго и с матюками вытаскивала Иефа. Непрерывные вопли фамильяра придавали утреннему аккорду глубину и звучность.

Укладывая свои вещи в сумку, Зулин горько посетовал на судьбу и сказал, что для полного счастья ему не хватает только небольшого мертвого озера с какой-нибудь магической ерундой на берегу. Иефа загадочно усмехнулась и сочувствующе посмотрела на мага. "Будет тебе и ерунда, и озеро, – подбодрила она. – И, если верить моему сну, довольно скоро". Сказать, что Зулин обрадовался – значит ничего не сказать.

Два долгих жарких часа они несли беспамятную дриаду, и вот теперь, обливаясь потом на лесной опушке, мысленно кляня полуэльфку с ее истерическими снами, Зулин скорее риторически, чем изумленно воскликнул:

– Демон Баатора, а это что за хрень?!

– Это озеро, – любезно разъяснила Иефа. Всю дорогу она хранила зловещее молчание, но сейчас удержаться не смогла.

– Я не слепой! – огрызнулся маг. – Я спрашиваю, что это за хрень на берегу?

– Это та самая магическая ерундовина, о которой ты так мечтал, – еще любезнее откликнулась Иефа и добавила, взглянув украдкой на полумертвого от усталости дварфа: – Может, сделаем небольшой привал?

– Это еще зачем? – насторожился Стив. – Я отлично себя чувствую!

– А я нет, – подал голос Ааронн. – Нам всем не помешало бы немного отдохнуть.

– Мы не будем отдыхать в опасной близости от магических ерундовин и ненормальных озер! – вскинулся Зулин. – Хватит уже, наотдыхались!

– Да о чем вы вообще толкуете? – нетерпеливо спросил дварф, продрался сквозь густой подлесок и выбрался на опушку. – Где тут магическая ерундовина?

– Если верить Иефе, то вот, – ехидно сощурился маг и вытянул руку, указывая на уютное круглое озерцо, мирно расположившееся у подножия невысокого холма. По берегам озерка там и сям помахивал растрепанными метелками камыш, и в целом оно выглядело довольно безобидно. От северного берега озерка на холм взбиралась полужаросшая тропинка, которая упиралась в квадратный каменный столб в дварфский рост высотой.

– Ну и чего? – разочарованно протянул Стив.

– Ничего, – пожал плечами Зулин. – Спрашивай у Иефы. Она же у нас пророк, ясновидец и демон его знает кто еще.

– На берегу этого озера человека убили, – с обидой в голосе произнесла полуэльфка.

– Давно? – насмешливо поинтересовался планар.

– Примерно четыреста лет назад.

– Дату тебе тоже во сне указали?

– Нет, сама додумалась.

– С ума сойти можно!

– Давайте все-таки сделаем привал, – тихо попросил эльф. – Если это магическая штука, ее нужно изучить, если нет – она не представляет никакой опасности. В любом случае, стоит расположиться вон на той полянке и развести костер. Мне нужно травы запарить.

– На полчаса, не дольше, – решил Зулин.

– Послушай, а тебе правда, что ли, это место приснилось? – шепотом спросил Стив у Иефы, когда лагерь был разбит и осталось только развести огонь.

– Правда, – Иефа задумчиво смотрела на хлопчущего возле дриады Ааронна и

пыталась задавить в себе чувство острой жалости – не понятно, к кому. То ли к проводнику, то ли к дриаде, то ли к самой себе.

– А что тебе снилось?

– Много чего, – отмахнулась полуэльфка, не испытывая ни малейшего желания пересказывать сон. – Так сразу и не объяснишь. Знаешь, как бывает: ты точно знаешь, что тебе что-то снилось, а вот подробности...

– Ну, может, хоть что-то? – не отступился Стив. – Может, какие-то люди... или дварфы?

– Да тебе-то что? – удивилась Иефа и внимательно посмотрела на Стива. Дварф нерешительно теребил бороду, словно колебался, открывать барду страшную тайну или нет. – С чего ты так заинтересовался?

– Да я-то... – Стив покраснел. – Да я ничего... Просто подумал – вдруг ты вспомнишь что-то... или кого-то... ну, из сна... Вдруг я смог бы помочь разобраться...

– Ну, положим, я помню, что там был дварф, – заинтересовавшись, сообщила полуэльфка. – Старый такой, спокойный очень, по-моему, обладающий силой. И что дальше?

– Был дварф? – обрадовался Стив. – И что он делал? Он смотрел, да? Ну, то есть, я хотел сказать...

– Стив! – Иефа строго нахмурила брови. – Ты совершенно не умеешь врать! Ежу понятно, что ты что-то знаешь про эту штуку. Выкладывай.

– Ну... – Стив замялся. – Только дай слово, что не будешь смеяться.

– Даю слово. Более того, если ты расскажешь мне все, что знаешь про этот столбик, я расскажу тебе, что мне приснилось. Идет?

– Идет, – поспешно кивнул дварф и на секунду задумался, подбирая слова. – В общем, так. Я, когда был маленький, очень любил слушать сказки. У меня мама много сказок знала. – Стив подозрительно зыркнул на полуэльфку, но у той ни один мускул на лице не дрогнул. Стив облегченно выдохнул и продолжил. – Так вот, была одна сказка, которую мама рассказывала редко, и я ее не запомнил бы, если бы она не взялась рассказывать ее в тот вечер, когда... Когда ее... Когда их не стало. Да. В общем, сказка про Ведьмин Глаз. Я многого не помню, но точно знаю, что в этой сказке Ведьминым Глазом пользовался старый маг, дварф, он приходил к каменному столбу на холме, когда ему нужно было увидеть что-нибудь или кого-нибудь, кто находился очень далеко. И Ведьмин Глаз все это показывал. А еще мама говорила, что Ведьмин Глаз – зловещая штука, и что очень важно знать, как с ним правильно обращаться, иначе он тебя погубит.

– И как с ним правильно обращаться? – тихо спросила Иефа.

– Я не знаю. Я не дослушал. Мне пора было идти в дозор. А потом уже она никому и ничего не могла рассказать. Никто из них...

– Я только одного не могу понять, – задумчиво проговорила полуэльфка. – Почему ты решил, что я буду смеяться?

– Потому что... – Стив смутился. – Потому что ты все время над чем-нибудь или над кем-нибудь издеваешься. Иногда мне кажется, что ты просто не способна уважать спутника, если у него было нормальное детство. Потому что у тебя его не было. Но ведь это не подвиг, правда? Просто так получилось. Если бы ставили памятники всем, у кого были дерьмовые родители, на улицах Бристоля статуй было бы вдвое больше, чем людей.

– Один очень умный человек как-то сказал мне: "Скажи спасибо, что твою мать не изнасиловал гоблин". – Иефа криво усмехнулась и сплюнула в костер. – Мы отвлеклись от темы. Видимо, сказка про Ведьмин Глаз – не совсем сказка. Я склонна верить своим снам, а во сне на берегу этого озера убили человека – вон там, – Иефа указала на живописную неровность берега, поросшую камышами. – Труп бросили в озеро, убийца ушел, а потом на полянке появился старик-дварф, поднялся на холмик, послал мысль Зрачку – по крайней мере, так это было сформулировано – и увидел, как строятся те три башни, в которых мы были. Если они только строились, значит, это все происходило четыреста лет назад. Он понаблюдал чуть-чуть за строительством, а потом ушел.

– И все? – недоверчиво спросил Стив.

– И все, – кивнула полуэльфка. – Слишком как-то все просто. Подошел, подумал, увидел... С другой стороны, старик не читал никаких заклинаний, вообще не делал ничего такого... магического.

– Послушай, если он захотел увидеть башни – и увидел их, то мы точно так же сможем увидеть, где находится мирогляд, и нам не придется искать этот дурацкий след, и мы сможем идти прямо туда, и не нужно будет плутать по лесу... – Стив широко раскрыл глаза и понизил голос до еле слышного шепота. – Да Мораддин с ним, с мироглядом! Мы сможем увидеть, того, кто все это затеял, мы сможем подслушать его разговоры и выяснить, для чего это все делается, и что он собирается делать дальше – да мы вообще все сможем выяснить!

– погоди, не несись, – осадил его Иефа. – В моем сне дварф видел все с высоты птичьего полета – это во-первых. А во-вторых, не бывает, чтобы вот так, за здорово живешь, каждый встречный-поперечный заглядывал в подобные штуки и никак за это не платил. Здесь явно какая-то ловушка, какая-то своя пакость. Может, этот Глаз высасывает из смотрящего энергию и жизненные силы, или отнимает удачу, или лишает памяти, или еще что-нибудь... Не зря же твоя мама говорила, что это зловещая штука.

– Попробуем – узнаем! – Стив решительно поднялся, покачнулся, постоял немного, переживая слабость, и твердым шагом направился к озерку.

– Вот болван! – буркнула Иефа и поспешила за ним, кликнув попутно мага.

Бледный осунувшийся эльф проводил их отсутствующим взглядом и принялся менять повязки. Дриада умирала, и никакие мази, компрессы и настои не могли вернуть ее к жизни, но Ааронн был упрям.

Иефа дошла до места, где ей помнился короткий свист меча, и остановилась.

– Это здесь.

– И что, ты собираешься обнаружить здесь кровавое пятно на траве? – саркастически хмыкнул маг. – Даже если верить твоим снам – а я не сторонник подобной легковёрности – так вот, даже если предположить, что тут действительно кого-то убили, это было четыреста лет назад. Какое нам до этого дело?

– Никакого, Зулин, ровно никакого дела, если тебе так хочется! – сварливо отозвалась Иефа. – Правда, если бы мы нашли здесь, например, человеческий скелет у берега, мы бы точно знали, что моим снам можно верить, а значит, Ведьмин Глаз – не выдумка и не суеверие!

– Бред какой-то! – фыркнул Зулин. – Мало у нас своих забот. Стив, ты что там удумал?

– Хочу посмотреть, как оно работает! – отозвался с вершины холмика дварф и несколько раз обошел вокруг каменного столба. – Здесь какие-то знаки, совсем старые, почти стертые, ничего не понятно...

– Стив, не смей ничего делать, пока мы не разобрались, что к чему! – с тревогой крикнула Иефа.

– Да уж, с нас вполне достаточно твоего знаменитого проклятого меча! – добавил не без злорадства Зулин. – Там тоже была надпись, которую ты не прочел!

– Да пошел ты! – обозлился дварф. – До конца жизни мне теперь вспоминать будешь...

Стив насупился и принялся изучать знаки на столбе, демонстративно не обращая внимания на Зулина с Иефой. Еще не хватало, чтобы эта замухрышка говорила ему "не смей"! Такого даже мать себе не позволяла! Весь клан Утгартов знал, что проще ложкой скалу долбить, чем запретить молодому Стивану делать то, что он хочет!

– Ты посмотри, как он взбодрился! – съехидничал Зулин. – Поднимусь-ка я к нему, проконтролирую процесс самоуничтожения. Ты со мной? Или все-таки полезешь в воду?

– Полезу в воду, – после некоторых раздумий решила полуэльфка. – Нужно же выяснить, в конце концов...

– А что по этому поводу говорят твои сны? – усмехнулся маг. – Как насчет плохой воды и так далее?

– Зулин, шел бы ты... к Стиву! – рявкнула, потеряв терпение, Иефа и принялась

стаскивать ботинки. – Без тебя разберусь! А если меня озеро слопаёт, большого убытка не будет – я ведь не очень ценный кадр, верно?

– Язва, – буркнул маг, взбираясь на холмик по узенькой тропинке. – Не боишься, что какие-нибудь залетные зомбухи ботинки сопрут, пока ты кости на дне выискиваешь? – крикнул он, обернувшись.

– А я Вилку оставлю – охранять! – крикнула в ответ Иефа, подкатывая штанины выше колен.

– Удачной рыбалки! – оставил за собой последнее слово Зулин и с высоко поднятой головой направился к Стиву. – Ну-с, друг любезный, что ты успел обнаружить?

Дварф бросил на планара красноречивый взгляд, в котором без труда читалось: "Вот только тебя мне для полного счастья и не хватало!", но Зулин и не думал смущаться. Напротив, весьма довольный собой, он был настроен поболтать.

– Я вижу, твои изыскания пока не дали желаемых результатов?

– Если видишь, какого Мораддина спрашиваешь?! – довольно грубо отмахнулся Стив. – Иди, вон, козьявке помоги рубаху постирать. Или к Ааронну – примочки ставить.

– Зря сердишься, – Зулин твердо решил, что никакое дварфское хамство не выведет его из душевного равновесия. В конце концов – сколько можно? – Очень зря. В конце концов, я маг, не забывай об этом.

– Забудешь тут, как же... – невнятно буркнул Стив и с кряхтением разогнулся. – Ну, раз маг, объясни мне, как это работает.

– Ну, если систематизировать все, что мне успела прочирикать Иефа, это устройство само по себе ничего не показывает. Должен быть в наличии так называемый Зрачок. Вариантов несколько: либо он материален и его просто отсюда сперли, и тогда мы в большом пролете; либо он нематериален, и его нужно каким-то образом активировать, но я не вижу тут подходящих символов или рычагов; либо он нематериален, но есть постоянно, просто нужно выбрать позицию, с которой его можно увидеть. Лично я склоняюсь...

– А ты страшный планар, – вздохнул Стив. – Ты просто прирожденный убийца. Своим занудством ты способен изничтожить целую армию.

– Неостроумно, – насупился маг. – Между прочим, я пытаюсь помочь. Если тебе нужен переводчик с нормального языка на примитивный, могу только посочувствовать.

– Не нужно мне сочувствовать, Зулин. Просто поменьше болтай и побольше делай – и все будет отлично. Перво-наперво взгляни на эти рисунки.

– Рисунки! – презрительно фыркнул маг. – Тоже мне, нашел определение. Это не рисунки, это символы, мой дремучий друг. Вот это глаз, с этой стороны у нас...ммм... очень похоже на дерево... ну да, это дерево, здесь снова глаз, а здесь...

– Снова дерево, – перебил его Стив. – Я не слепой, да и глаз от дерева отличить вполне способен. Ты мне лучше объясни, что это значит? Не просто ведь украшения...

– Разумеется... – Зулин задумчиво почесал в затылке и обошел каменный столб вокруг. – Конечно, это что-то значит. Так... На северной и южной сторонах изображен глаз, на западной и восточной – дерево... Это значит... это значит...

– Нашла! – раздался со стороны озера торжествующий вопль полуэльфки. Стив и Зулин обернулись. Иефа стояла по колено в воде и держала над головой на вытянутой руке череп. – Я говорила, что тут убили кого-то! Говорила! Сейчас я вам весь скелет предъявлю – и только попробуйте потом сомневаться в моих снах!

– Иефа, не надо весь скелет! – замахал на барда руками Зулин. – Мы тебе и так верим!

Полуэльфка вышвырнула череп на берег и, согнувшись в три погибели начала шарить руками под водой. Зулин посмотрел на Стива и насторожился: дварф пустыми глазами смотрел в пустое пространство над верхушкой столба, и его лицо постепенно покрывалось мертвенной бледностью.

– Стив! Эй, Стив! – здорово обеспокоившись, Зулин сильно потряс дварфа за плечо. – Приди в себя!

Стив вздрогнул, часто заморгал, будто его внезапно разбудили, и растерянно посмотрел

на мага.

– Чего?

– Того! Это ты мне объясни – чего! Застыл, как неживой – глаза стеклянные, рожа белая – и еще спрашивает, чего!

– погоди, не суетись... – Стив потер лоб и тяжело опустился на землю. – Дай подумать... Я смотрел на Иефу, потом повернулся, глянул вверх столба, там еще так странно деревья изогнуты, как ладони горстью... Стволов из-за холма не видно, только ветки... Будто прямо из столба растут...

– Не заговаривай мне зубы! Тебе опять стало плохо? Теряешь силы? Позовем Иефу, пусть подлечит?

– Замолчи. Ветки изогнуты горстью, между ними воздух дрожит... Я еще подумал – как будто моргнуть хочет. А потом я стал думать про этого человека, которого убили, и так-то крепко задумался, почти заснул... Странно... Сон видел...

– Стив, ты мне категорически не нравишься! Стив, ты бредишь!

– Гнусный он был какой-то – этот человек, верткий, скользкий, глаза бегают... А потом меня потянуло, потянуло, будто на дно. И, знаешь, так хорошо вдруг стало. Солнце сквозь воду просвечивает, зелень такая кругом, тихо, спокойно... Стой! – Стив сильно вздрогнул и почти испуганно уставился на мага. – Да я же видел, кто его убил! Рыцарь наш, сэр Джон! Ты понимаешь, что это значит?!

Зулин, открыв рот, некоторое время смотрел на дварфа, а потом воздел руки к небу, словно собрался молиться и выдал громогласное "Да!", которое согнало птиц с ближайшего дерева.

– Стив, ты просто потрясающе везучий дварф! – завопил маг. – Грандиозно! А главное – невероятно просто! Демон Баатора – должно же хоть что-нибудь в этом походе быть хорошо и без накладок!

– Чему ты радуешься?! – возмутился Стив. – Она нас обманула! Она меня обманула! Обещала рассказать – и скрыла!

– Кто тебя обманул? – недоуменно вскинул белые брови маг.

– Да Иефа же!

– Да при чем тут Иефа?! Ты же понял принцип работы этой штуки – понимаешь?! – обнаружил решение задачи, совершенно случайно, но обнаружил! Вот тебе и Зрачок! При определенном уровне концентрации мысль становится направленной, и начинает работать знаменитый Ведьмин Глаз! Все – можно пробовать!

– А знаки? – неуверенно посмотрел на столб Стив. – Эти, полустертые... Мы ведь их не прочитали...

– Да хрен с ними – со знаками! Наверняка они объясняют то, что мы и сами уже поняли! – планар даже приплясывать начал от нетерпения. – Подвинься, нечего магические устройства спиной подпирать! Ну, сейчас мы одним махом... – Зулин потер руки от удовольствия и занял позицию перед столбом, довольно бесцеремонно отодвинув Стива в сторону. – Так-так... Деревья горстью? Вижу, ага... Воздух... не дрожит. Ладно, не все сразу. Стив, друг мой, а ты не мог бы перестать сопеть? Это ужасно отвлекает.

– Может, мне сразу перестать дышать?

– Лучше всего будет, если ты на некоторое время оставишь меня наедине с этим замечательным устройством и присоединишься, скажем, к Иефе.

– К Иефе? – задумчиво переспросил Стив и, словно приняв какое-то решение, резко поднялся на ноги. – Да, к Иефе я, пожалуй, присоединюсь.

Зулин непонимающе посмотрел на удаляющуюся дварфскую спину, пожал плечами и занялся Ведьминым Глазом. Вернуться в лагерь он собирался не иначе, как триумфатором.

Стив спустился с холма и подошел к растрепанным камышам, возле которых Иефа раскладывала свою добычу. Вид у полуэльфки был хмурый – дело явно не ладилось. Любопытный детеныш совомедведя сновал от воды к костям, осторожно трогал полусобраный скелет лапой, пытаясь понять, чего добивается неумная хозяйка. По

мнению Вилки, пригодным для игры был только череп, его можно было катать и подкидывать, но полуэльфка почему-то рассердилась и очень сурово потребовала оставить череп в покое. Стив постоял некоторое время, молча наблюдая за бардом. Спросить или нет? Ответит или снова соврет? Кто он такой, чтобы требовать чистосердечного признания... в чем? В том, что крутит шуры-муры с четырехсотлетним некромантом-убийцей? Стива одолели сомнения. Он терпеть не мог праздное любопытство, а найти веские основания для расспросов не мог. Кто сказал, что сэр Джон вредил отряду? Помог даже. Стив вздохнул и честно признался себе, что это ревность. Обычная глупая ревность, которая от отсутствия доказательств и прав только усиливается. Бежать, бежать от нее, пока не поняла и не засмеяла – не отмоешься же потом! Стив тоскливо посмотрел на мага, хлопчущего вокруг Ведьминого Глаза, и остался на месте.

– Стив, ты зачем пришел? – хмуро поинтересовалась полуэльфка, вынося на берег и пытаясь приладить к скелету очередную кость. – Посмотреть или помочь? Если посмотреть, так иди лучше на Зулина посмотри. А если помочь, так не стой столбом.

– Я поговорить... – в омут с головой бросился Стив. – Вопросы накопились – складывать некуда.

– Вопросы... – Иефа выпрямилась, машинальным жестом попыталась заправить за ухо несуществующую прядь, опомнилась, провела ладонью по неровному ежику волос и усмехнулась. – Ну, задавай свои вопросы.

– Обещай не врать.

– Хорошо, если соберусь соврать, просто не отвечу. Спрашивай.

– Почему ты мне не сказала, что этого человека – Стив кивнул в сторону скелета – убил сэр Джон?

Иефа изумленно уставилась на дварфа и добрых две минуты молчала, подбирая слова.

– Во-первых, какая разница, кто его убил? – сказала она наконец, устало опускаясь на берег рядом с костями. Стив присел около нее. – Во-вторых, я не уверена, что это был он. Я помню только взгляд, и то – как-то странно. Я была волком, – добавила она, словно извиняясь. – А ты откуда взял...

– Оттуда, – Стив мрачно кивнул на Ведьмин Глаз.

– Работает?! – встрепелась полуэльфка.

– Работает. Зулин сейчас над ним чахнет, разбирается. Не отвлекайся. Он убийца, этот твой сэр Джон.

– Он не мой, и к тому же, не сэр Джон.

– Ааронн говорил, вы очень нежно расстались там, в башне! – с горячностью воскликнул Стив и покраснел.

– Нежно – не то слово, – усмехнулась Иефа. – Мне кажется, он с удовольствием бы меня удавил.

– О чем вы говорили?

– Не бойся, в любви он мне не признавался.

– А мне какое дело! – взъярился Стив. – Ты обещала не врать!

– А я и не вру.

– Он к тебе клинья подбивал!

– Не волнуйся, это рефлексивно.

– Да чихать я хотел на его рефлексии! Кто он такой вообще?!

– Я не знаю, – честно ответила полуэльфка и грустно улыбнулась. – С самого начала, как только мы вышли из Бристоля, мне начали сниться эти клятые сны. Я пыталась рассказать тебе, помнишь? Ты сказал – если снятся сны, значит, ты не сильно устал, а если не сильно устал...

– Значит, плохо работал, – закончил Стив, мрачней. – Помню. Но я же не думал, что...

– Я тоже не думала. Сколько раз за эти три недели Зулин назвал меня истеричкой, сколько раз ты окрестил меня нервной барышней, сколько раз вы отмахнулись от моих попыток рассказать? А это очень страшно, когда во сне ты живешь чужой жизнью, причем

совершенно не радостной и не безмятежной. И, главное, постоянно есть махонькое зернышко сомнения: а вдруг ты действительно просто истеричная барышня с протекающим чердаком? А потом я махнула рукой на вас на всех и поверила, что это было на самом деле. Я его узнала. И – даю голову на отсечение – он меня тоже узнал. Я думала, что имею право на объяснение. Я думала, что он мне поможет не чувствовать себя водосточной трубой, через которую текут то помои, то дождевая вода, причем мнением трубы никто никогда не интересуется. Я думала, он ответит. А он оказался таким же самодовольным болваном, как вы. И вот что я тебе скажу, Стив: раз я не получила ответов на свои вопросы, то и вы их не получите. Мои сны – мое личное дело. Из них вы будете знать ровно столько, сколько я сочту нужным вам рассказать. Без обид, Стив. Мне кажется, я имею на это право.

Иефа замолчала и отвернулась. Стив угрюмо рассматривал ущербный скелет, пытаясь найти какие-то слова, чтобы убедить, вразумить... обвинить? Оправдать... Мораддин его знает. Ясно было одно – пигалица обиделась не на шутку, и никакие извинения не помогут, потому что обиделась она не на Стива, и не на Зулина, и даже не на Ааронна. Стив испытал острое желание найти пресловутого рыцаря и как следует пообломать ему рога, чтобы не выпендривался. А если не найти и не пообломать, то хотя бы придумать и сказать что-то такое, что утешит и взбодрит, чтобы не было этой тоскливой морщинки между светлых опаленных бровей...

– Не нравится мне твой скелет, – хмуро проговорил дварф. – Неправильный он какой-то.

– Это еще почему? – безмерно удивилась полуэльфка.

– То есть, не твой, – поправился Стив, – а этого, убиенного.

– Мне он тоже не нравится, – Иефа с неприязнью посмотрела на кости. – Я вообще скелеты не люблю. Вилка, не трожь череп, кому сказано!

– Не то, – отмахнулся дварф. – Он неправильный, говорю, как будто не настоящий или...

– Искусственный? – насмешливо выгнула бровь Иефа.

– Да ну тебя! Его будто с кладбища по косточке собирали...

– Да погоди еще, не собрали... – вздохнула полуэльфка и снова полезла в воду, тихо радуясь, что напряженный момент миновал. – Вот выловлю остальные – целиком лучше смотреться будет.

– Нет, правда, сама посмотри... – Стив почему-то разволновался и принялся тщательно изучать скелет, будто от него зависела чья-то жизнь. – Вот предплечье – длинное, тонкое, как у эльфа, а плечо мощное, как у орка, ключица вообще мелкая какая-то, как будто... Иефа! Это не человек! Задница Мораддинова, ты на череп посмотри – это эльф!

Иефа пулей вылетела из воды, подскочила к Стиву и уставилась на череп с таким видом, будто это он, а не Стив, заговорил.

– Я не вижу разницы.

– Эльфячая черепушка, я тебе говорю! Может, твой рыцарь здесь еще кого-нибудь уколошил? Какого-нибудь эльфа, чтобы свидетелей не осталось...

– Ну да, а если верить тебе, заодно еще и орка, и кого-то мелкого... – неуверенно произнесла Иефа и запнулась, всмотревшись в скелет и словно заново его увидев. – Стив, не пугай меня. Это что же, получается, здесь народ толпами убивался?

– Ты глубже заходила? – строго спросил дварф, стягивая ботинки и подкатывая штаны.

– Н-нет, – с запинкой ответила полуэльфка и опасливо глянула на озеро.

– Вот то-то и оно.

Потратив минут пятнадцать на тщетные попытки дозваться дварфа, Зулин устал драть глотку и спустился с холма. На берегу озера царили бардак и сумятица. Обхватив голову руками, на мокрой траве сидела с ошалевшим видом полуэльфка, вокруг нее в живописном беспорядке валялось устрашающее множество костей и штук семь черепов разной формы и размера. Осчастливленный детеныш совомедведя с упоением носился кругами, гоня черепа

на манер мячей. Стив, подымая волны, барахтался на мелководе, выбрасывая на берег все новые и новые трофеи. Когда очередная кость шлепалась на примятую траву, полуэльфка вздрагивала и сильнее втягивала голову в плечи. Зулин нахмурился и грозно скрестил руки на груди.

– Дорогая Иефа, мне кажется, ты не упоминала о том, что на берегу этого водоема уничтожили целую армию. О таких мелочах все-таки забывать не стоит. Вы что тут, братские могилы раскапываете?

Полуэльфка подняла на мага затравленный взгляд.

– Не надо так на меня смотреть. Мало того, что сама тратишь время на это бессмысленное занятие, так еще и Стива втянула, а он, между прочим, еле на ногах стоит. К тому же, у меня без него ничего не получается. Видимо, Ведьмин Глаз может активировать только представитель дварфской расы.

– Зулин, погоди с Ведьминым Глазом! – взмолилась Иефа. – Ты посмотри, что творится! Орки, эльфы, люди, гоблины! Или здесь было массовое самоубийство – в чем я сомневаюсь – или их всех грохнули и швырнули в воду... Но зачем?!

– Свежие трупы есть? – деловито осведомился маг, постукивая в нетерпении носком правой ноги. – Или хотя бы полуразложившиеся?...

– О боги, нет! – Иефу передернуло. – Нет тут никаких свежих и полу! Хватит уже!

– Раз нет свежих или хотя бы, как ты выразилась, полу, значит они утопились очень давно, и нас это не касается. Стив! Хватит нырять, выходи из воды, ты мне срочно нужен!

Иефа страдальчески скривилась и отвернулась от мага. В голове все перепуталось, обрывки снов вплетались в реальные разговоры и события, и где-то в этом клубке образов притаилась очень важная мысль, которая все объяснила бы, но подскакивающие под ударами лапок крыльев черепа совершенно выбили барда из колеи.

– Не знаю, успел ли Стив тебе рассказать, но он смог активировать Ведьмин Глаз – кстати, по чистой случайности – и увидел, как убили какого-то человека на берегу этого озера. Говорит, препротивный был человечиска, – продолжал говорить Зулин, одновременно знаками убеждая дварфа выйти на берег. – Это я к тому, что мы все тебе уже верим, и совершенно не обязательно устраивать здесь палеонтологический музей, чтобы доказать свою правоту.

– Зулин, их всех убили!!! – вне себя заорала полуэльфка, вскочив на ноги. – Очнись! Их всех убили и бросили в озеро! И не просто в озеро, а в озеро, находящееся возле древнего магического устройства! Хочешь сказать, это такое глобальное совпадение?! Случайность?!

– Иефа, не кричи, – поморщился маг. – Ну, хочешь, Стив посмотрит в Ведьмин Глаз и узнает, что здесь произошло?

– Не хочу! – отрезала полуэльфка, тщетно пытаясь успокоиться. – Ни чтобы смотрел, ни чтобы узнавал, ни чтобы вообще подходил к этой чертовой штуковине, пока мы точно не знаем, что она такое и как связана с этим подводным кладбищем, черт бы его забрал!

– Послушай, этой груде костей можно найти какое угодно объяснение. Может, у первобытных дварфов была такая традиция – выбрасывать тела в озеро. Может, они молились на этот Ведьмин Глаз и приносили кровавые жертвы, а трупы опять же выбрасывали в озеро. Может...

– Зулин, четыреста лет назад дварфы не были первобытными!

– С чего ты взяла, что всю эту разношерстную толпу порешили именно четыреста лет тому назад? Вы со Стивом видели только одну смерть, правильно? Стив, да вылезай же ты уже из воды!

– И ни одного дварфского! – Стив швырнул на берег еще один череп, судя по форме, когда-то принадлежавший орку. – Лично мне это даже приятно, но все-таки странно. Здесь топили кого угодно, только не дварфов. Что это значит?

– Что? – испуганно спросила Иефа, отчаявшись поймать важную мысль.

– Что именно дварфы и топили. Вернее, один дварф. Иефа, – Стив повернулся к полуэльфке, – в твоём сне старик видел, как убили человека?

– Видел, – севшим голосом ответила полуэльфка.
– И ничего не сделал, чтобы остановить, никак не вмешался?
– Нет. Он был не против.
– Почему?
– Я... Я не помню! – Иефа снова схватила за голову, пытаясь ухватить за хвост юркую мысль. – Не могу вспомнить... Трудно сосредоточиться...
– Все ясно, – Стив хмуро кивнул и решительно направился к каменному столбу. – Не мучайся, сейчас мы все выясним. В конце концов, дварф я или не дварф?!
– Ну, наконец-то! – буркнул Зулин и поспешил следом.
– Погодите, не надо! – слабо запротестовала полуэльфка. – Я вспомню, я сейчас вспомню... – жалобно пообещала она, обращаясь скорее к самой себе, чем к удаляющимся спиной дварфа и планара.

Стив с мрачной решимостью поднялся на холмик, глубоко вздохнул, покрепче уперся ногами в землю и посмотрел в дрожащее марево в горсти причудливо искривленных веток. Воздух сгустился, потемнел, обрел плотность и устоялся на Стива черным живым Зрачком, жадно ожидая Мысль. У Стива закружилась голова, но упрямство взяло верх над слабостью. Старательно воссоздав образ разбросанных по берегу костей, Стив поднатужился и направил мысль к Зрачку.

Яркий полдень на берегу озера растворился в серых сумерках, над плоской верхушкой каменного столба за клубился туман, потом исчез и он, и из пустоты начали выходить одна за другой поникшие фигуры пленников. Орки, гоблины, эльфы, люди, гномы – со связанными за спиной руками, склоненными головами и обреченной медлительностью в движениях. Они входили в круг серебристого света, похожего на лунный, поднимали головы, смотрели на седого дварфа с кинжалом в руке – кто с ужасом, кто с ненавистью, кто с мольбой – и оседали, стекленея глазами, и кровь толчками выходила из перерезанного горла. Потом над ними смыкалась вода, и на свет выходили новые, неизменно повторяя участь своих предшественников. В глазах старого дварфа светилось тихое одобрение.

Стив понял, что не выдерживает, что это слишком, что больше всего на свете ему хочется с ревом броситься на соплеменника и вытрясти из него эту непоколебимую уверенность в своей правоте, заставить его испытать тот же страх, ту же ненависть и ту же обреченность, а потом уложить на мягкое илистое дно... И самому лечь рядом.

Круг серебристого света исчез, его сменило зеленоватое сияние, и Стив облегченно вздохнул. Теперь можно было отдыхать – долго и с удовольствием. Солнце просвечивало сквозь воду, перед глазами шмыгали туда-сюда маленькие рыбки, и было так хорошо, хорошо...

– Вилка, Вилочка, перестань, миленький, подожди, дай мне сосредоточиться...

Иефа сгребла совомедведя в охапку и встревожено посмотрела на холмик. Успеть бы, успеть! Дварф подошел к столбу и поставил ноги на ширине плеч, явно готовясь. Иефа вздрогнула, отвернулась, чтобы не отвлекаться и снова заговорила вслух, отгоняя панику.

– Эльфы, люди, орки, гоблины, даже парочка гномов... И ни одного дварфа! Но не это главное. Если тут приносили жертвы, то почему не животные? Тоже ведь кровь... Но нет ни одного черепа оленя или кабана, или кто тут водится в окрестностях... Нет гибберлингов, нет троллей, только разумные расы... Значит, не просто жертвы... Вилка, помоги мне... Я ничего не соображаю... Дварф был не против убийства, он даже остался доволен... Не стал проверять, умер ли человек, потому что...

Цепочка карминовых капель на щеке.

Маленькое мирное озеро со вздохом принимает в свои воды истекающее кровью человеческое тело. Вполне возможно, что человек еще жив. Что ж, тем лучше, тем крепче будет связь.

"...а во-вторых, не бывает, чтобы вот так, за здорово живешь, каждый встречный-поперечный заглядывал в подобные штуки и никак за это не платил. Здесь явно

какая-то ловушка, какая-то своя пакость. Может, этот Глаз высасывает из смотрящего энергию и жизненные силы, или отнимает удачу, или лишает памяти, или еще что-нибудь... Не зря же твоя мама говорила, что это злоеющая штука..."

– Стив! Стиив! – не своим голосом закричала Иефа, вскочила на ноги и бросилась к холму. Зулин обернулся на ее крик и не увидел, как глаза дварфа из карих стали ярко-зелеными. Стив блаженно улыбнулся и, как подкошенный, рухнул на землю.

– Зулин, убери его оттуда! Стиииииив!

– Друг мой, наша барышня... – начал маг, поворачиваясь, и не закончил фразы. Дварф лежал на притоптанной траве у основания столба, бледный и неподвижный. Зулин схватился за голову и грязно выругался. Когда запыхавшаяся полуэльфка взобралась на холм, маг стоял возле дварфа на коленях и сосредоточенно считал пульс. Иефа рухнула на землю рядом с ним.

– Живой?!

– Помолчи. Двадцать пять... Двадцать шесть... У него пульс, как у ящерицы... В холодную зиму... Двадцать шесть в минуту. Но он жив. Кажется. Видимо, проклятие...

– Это не проклятие! – Иефа скривилась, как от боли, и потерла лоб. – Это Ведьмин Глаз! Это озеро! Это кровь!

– Иефа, успокойся.

– Ведьмин Глаз ничего не показывает просто так. Ему тоже нужна сила, жизненная энергия, его тоже нужно заряжать – как арбалет, понимаешь? Если в арбалете есть стрела, она достигнет цели. Если стрелы нет, тетива просто бахнет по пальцам – и все. И вот Стива бахнуло! Для того чтобы Ведьмин Глаз работал, здесь убивали разумных существ и отдавали озеру. Заметь, их не топили, им резали глотки и швыряли в воду, пока они еще были живы. Глаз питался их силой. Озеро – это колчан со стрелами. В нем оставалось достаточно силы, чтобы Стив увидел того старика. Но потом сила закончилась, и Ведьмин Глаз, за неимением другого источника, потребил самого Стива.

– Но ведь он жив!

– Жив... – Иефа оттянула верхнее веко и без всякого удивления поглядела на зеленую радужку вокруг зрачка. – Он жив, но его здесь нет. Он в озере.

Зулин растерянно смотрел на неподвижного дварфа и пытался собрать мысли-чувства в кулак. Гаденькое нежелание брать на себя ответственность услужливо подсказало следующий вопрос:

– Иефа, почему ты не рассказала об этом раньше?

– Зулин, ты хочешь, чтобы чувство вины сожрало меня изнутри? Не переживай, оно уже жрет. Я не собираюсь тратить время на оправдания. Думай, Зулин, думай, ты маг, ты знаешь эти механизмы лучше нас всех, вместе взятых. Его можно вернуть, я в этом уверена!

– Давай его хотя бы в лагерь перенесем, Ааронн посмотрит, может, чего...

– Брось! – Иефа досадливо махнула рукой, загнала глубоко внутрь предательский комок слез и ухватила дварфа под мышки. – Ааронн однажды сказал про тебя: "Он не ранен и не болен, он пойман". Вот и Стив... Здесь нужно не лекарство искать, а лазейку.

Зулин не нашел, что возразить, и вздохнул. Пыхтя и спотыкаясь, пытаясь собрать во едино скачущие мысли, планар изо всех сил придумывал способ вытащить Стива со дна озера. Если, конечно, пигалица права и Стив действительно там, на дне. На подходах к лагерю Зулин подвернул ногу и с руганью повалился на траву, потащив за собой дварфа и полуэльфку.

– Я, может быть, очень глупый и необразованный маг, – проговорил он, морщась и растирая лодыжку, – но способ вижу только один. Треклятому Глазу нужна жизненная энергия, значит, озеро не отпустит Стива, не получив ничего взамен. Значит, нужна жертва.

– И где мы ее возьмем? Зулин, подумай сам, где мы возьмем представителя разумной расы, который согласится вот так, за здорово живешь, расстаться с жизнью? Дальше, даже если мы его найдем, кто будет его убивать? Дальше, где гарантия, что озеро, получив свежую силу, отпустит Стива? Оно что – разумно? Мы придем и скажем: "Давайте меняться:

вот вам тело, а вы верните нашего дварфа!" Прости, Зулин, но это бред.

– Можешь предложить что-нибудь получше?

– Могу! Ты посмотришь в Ведьмин Глаз и уйдешь вслед за Стивом. Найдешь его там, а мы вернем тебя так же, как в прошлый раз: разобьем метку, Зверь свяжется с тобой, ты потянешь за собой Стива, а мы с Аароном поддержим вас энергией. Ну как? – Иефа отдышалась, поднялась на ноги и снова ухватила дварфа под мышки. До лагеря оставалось десятка два шагов.

– Никак! – Зулин последовал ее примеру и говорил уже на ходу. – Не факт, что я смогу найти там Стива. Не факт, что я вообще смогу там действовать. Совершенно не факт, что Стив пойдет за мной. И как вы узнаете, что я его уже нашел? Как вы узнаете, что уже пора? И потом, если помнишь, вы с Аароном едва не окочурились от потери сил, когда вытаскивали меня *одного*. А теперь представь себе на минуточку, что произойдет, если вы будете тянуть *сразу двоих*? И вообще, почему я?

– Потому что только у тебя есть при себе что-то, на что ты завязан, – Иефа уложила Стива на плащ, со стоном выпрямилась и глубоко вздохнула. – Боюсь, что мне в этом мире зацепиться не за что. Не знаю, как Ааронн... Ааронн?!

Эльф медленно повернул голову на испуганный возглас барда. С бледного, искаженного мукой лица смотрели совершенно сумасшедшие глаза.

– Она умерла, – скорее угадала, чем услышала полуэльфка.

Ааронн отвернулся, запустил пальцы в волосы и так застыл. Иефа и Зулин растерянно переглянулись.

– Демон Баатора, что за день! – пробормотал маг. – Ааронн, друг мой, послушай... – он осторожно тронул эльфа за плечо. – Я тебе искренне сочувствую, но у нас тут Стив, так сказать, тоже почти умер, и очень бы хотелось вернуть его к жизни, пока не поздно.

– Ааронн, ты не виноват, – тихо проговорила Иефа. – Ты сделал все, что мог, честное слово. Ты... – полуэльфка запнулась, подбирая слова. – Ты ей уже не поможешь. Ааронн, пожалуйста, соберись, я тебя очень прошу, ты нам нужен. Очень нужен! Ты слышишь?... Ааронн!

– Она умерла, – глухо повторил эльф.

– Это очень печально, – жестко сказал маг, – но она нам – никто, а Стиву нужна твоя помощь. Будь добр, отложи траур на потом. Возьми себя в руки! Сейчас не время...

– Зулин, оставь его в покое, – Иефа тронула мага за рукав и покачала головой. – Боюсь, нам придется справляться самим.

– Может, я не только очень глупый и необразованный маг, – Зулин упрямо мотнул головой, но от эльфа отошел, – может, я вдобавок еще и безжалостный сухарь, но это слегка некрасиво – лить слезы по малознакомой барышне, когда умирает друг! В конце концов, Стив не виноват, что она умерла! Ааронн, сколько еще народу должно помереть, чтобы ты очнулся?!

– Зулин, прекрати! – испуганно зашептала Иефа. – Ты делаешь только хуже!

– Я не прав?! – воинственно воскликнул маг.

– Ты прав, но он тебя все равно не слышит! Не трать время, сосредоточься на Стиве!

– Вот от кого я такого не ожидал, так это от Ааронна! – маг сердито повернулся к дварфу. – Уж если на то пошло, давай сосредотачиваться вместе. Значит, пока у нас есть только два варианта: принести жертву, переполнив озеро силой, и попытаться вытащить Стива при помощи твоих сомнительных способностей. Это первое. Отправиться вслед за Стивом, найти его там и вернуться вместе с ним при помощи метки, Зверя и твоих сомнительных способностей. Это второе. Оба варианта нам не подходят. Во-первых, у нас нет жертвы...

– Черт возьми, знали бы, что она все равно умрет... – с ненавистью пробормотала полуэльфка. Зулин бросил на нее изумленный взгляд, но быстро справился с собой.

– Итак, во-первых, у нас нет жертвы. Вопрос: где ее достать в ближайшее время?

– Или я, или ты, или Ааронн, – мрачно ответила полуэльфка.

– Очень смешно, – скривился маг, – особенно если учесть, что ты нужна для изъятия Стива со дна и на роль жертвы не годишься. Короче, первый вариант отпадает. Что у нас по второму?

– Одна я вас двоих точно не вытяну, – призналась Иефа. – Еще с Ааронном – куда ни шло, но сама...

– Значит, нужно ждать, пока Ааронн придет в себя или придумывать... Демон Баатора, да что ж за день сегодня такой?! – Зулин вскочил и возмущенно уставился себе под ноги. – Что опять происходит?!

Иефа проследила за его взглядом и охнула. Усталая августовская трава, разведенная мелкими кисточками колосков, резными листьями крапивы и плотными сердечками пастушьей сумки, жухла и умирала прямо под ногами, словно кто-то закрашивал поляну бледно-желтой краской. С кустов черемухи на опушке облетели листья, оставив торчать голые тонкие ветки; молодые дубки из зеленых стали блекло-коричневыми. Казалось, что поляну со всех сторон окружила глубокая осень и теперь быстро и неумолимо стягивается к центру, уничтожая все на своем пути. Волна умирания накрыла костерок, он безнадежно вспыхнул, зачал и погас, мгновенно затянув угли белесым пеплом.

– Это... Это из-за нее? – запинаясь, спросила Иефа.

– Нет, – тихо ответил маг. – Это из-за него. Смотри.

– Ааронн... – в ужасе выдохнула полуэльфка.

Проводник больше не был воплощением скорби. Воздух вокруг него потемнел, солнечные лучи обходили стороной облако сумерек, окутавшее эльфа и дриаду. Левую руку Ааронн положил дриаде на грудь, правой упирался в землю, пропахав в ней борозды хищно скрюченными пальцами. Волосы падали ему на лицо, и между темных прядей посверкивали желтые волчьи глаза. Сумерки волновались, тянулись к эльфу, но дотянуться не могли. Ааронн шевелил губами, хриплый шепот эхом разносился по поляне, многократно повторяясь, словно шептали загубленные деревья и кусты. Осень наступала, стягивалась к правой руке эльфа, вспыхивала желтыми искрами на кончиках пальцев и со вздохом отдавала только что отобранную жизнь. Сила крупной дрожью сотрясала плечи проводника, вливаясь в дриаду, и на секунду ошеломленным спутникам показалось, что на затылке и спине эльфа пробивается волчья шерсть.

– Что он делает?... – клацая зубами, спросила Иефа и вцепилась в мага.

– Совершает большую ошибку, – мрачно ответил Зулин и отступил на несколько шагов, закрывая собой Стива.

– Ааронн, не надо... – рванулась было вперед полуэльфка, но маг закрыл ей рот рукой, оттащив на место.

Последняя травинка сникла под правой рукой эльфа. Ааронн вздрогнул, запрокинул голову и завыл. Сумерки отступили, по хребту проводника пробежала огненная змейка, свернула на левое плечо и, спустившись по руке, впиалась в грудь дриады. Сгустившийся воздух на секунду застыл, в нем мелькнуло что-то черное, исчезло, и сумерки хлынули на дриаду, спеша пробраться внутрь, заползали в ноздри, вливались в приоткрытый рот, исчезали под ногтями. Когда последний клочок темноты растаял, друид оборвал вой и со стоном повалился на землю.

На несколько секунд над поляной нависла тишина, такая же мертвая, как трава под ногами, а потом земля вокруг обессиленного эльфа пошла пузырями, которые лопались и выпускали наружу черные колючие не то корни, не то стебли. Они сухо шуршали по жухлой траве, подбираясь к неподвижному проводнику.

Иефа и Зулин очнулись от столбняка и дружно, не сговариваясь, бросились к эльфу, заноса на бегу оружие для удара. Пробежав несколько шагов, Зулин врезался в невидимую стену и отлетел назад, повалившись на спину. Рядом с ним рухнула полуэльфка. Ошеломленный падением, маг с трудом поднялся на ноги и помотал головой, отгоняя дурноту. Иефа стояла на коленях, опираясь на меч, как на посох, и никак не могла прийти в себя. Зулин подхватил ее под руку.

– Стойте на месте, – раздался негромкий спокойный голос. На толстом древесном корне, как по заказу, выросшем из земли, сидела дриада, полуприкрыв глаза и удобно прислонившись спиной к мертвому дубовому стволу. – Конечно, если хотите жить.

Иефа подняла голову, окинула взглядом изящную фигурку дриады и испытала такую жгучую ненависть, что даже забыла испугаться.

– Черта с два, – сквозь зубы пробормотала полуэльфка и мягко пошла по кругу, выставив перед собой полуторник. Дриада лениво следила за передвижениями барда, не поворачивая головы. Корни шуршали и потрескивали, оплетая ноги эльфа.

Зулин дождался, пока Иефа отойдет шагов на двадцать, и швырнул в дриаду огневик. Огненный шар разбился об узкую ладонь лесной хозяйки, осыпавшись дождем искр. Дриада резко развернулась к магу, широко распахнув заполненные клубящейся тьмой глаза. У ее ног начала тлеть и дымиться сухая трава.

– Это очень глупо, а главное, бесполезно...

– Позвольте мне самому решать! – процедил Зулин и начал, не таясь, плести сеть из молний, краешком глаза следя за бардом.

– Вы оба умрете, – равнодушно сообщила дриада.

– Когда-нибудь – обязательно, – согласился Зулин, выждал еще несколько секунд и с криком: "Давай!" швырнул сеть в дриаду, одновременно срываясь с места.

Иефа с волчьего шага перешла на бег, с криком врубилась в черное месиво корней, пытаясь добраться до эльфа. Поляну затянуло едким дымом, где-то в стороне закашлялся маг, Иефа споткнулась, плашмя упала на землю, выронила меч. В лицо полуэльфке полетели комья земли, выбравшийся наружу корень черной гадюкой скользнул по затылку, оплел горло и сдавил. Иефа захрипела, вцепилась руками в корень, пытаясь ослабить хватку. С разодранной колючками шеи за шиворот тонкими струйками потекла кровь. Иефа слепо шарила рукой по земле, пытаясь нащупать рукоять полуторника, перед глазами плыли черные и оранжевые круги, в ушах шумело. Дым выедал глаза и забивался в ноздри, уничтожая бесценные остатки воздуха. Иефа дернулась из последних сил, взрывлив каблуками землю. Над головой раздался рев, из дымного облака выскочил детеныш совомедведя и остервенело накинулся на корень, раздирая его в клочки когтями и загнутым совиным клювом. Колючая плеть конвульсивно дернулась и разжалась. Иефа откатилась в сторону и встала на четвереньки, мучительно кашляя.

Зулин без оглядки тратил силы, сплетал заклинания, почти не задумываясь, потому что уже понял: магией дриаду не достать. Оставался один единственный шанс, но для того чтобы им воспользоваться, нужно было полностью сосредоточить на чем-нибудь внимание дриады. И Зулин сосредотачивал, чувствуя, как немеют пальцы, как в виски кувалдами вламывается боль, как липнет к спине мокрый от пота балахон. Дриада не нападала, только отмахивалась от бесконечной череды магических копий, огневиков и молний. Вокруг нее на добрых десять шагов выгорела трава, крупные хлопья пепла плясали в горячем воздухе и оседали на когда-то зеленоватых, а теперь грязно-серых волосах. Еще чуть-чуть, еще немного... Зулин терпел, уже почти не чувствуя рук и ног. Всего один шанс.

С толстой ветви загубленного дуба с утробным воем прыгнул фамилляр, метя когтями в черные глаза дриады. В ту же секунду Зулин выхватил нож и рванулся к цели, стремясь достать горло, но ноги отказались бежать. Маг потерял равновесие, нелепо взмахнул руками и рухнул лицом вниз. Опутавший его колени корень проворно пополз выше, притянул к бедру правую руку, сдавил грудную клетку, захлестнул горло. Дриада, яростно шипя, оторвала от себя воющего Зверя и что есть силы грохнула его о ствол дерева. Кот оборвал вой и мешком свалился на землю. Зулина вывернуло на изнанку от внезапной боли, и он закричал.

Иефа из последних сил рвалась к эльфу, но не могла продвинуться ни на пядь. Корни вырастали из земли, норовя схватить за ноги, опутать руки, сдавить горло. Иефа вертелась волчком, обрубая гибкие плети, где-то рядом клекотал Вилка, но корней было слишком много. В бешеном развороте бросая взгляд на то место, где лежал эльф, Иефа все яснее

видела, что не успевает. Уже не успела.

Ааронн превратился в черный живой кокон, над которым смыкались все новые и новые корни, и скоро он скрылся под ними, как под могильной плитой.

Иефа услышала, как кричит Зулин, обернулась на крик и кубарем полетела на землю, сбита с ног толстой колючей плетью. Другие плети, потоньше, мгновенно опутали ей руки и ноги, лишив возможности двигаться. Иефа дернулась и застонала сквозь зубы от бессильной ярости.

– Да, упрямство еще никого до добра не доводило, – раздался насмешливый голос дриады. Дым постепенно рассеялся, и полуэльфка, наконец, смогла рассмотреть хозяйку леса во всей красе. Радости ей это не прибавило.

– Тварь неблагодарная! Он тебе жизнь спас! – отчаянно крикнула Иефа.

– Его никто об этом не просил, – ответила дриада, с любопытством, словно впервые увидела, рассматривая свои руки. – Впрочем, большое спасибо... – лесная хозяйка пощупала лицо, перечерченное наискось когтями фамильяра, озабоченно нахмурилась и повернулась к Иефе: – Зеркала не найдется?

– Да пошла ты... – задыхнулась от такой наглости полуэльфка.

– Ах, ну да, конечно же... Тебе-то оно зачем, наемница? – пожала плечами дриада и неожиданно мерзко, по-стариковски захихикала. – А силенок у тебя маловато для диких лесов.

– Я не наемница, я бард, – ощерилась Иефа, – а силенки все свои я на тебя, курву, истратила, когда Ааронну лечить тебя помогала!

– О, как мило...

– Я хотел бы знать, что с нами будет дальше, – мрачно вмешался Зулин. – Если мы до сих пор живы, значит, убивать нас ты не собираешься.

– Какой проникательный, – дриада кокетливо махнула в сторону Зулина рукой и задумалась. – Все будет очень просто: вы уйдете, а он останется.

– Черта с два мы его бросим! – рявкнула Иефа и забилась, упрямо пытаясь избавиться от пут.

– Он нарушил закон, был осужден и понес заслуженное наказание, – брезгливо поморщилась дриада. – Ты не сможешь ничего изменить, полукровка.

– Чей закон он нарушил?! Кто его судил?! Кто его наказал?!

– Лес. Сбавь тон, девчонка, или прстоишь связанная до конца своей короткой, никчемной жизни.

Иефа перевела дух и снова рванулась, с удивлением обнаружив, что опутавшие ее корни чуть-чуть ослабли. Дриада перехватила ее изумленный взгляд и нахмурилась.

– Мы не уйдем отсюда по двум причинам, – упрямо заявил Зулин. – Во-первых, Ааронн не заслуживает какого бы то ни было наказания...

– А вот это не тебе решать, – гаденько усмехнулась дриада.

– ...а во-вторых, у нас тут дела. – Зулин мотнул головой, и корень, сжимавший его шею, скользнул вниз, исчезая в земле.

– Вы уйдете отсюда и заберете с собой вашу живность! – отрезала дриада, поднявшись со своего импровизированного трона. – И чем скорее вы это сделаете, тем меньше пострадаете!

– У нас тут дела, слышишь, ты, дура зомбированная?! – звонко и зло крикнула полуэльфка. Откуда-то сбоку слабым урчанием откликнулся Вилка. – Мы вытащим Ааронна из под этих гребаных дров, засунем их тебе в задницу и подожжем, и вот тогда ты нам расскажешь, кто кого судил и кто кого наказал!

– Научись слушать, безмозглое ты создание, – скривилась дриада. – Поздно! Нет уже никакого Ааронна! Или вы уйдете отсюда, или умрете! Хотя...

Зулин высвободил, наконец, правую руку и запустил в лесную хозяйку малюсенькой шаровой молнией, от которой та досадливо отмахнулась. Иефа крутилась и ерзала, выдираясь из цепких корней, и пропустила момент, когда дриада вдруг застыла на месте, как

статуя, и несколько секунд стояла неподвижно, бледная и безжизненная, словно ее и не воскрешали. Потом заполненные тьмой глаза открылись, и тонкие губы расплылись в довольной ухмылке.

– Вот как мы поступим! – провозгласила лесная хозяйка и снова уселась на корень. – Я не могу отблагодарить за свое спасение вашего усопшего друга, – она насмешливо кивнула в сторону древесного кургана, – но вполне могу отблагодарить вас. Вместо одного товарища я верну вам другого, таким образом, все ваши дела на берегах этого чудесного озера будут завершены, а меня не будет мучить совесть.

– Ты вернешь нам Стива? – не веря своим ушам, переспросил маг, а полуэльфка нахмурилась, пытаясь понять, где тут подвох.

– Ему очень хорошо там, на дне озера: спокойно, тихо, безмятежно. Вряд ли вы уговорили бы его вернуться.

– Ты-то откуда знаешь?! – запальчиво крикнула полуэльфка.

– Я – *знаю* ... – дриада сжала руки в кулаки и ощерилась. – Я *точно* знаю. Но мы отвлеклись. Вас смущает озеро? Я заберу его оттуда, а после этого вы уйдете.

– Это твои условия? – хмуро спросил планар.

– Нет, – усмехнулась дриада. – Это не условия, просто так и будет, уж поверь мне на слово, колдун. Вы мирно уйдете отсюда, сопровождаемые вашим дорогим другом, и ни разу не попытаетесь вернуться, потому что здесь вас уже ничего не держит.

– А если мы не согласны? – упрямо мотнула головой Иефа.

– Ты опять все прослушала, дурочка, – дриада с жалостью посмотрела на полуэльфку. – Вас никто не спрашивает.

– Мы согласны, – решительно сказал маг. – Мы не будем пытаться освободить Ааронна и уйдем, как только ты вернешь нам Стива.

– Конечно, уйдете, – любезно кивнула дриада, и корни, державшие мага, сползли вниз и исчезли в земле. Зулин неуверенно пошевелил затекшими руками и подошел к Иефе.

– А ее?

– Я ее не держу, – недовольно нахмурилась дриада. – Она сама себя держит. Как только она перестанет строить коварные планы по освобождению своего драгоценного эльфа, ее тоже отпустят. А теперь помолчите минуту, если хотите получить вашего друга полностью. Впрочем, если вас устроит пускающий слюни дебил, можете еще немного со мной поболтать.

Зулин послал дриаде красноречивый взгляд и придвинулся к барду вплотную.

– Что ты творишь?! – выдохнула ему на ухо Иефа. – Ты на что соглашаешься, гад?!

– Тихо. Возьми себя в руки. Чем быстрее успокоишься, тем скорее освободишься. Слушай меня внимательно. Как только она оживит Стива, отвлекая ее разговорами, пока голос не потеряешь. Заговаривай ей зубы, умоляй вернуть Ааронна, на колени падай, что угодно делай, только чтобы она смотрела на тебя, а не по сторонам. Мы не знаем, каким будет Стив, когда очнется, в любом случае, мне нужно будет ввести его в курс дела. Потом я подам сигнал, и мы нападём на нее все вместе. Постарайся использовать свои способности, заморозь ее, болотные огни напусти – в драке все сгодится... Но сильно не расходишься, возможно, твоя сила нужна будет Ааронну. Все будет хорошо. Ты мне веришь?

– Верю, – шепнула Иефа и ловко пнула последний исчезающий в земле корень.

– Будь готова, – кивнул Зулин и отвернулся.

– Переговоры окончены? Заговор сплетен? Тщательно, я надеюсь? – дриада насмешливо посмотрела на пунцовую от злости полуэльфку. – Не вздумайте что-нибудь вытворить... эдакое. Отойдите оба.

Зулин послушно шагнул в сторону, потянув за собой барда. Дриада прикрыла глаза, расслабленно уложила руки на коленях и застыла. Прошло две бесконечно долгих минуты, за которые Иефа успела придумать и забраковать около сотни аргументов и доводов, способных завладеть вниманием дриады – от приставленного к горлу полуторника до истерических рыданий носом в маленькие босые ступни. Хрустнула ветка, Зулин нервно

оглянулся, но никого не увидел.

– Подойди ко мне, благородный дварф! – промурлыкала дриада таким сладким голосом, что у барда скулы свело от отвращения. Зулин многозначительно ткнул полуэльфку локтем в бок. Стив открыл глаза и сел. Повертел головой, беспокойно оглядываясь, словно потерял что-то очень ценное, увидел дриаду и вскочил на ноги. "Давай", – прошептал Зулин. Иефа выдвинулась вперед и открыла рот, собираясь разразиться длиннющим экспромтом, но осеклась. По лицу Стива разлилось обожание с примесью облегчения, волнуясь, он сделал несколько робких шагов по направлению к дриаде и опустился на одно колено, прижав руку к сердцу.

– Стив, дружище, ты как? – неуверенно позвал маг, но дварф его не услышал.

– Скажи мне, храбрый воин, куда направлялся ваш отряд? – спросила дриада, бросая насмешливые взгляды на ошеломленных Иефу и Зулина.

– На восток, моя госпожа, – хрипло ответил Стив.

– Очень хорошо. Я желаю, чтобы вы продолжали идти на восток, пока не сядет солнце, а с рассветом возобновили свое путешествие, не оглядываясь и не пытаясь вернуться.

– Твое желание для меня – закон, госпожа, но я хотел бы остаться с тобой! – Стив поднял голову и с надеждой посмотрел дриаде в глаза. – Я буду защищать тебя от врагов, я буду заботиться о тебе, беречь твой сон, укрывать от непогоды, добывать пищу, отгонять невеселые мысли, я...

– Ты с ума сошел! – вне себя заорала Иефа, в два прыжка подлетела к дварфу, схватила его за ворот рубахи и как следует встряхнула. – Очнись, Стив, эта гадина...

В следующую секунду полуэльфка мешком рухнула на жухлую траву шагах в пяти от дварфа, скрючившись и хватая ртом воздух.

– Никто не смеет бранить мою прекрасную, добрую госпожу, – с угрозой в голосе проговорил дварф и поднялся с колена.

– Стив, она убила моего Зверя, – процедил Зулин, опускаясь на землю рядом с Иефой.

– Госпожа милосердна и мудра, – отрезал Стив и снова повернулся к дриаде. – Значит, так было нужно.

– Эти дурачки будут твоими спутниками, – проворковала та, ласково глядя на дварфа. – Скорее всего, они не захотят выполнить мою просьбу. Ты должен проследить, чтобы они сделали все, как надо. Если они будут слишком упорствовать в своем непослушании, убей их.

Стив почтительно поклонился и принялся молча собирать раскиданные по поляне вещи.

– Ты, мразь! – прохрипела Иефа, вдохнув, наконец, воздуха. – Что ты с ним сделала?! Нужно было оставить тебя подыхать в лесу! Нужно было скормить тебя озеру! Тварь! Гнусная, злобная тварь!

Стив не спеша подошел к полуэльфке, наклонился, сгреб за шиворот, без видимых усилий поставил ее на ноги и встряхнул.

– Никто не смеет бранить мою...

– Стив, это же я! Это я! Да очнись же ты, дубина! Это я, Иефа! Эта сволочь... – Стив легонько ткнул барда кулаком в солнечное сплетение и оставил валяться на жухлой траве, царапать землю обломанными ногтями в мучительных попытках вздохнуть.

– Не обращай на нее внимания, дварф. Сделай то, о чем я прошу, – дриада расплылась в довольной улыбке, наблюдая, как Стив сосредоточенно сворачивает плащ, на котором она умерла всего полчаса назад. – Не трать понапрасну слов, полукровка. Это обычное заклинание подчинения с примесью любовной магии, – дриада снова издала гнусный старческий смешок. – Это не надолго. Дней на пять, я думаю. Зато я точно знаю, что вы не натворите глупостей.

– На вашем месте я бы не был так в этом уверен, – тихо сказал маг.

– О, разве? – дриада светски улыбнулась и откинула назад волосы. – И как же вы намерены поступить? Убьете своего вновь обретенного товарища ради куска падали в

деревянном склепе? Не думаю. Магия на него не подействует, пока в силе мое заклятие. Тем более, что ты явно как следует порастратился сегодня, колдун. Остановите его с помощью оружия?

– Нас двое, – наконец продышавшись, с ненавистью сплюнула Иефа.

– Действительно, – согласилась дриада. – Дварф, если один из твоих спутников убежит, убьешь того, кто останется. Если попытаются сбежать оба, будешь преследовать их, пока не настигнешь, а когда настигнешь – убьешь обоих.

– Да, госпожа.

– Уходите, – дриада подошла к древесному кургану и задумчиво коснулась его пальцами. – Верность... обычно не окупается.

– Выполняйте приказ госпожи, идите! – Стив подтолкнул сопатийцев топорищем и нахмурился. – Идите!

– С тобой я еще разберусь... – пробормотала Иефа, угрожая не известно кому. – Вилка! Вилка! – детеныш совомедведя, спотыкаясь и страдальчески поджимая правое лапокрыло, подковылял к хозяйке и уткнулся лбом в бедро. Иефа погладила опаленные перья на загривке, подхватила детеныша на руки и последний раз посмотрела на дриаду. Лесная хозяйка небрежно приняла ее пристальный взгляд и, насмехаясь, склонила голову в церемонном поклоне.

– Пойдем, – тронул полуэльфку за локоть Зулин.

– Пойдем, – тихо ответила Иефа.

* * *

Костер мирно потрескивал и плевался рыжими искрами. Зулин с отсутствующим видом ворошил палкой угли. Убитый на закате глухарь сиротливо валялся рядом, но никто не торопился его ощипывать и потрошить.

Иефа сидела напротив, выбирая занозы из лапы детеныша. В стороне молчаливым изваянием с топором наизготовку застыл Стив.

Они напали на дварфа на четвертой по счету поляне. Иефа сделала вид, что у нее расстегнулась пряжка на ботинке, ссадила на землю Вилку, опустилась на одно колено, сосредоточилась, а потом вскочила на ноги, резко, в развороте, выбросила вперед правую ладонь и крикнула Ледяное Слово. Дварф, и не думая застыть, недобро сощурился и шагнул вперед. Сбоку к нему подскочил Зулин, заноса для удара кинжал, в последнюю секунду сообразил, что может серьезно ранить, замешкался, получил топорищем в живот и выбыл из строя. Иефа даже не стала вытаскивать из ножен полторник, только шуганула подальше детеныша, под страхом смерти запретив ему вылезать из кустов, пока не позовут. Вилка послушался и тоскливо поскуливал от страха и беспокойства за хозяйку.

По шажочку отступая от неумолимо надвигающегося дварфа, Иефа говорила, говорила и говорила, захлебываясь словами, пыталась отыскать нужные, убедительные фразы и не находила. И только упершись спиной в шершавый осиновый ствол, полуэльфка сдалась и закричала – протяжно и тоскливо. Крик оборвался звонкой затрещиной.

– Госпожа велела идти на восток, – сурово сказал Стив и больше не произнес ни слова.

Потом они пробовали еще, и еще, и еще, и каждый раз находилось все меньше сил и слов, потом попытки превратились в тихое ободряющее обсуждение того, как они поступят, когда Стив заснет. Потом Зулин подстрелил глухаря.

Закатное солнце выставило тропинку темным золотом, и дварф скомандовал привал.

Развести костер, вскипятить воду, как это обычно делал Стив. Запарить ромашку и нравоучительным тоном поведать о целебных свойствах дикой крапивы, как это обычно делал Ааронн. С настойчивым урчанием отпихнуть от добытой птицы Вилку и ждать, когда по лесу разнесутся неприлично вкусные ароматы, как это обычно делал Зверь...

Маг бездумно смотрел в огонь. Иефа вытащила из совомедвежьей лапы последнюю

занозу и почти машинально уняла боль. Вилка вздохнул, устраиваясь на плаще. Иефа, наверное, уже в сотый раз набрала воздуха в легкие, чтобы спросить планара о Звере, но так и не решилась. Зулин не стал забирать тело фамильяра с поляны. Теперь на его коленях Иефе все время чудилась крошечная подвижная тень, как будто кот вновь превратился в тощего котенка и стал бесплотным. Иефа вздохнула и решила спросить о другом.

– Зулин... – негромко окликнула она мага. – Ты все время поминаешь какого-то демона Баатора. Давно хотела спросить – что он такое?

– Не знаю, – равнодушно ответил маг. – Так ругался мой Учитель. Я просто запомнил.

– Понятно, – прошептала Иефа, пряча лицо в мохнатом боку детеныша. – Ты ложись спать, Зулин. Тебе нужно восстановиться. Может, завтра получится...

– Может быть, – согласился маг. – Спокойной ночи.

– Спокойной, – Иефа проводила взглядом ссутулившуюся спину в фиолетовом балахоне и зябко обняла себя за плечи. Вилка поднял лобастую голову и ткнулся мордой под локоть, жалобно урча. – Дремлешь, похожий на памятник, непостижимый сырой земле... – то ли пропела, то ли прошептала полуэльфка. Горло сдавил предательский спазм, костер расплылся оранжевым мутным пятном и потек, отражаясь в мокрых дорожках на щеках...

Июнь, 2007 г.